

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

3(27)
2018

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В.,
Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д.,
Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай),
Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Россия), Гэй У.
(США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т.
(Великобритания), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Коротаяев А. В.
(Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия),
Назаретян А. П. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (Казах-
стан), Сергеев М. Ю. (США), Степин В. С. (Россия), Теймури В. (Иран), Ур-
сул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия).

Адрес редакции:

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, к. 205, Президиум РФО.
Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

DOI: 10.30884/vglob/2018.03.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Урсул А. Д. В. И. Вернадский и глобальные исследования (к 155-летию со дня рождения ученого)	3
Спиридонова В. И. Глобализация в XXI в.: инволюция или новые перспективы?	15
Пунченко О. П. Фронтиры евро-азиатской глобализации: синергетический анализ	26

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Азимов П. Х. Роль международных транспортных коридоров в процессе глобализации экономик стран Центральной Азии	39
Ракитов А. И. Культура, цивилизация и современные техноло- гии в перспективе глобальных трансформаций	47
Глушенкова Е. И. Н. Н. Моисеев: социальная философия и политические идеи	58

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Сарвал А. Роль английского языка в глобальном мире	72
Ильин А. Н. Глобализация консюмеризма и связанные с ней социокультурные проблемы	81

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Саямов Ю. Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня	95
Шевченко В. Н. Возвращение Китая на национальный путь развития в эпоху глобализации: значимость и выводы для России ...	106
Савченко В. А. Предпосылки политических революций	120
Нелюбин Н. И. Симулякр как единица современной образова- тельной коммуникации	134
<i>Contents</i>	143

ТЕОРИЯ

В. И. ВЕРНАДСКИЙ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (к 155-летию со дня рождения ученого)

Урсул А. Д.*

В статье отмечается, что ряд идей М. В. Ломоносова о взаимосвязи процессов, происходящих на нашей планете, повлиял на творчество В. И. Вернадского и стимулировал формирование глобального видения мира. Вернадский в своих трудах уделял огромное внимание формированию научного мировоззрения, в котором глобализм и эволюционизм занимали существенное место. Автор полагает, что ученый заложил научные основы исследований глобальных процессов и его с полным правом можно считать основоположником глобального направления в науке. Глобальные исследования в настоящее время формируются как особый научный кластер, включающий глобалистику как ядро этих исследований, глобальный эволюционизм, отдельные глобальные дисциплины, глобализационные исследования и ряд других глобальных областей научного поиска. В. И. Вернадский предвосхитил появление нового – планетарно-глобального – этапа и процесса развития научных исследований, начала развертывания глобальной революции в науке.

Ключевые слова: глобализация, глобализация науки, глобальная революция в науке, глобальное мировоззрение, глобальные дисциплины, глобальные проблемы, глобальные процессы, глобалистика, глобальные исследования, глобальный кластер знания, междисциплинарные разделы глобалистики, ноо-глобализм, ноосфера, эволюционная глобалистика.

The article notes that a number of M. V. Lomonosov's ideas on the interconnection of the processes taking place on our planet influenced the creativity of V. I. Vernadsky and stimulated the formation of a global vision of the world. V. I. Vernadsky devoted a great deal of attention to the formation of a scientific worldview, in which globalism and evolutionism occupied a significant place. The author believes that the scientist has laid the scientific foundations for the research of global processes and can rightly be considered as the founder of a global direction in science. Global studies are now being formed as a special scientific cluster, which includes globalistics as the core of these studies, global evolutionism, separate global disciplines, globalization studies and a number of other global areas of scientific research. V. I. Vernadsky anticipated the emergence of a new – planetary-global stage and the development of scientific studies, the beginning of the development of a global revolution in science.

* Урсул Аркадий Дмитриевич – д. ф. н., профессор, академик АН Молдавии, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра глобальных исследований и профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: ursul-ad@mail.ru.

Keywords: *globalization, globalization of science, global revolution in science, global worldview, global disciplines, global problems, global processes, globalistics, global studies, global cluster of knowledge, interdisciplinary sections of globalistics, nooglobalism, noosphere, evolutionary globalistics.*

Глобальное видение мира: от М. В. Ломоносова к В. И. Вернадскому

В нашей стране истоки глобального мировоззрения, как показали исследования, восходят еще к М. В. Ломоносову [Абылгазиев и др. 2011]. Нет сомнений в том, что ряд идей М. В. Ломоносова о взаимосвязи процессов и явлений, происходящих на Земле, повлиял на творчество В. И. Вернадского, в частности, на формирование его представлений о биосфере как глобальной системе, в которой живое вещество играет главную роль.

В. И. Вернадский считал М. В. Ломоносова одним из великих ученых, которые появляются единицами в тысячелетней истории человечества. В статье «Памяти М. В. Ломоносова» (1911 г.) он писал: «Ряд идей М. В. Ломоносова ближе, яснее и понятнее в начале XX века, чем они были в середине века прошлого» [Вернадский 1989: 52]. Это же можно сказать и о научном наследии В. И. Вернадского: его идеи ближе, яснее и понятнее в начале XXI в., чем в прошлом столетии.

Научное творчество М. В. Ломоносова В. И. Вернадский начал исследовать еще с 1900 г. (ряд его работ был посвящен Ломоносову); будучи профессором Московского университета, Владимир Иванович опубликовал в том же году брошюру «О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии» [Он же 1900]. Вернадский отмечал, что великий ученый опередил свое время правильной оценкой целого ряда недоступных для понимания его поколением явлений, он был впереди своего века и кажется нашим современником по тем задачам и целям, которые он ставил перед научным исследованием. В. И. Вернадский высоко оценивал работу М. В. Ломоносова «О слоях земных» [1949], считая ее блестящим очерком геологической науки, где было дано первое по времени изложение геологии, до него еще не существовавшей. Ломоносов также первым среди ученых сумел увидеть Землю как единое целое, сформировавшееся под действием связанных между собой внутренних и внешних факторов.

Высоко оценивал В. И. Вернадский взгляды М. В. Ломоносова на причины землетрясений, на образование рудных жил, их смещения по разломам земной коры, на происхождение почв и горючих ископаемых, на образование янтаря и ряда других минералов и руд [Яншина 1998] и даже задумал написать работу о физических и химических исследованиях Ломоносова, но от нее сохранились лишь две странички введения под заглавием «К биографии М. В. Ломоносова» [Вернадский 1988: 332–333]. В 1927 г. Вернадский организовал при Президиуме Академии наук особую Ломоносовскую комиссию, благодаря деятельности которой позднее, в 1950–1967 гг., Академия наук издала полное десяти томное собрание сочинений М. В. Ломоносова, в которое вошли и все материалы, собранные Ломоносовской комиссией В. И. Вернадского [Яншина 1998: 447].

Представляет интерес и то, что вскоре после первых работ о Ломоносове Вернадский прочитал курс лекций в Московском университете, в которых он, в частности, обратился к вопросам географических открытий и установлению шарообразной формы Земли, а также к ряду других вопросов, которые, по мнению ряда ученых, связаны с началом процесса глобализации. Эти лекции позже были

опубликованы: первые три – в 1902 г., а затем лишь в 1981 г. в книге по истории науки [Вернадский 1981: 301–303]. Конечно, ученый акцентировал свое внимание в основном на изучении естественных процессов, но так или иначе он обращался и к сфере социально-гуманитарного знания. В естественных и других науках значительное внимание он уделял междисциплинарным исследованиям, и это дает возможность какой-то, пусть весьма предварительной, оценки его идей и концепций, выходящих за пределы дисциплинарного видения науки.

Научные идеи ученого в глобальном ракурсе, ранее фактически не замеченные, только начинают раскрываться и будут все полнее осознаваться в ходе дальнейшей глобализации науки и развертывания глобальных процессов. Неслучайно В. И. Вернадского считали «Ломоносовым XX века», хотя в такого рода оценке творческого вклада ученого вряд ли стоит ограничиваться только прошлым столетием. Вернадский и сейчас видится в качестве великого мыслителя глобальной эпохи, которая в перспективе будет превращаться в эпоху ноосферы [Ильин, Урсул 2013; Урсул 2013].

При анализе научного наследия В. И. Вернадского мы сталкиваемся с тем непреложным фактом, что открываем в нем все новые стороны, идеи, концепции, которые ранее либо не были поняты, либо не привлекали внимания исследователей. В этом смысле можно сказать, что наследие Вернадского неисчерпаемо. И одна из причин этой неисчерпаемости наследия гениального ученого, который завершил свое творчество в первой половине XX в., заключается в факторе обновления мышления, выдвижении новых проблем, сквозь призму которых мы ощущаем актуальность творчества В. И. Вернадского.

Фундамент глобального мировоззрения закладывался многими мыслителями, деятельность которых рассмотрена в монографии А. Н. Чумакова [2017]. Однако начиная только с В. И. Вернадского постепенно развернулся процесс становления глобального сознания и мышления как нового способа и направления освоения окружающего мира, имеющего свои особенности.

Сам ученый отмечал во фрагменте «О научном мировоззрении», что «открытие Америки, объезд Африки, открытие Австралии имели огромное значение для научного мировоззрения» [Вернадский 1991: 195], как и другие кругосветные путешествия великих мореплавателей XVIII столетия, они в значительной степени отразились на нашем научном мировоззрении [Там же: 196]. Вернадский также исследовал такие глобальные процессы, как глобальное расселение, овладение огнем как одной из сил природы, названное им «великим открытием» и даже «планетной революцией», развертывание агронеолитической революции и т. д. Глобальное («планетное») миропонимание у ученого сформировалось не только благодаря осознанию этих выявленных им процессов глобального освоения мира, но и в ходе других собственных исследований природных глобальных процессов в естественных науках (прежде всего в науках о Земле).

В. И. Вернадский в своих трудах огромное внимание уделял формированию научного мировоззрения, которое, по мнению редактора его книги «Избранные труды по истории науки» С. Р. Микулинского, он видел как «совокупность раскрытых наукой фундаментальных законов и фактов» [Его же 1981: 304]. Например, его перу принадлежат «Очерки по истории современного научного мировоззрения» [Там же: 32–185]. При чтении его очерков и заметок по проблемам формирования научного мировоззрения складывается впечатление, что ученый рас-

сматривал его не только в эволюционном ракурсе, но и показывал, что наиболее важные научные открытия ведут к существенным трансформациям в мировоззрении, а нередко и предваряют их, как это было с географическими открытиями. Причем такие мировоззренческие трансформации касаются и глобального направления научного миропонимания. В настоящее время продолжается процесс, начатый ученым, – происходит становление глобального мышления и мировоззрения как нового способа освоения окружающего мира, имеющего свои особенности.

В. И. Вернадский и генезис глобального направления науки

Начало становления глобального направления науки, независимо от конкретного его наименования, имеет смысл сдвинуть на начало и первую половину прошлого века. Именно в этот исторический период, еще в 30-х годах ушедшего столетия и даже раньше, стал изучаться ряд глобальных процессов в трудах В. И. Вернадского.

Так, ученый полагал: «В XX в. впервые в истории Земли, человек узнал и охватил всю биосферу, закончил географическую карту планеты Земля, расселился по всей ее поверхности. Человечество своей жизнью стало единым целым» [Вернадский 1991: 240]. Но для развертывания антропогенной деятельности, а в дальнейшем для глобального мировоззрения и глобальных исследований главным, конечно, было открытие шарообразной формы нашей планеты. Как отмечал В. И. Вернадский, «первым по времени, крупным основным фундаментом современного научного мировоззрения является выяснение формы и размеров земного шара» [Там же: 104]. Ученый считал: «Решение о форме Земли было связано с первым кругосветным путешествием. При этом, попутно, была открыта Америка, и вместе с ней необычайно увеличились горизонты, доступные образованному человеку» [Там же: 115].

Даже географические открытия, как показывает В. И. Вернадский, начинались отнюдь не с путешествий Колумба и Магеллана, а с плаваний варягов [Там же: 122–129] (а в ходе предшествующих двух волн глобального расселения на десятки тысяч лет раньше, когда Азия вследствие падения уровня Мирового океана была еще соединена с Северной Америкой перешейком на месте Берингова пролива). Однако шарообразная «форма Земли могла быть доказана только тогда, когда человек получил возможность объехать Землю и нанести на карту всю картину земного шара. Это было сделано медленно и постепенно работой столетий... Решение вопроса о форме Земли было связано с первым кругосветным путешествием» [Там же: 115].

В. И. Вернадский не ограничивался земным, пространственно-географическим видением глобальных характеристик, он выделял по меньшей мере два значения того понятия для наук, которое сейчас трактуется как глобальность. Во-первых, это науки, объекты которых и, следовательно, «законы – охватывают всю реальность – как нашу планету и ее биосферу, так и космические просторы, – это науки, объекты которых отвечают основным, общим явлениям реальности. Другой тип связан с явлениями, которые свойственны и характерны для нашей Земли. В этом последнем случае можно теоретически допускать два случая научных объектов, научно изучаемых: общепланетные явления и индивидуальные, чисто земного явления. Сейчас нельзя, однако, с достоверностью и с достаточной степенью

уверенности всегда различать эти два случая. Это дело будущего» [Вернадский 1991: 145]. Здесь ученый, вероятно, одним из первых в науке выделяет основные варианты терминов «глобальный» и «локальный», естественно, без упоминания ныне принятых терминов.

В настоящее время новое глобальное знание также генерируется в отдельных областях знания, где термин «глобальный» используется в самых различных его значениях (даже в математике). В глобальных исследованиях этот термин сейчас используется в трех основных значениях: как охватывающий весь земной шар, планету в целом как космический объект; как распространяющийся на Вселенную, все мироздание в целом; как универсальная черта либо закон, характеризующий определенную совокупность исследуемых феноменов. Ввиду множественности смыслов термина «глобальный» возникла потребность изучить и упорядочить данный «глобально-терминологический хаос», однако это задача будущего научного поиска.

В принципе многие процессы глобального характера ученый стал изучать гораздо раньше, еще в 1902–1903 гг. (о чем свидетельствует его книга «Избранные труды по истории науки»), и даже в эти годы он читал курс лекций по данной теме в Московском университете. Однако ученый не успел оформить эти лекции в виде книги, опубликовав только первые три из двенадцати, позже изданных в упомянутой книге (а всего он планировал написать более 20 лекций) [Там же: 301–303]. Глобальное видение ряда природных процессов ему было свойственно и в его геологических, и в других трудах, которые сейчас относят к наукам о Земле. Таким образом, ученый стал развивать глобальную проблематику еще в начале прошлого века, однако его исследования в то время были малоизвестны и не были включены в научные коммуникации.

Многие «глобальные идеи» В. И. Вернадского были изложены им, в частности, в его работах «Избранные труды по истории науки», ряд статей и фрагментов которой были созданы еще в начале прошлого века, и «Научная мысль как планетное явление», написанной в основном в 1938 г. Эта работа, по мнению авторов предисловия к книге академика А. Л. Яншина и Ф. Т. Яншиной, является вершиной творчества Вернадского, это «грандиозный по замыслу итог его размышлений о судьбах научного познания, о взаимоотношении науки и философии, о будущем человечества» [Там же: 9]. В ряде мест упомянутых книг, а также многих других работ ученый приводит факты и рассуждения (которые излагают сегодня современные ученые), свидетельствующие о нарастающем стремлении человечества к своему единству и целостности.

Фактически здесь исследуются глобальные процессы и проблемы прошлого развития человечества и даже процесс глобализации (опять-таки без употребления этого термина). Примерно к тем же выводам о глобальном единстве человечества спустя более чем десятилетие независимо от В. И. Вернадского, уже после Второй мировой войны, пришел и немецкий философ К. Ясперс [1991: 141, 158, 205].

В. И. Вернадский полагал, что «в XX в. научная мысль стала уже интернациональной» [Вернадский 1991: 45], она охватила всю планету, все находящиеся на ней государства [Там же: 80] и даже играет роль своего рода транснационального актора глобального развития. Становление глобального характера научной мысли Вернадский сформулировал достаточно четко, в том числе и применительно к

ноосферогенезу. В его трудах концепция ноосферы с самого начала формировалась в общепланетарном ракурсе, то есть в ракурсе мировоззрения ноосферного глобализма (нооглобализма), в котором глобализм и идеи становления ноосферы оказались соединенными в целостную форму научного мировоззрения [Шуйн, Урсул 2012; Чумаков 2013; Ильин и др. 2014а; Урсул 2015].

В. И. Вернадский справедливо указывал, что человек как «житель планеты» «должен – мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте. Он, как и все живое, может мыслить и действовать в планетном аспекте только в области жизни – в *биосфере*, в определенной земной оболочке, с которой он неразрывно, закономерно связан и уйти из которой он не может. Его существование есть ее функция. Он несет ее с собой повсюду» [Вернадский 1991: 28]. Как видим, российский ученый, осознавая роль человечества как глобального фактора развития, не разрывал мышление и практическую деятельность на локальные и планетарную составляющие, как к этому призывает максима «думай глобально, действуй локально».

Изложенное выше приводит к выводу о том, что не только в России, но и в мировой науке в целом Вернадский заложил основы исследований глобальных процессов и поэтому его с полным правом можно считать основоположником глобального направления в науке, независимо от дальнейших более конкретных наименований (глобалистики, глобальных исследований и т. п.) [Ильин, Урсул 2013]. Подчеркнем, что речь идет о глобальном направлении в науке, которое включает в себя всю гамму уже существующих дисциплинарных, мульти-, меж- и трансдисциплинарных исследований по различным глобальным феноменам. Считать же, допустим, что ученый заложил основы только глобалистики или другого направления глобальной науки, было бы слишком узко, поэтому имеет смысл ставить вопрос о приоритете его научных интересов в значительно более широком глобальном формате. Эту «глобальную синкретичность» научного творчества ученого только в наше время удалось структурировать и конкретизировать, выявить некоторый состав и структуру того направления современной науки, своеобразного глобального кластера научного поиска, который именуется глобальными исследованиями.

Становление глобального кластера научного знания

Процесс глобализации науки разветвляется в самых различных направлениях, в частности, происходит расширение «глобального научного поля» [Бальшев, Коннов 2016]. Можно даже считать, что глобальные исследования уже стали формироваться как особый научный кластер (глобальный кластер научного знания). Он включает в себя глобалистику как ядро этих исследований, глобальный эволюционизм, отдельные глобальные дисциплины (типа глобальной экономики, глобальной экологии, глобальной истории, глобальной географии и т. п.). Формируются также глобализационные исследования, которые изучают как отдельные направления глобализации – глобализационные процессы, так и их комплексы [3G: Globalistics... 2012]. В глобальный кластер научного знания также претендует войти выявляемое новое глобальное знание, когда ставится цель исследования какой-либо научной проблемы «в условиях глобализации» (либо других глобаль-

ных процессов) и это знание уже включается в состав еще не глобализированной в целом конкретной области науки.

Уместно обратить внимание, что одной из причин достаточно интенсивного развития глобального направления науки в целом, и в особенности глобалистики, является то, что исследования глобальных процессов и систем показали сильную зависимость судьбы нашей цивилизации от их дальнейшего развертывания. В значительной степени осознание опасностей со стороны глобальных проблем, особенно после первых докладов Римского клуба, вызвало к жизни употребление терминов «глобалистика» в нашей стране и «глобальные исследования» на Западе [Чумаков 2017].

Процесс формирования глобалистики сопровождают многочисленные дискуссии, в особенности о ее предмете, причем в отечественной литературе выдвинуты две основные точки зрения. А. Н. Чумаков полагает, что «глобалистику можно определить как междисциплинарную область научных исследований, направленных на выявление сущности глобализации, причин ее появления и тенденций развития, а также на анализ порождаемых ею позитивных и негативных последствий» [Его же 2012: 4]. Иную точку зрения высказывают И. В. Ильин и Т. Л. Шестова, считая, что «системообразующая роль глобализации столь велика, что какой-то одной, частной науки о глобализации быть не может (как не могло быть, например, науки об эволюции)... Поэтому определять глобалистику как науку о глобализации, как это предлагается рядом исследователей, в прямом смысле невозможно» [Ильин, Шестова 2015: 68]. Эти авторы отмечают, что понятие и проблема глобализации приобрели общенаучное значение, исследуются в той или иной степени многими социальными и другими науками.

Глобалистику как систему научного знания автор этой статьи видит в качестве формирующейся научной дисциплины (особенно в теоретическом плане) и вместе с тем рассматривает ее как интегративно-общенаучное направление, изучающее различные аспекты глобальных процессов и систем (прежде всего глобализации и глобальных проблем), выявляющее их законы и тенденции развития. Глобальные процессы в этом случае рассматриваются как природные, социальные и социоприродные, развертывающиеся на Земле, имеющие общепланетарный статус или стремящиеся обрести глобальный масштаб, в числе которых такие социоприродные процессы и системы, как глобализация, глобальные проблемы, устойчивое развитие, ноосферогенез и др. (что касается природных процессов, то лишь в аспекте их взаимодействия с человеком и обществом). Причем упомянутые выше глобальные процессы можно разделить на уже реально существующие, например актуальные, и потенциально глобальные, то есть только начинающие свое становление (пример – устойчивое развитие), которые могут стать глобальными в том или ином отношении лишь в будущем.

Ранее в отечественной литературе полагали, что глобалистика и глобальные исследования – это практически одно и то же, что они различаются в основном месторасположением своего происхождения. Однако позже стало очевидным, что отождествлять их не стоит. Глобалистика как область научного поиска представляет собой концептуальное ядро глобальных исследований, систему научного знания, изучающую глобальные процессы и системы, выявляя их законы и тенденции развития в контексте существования и развития цивилизации [Ильин, Урсул 2013; Пуйн *et al.* 2016].

Особое внимание обращается на междисциплинарность глобалистики, которая отличается от глобальных исследований, в частности, тем, что последние несут в основном мультидисциплинарный характер и представляют, как отмечалось выше, своего рода кластер глобального знания. Поэтому сейчас появляются все новые работы, которые посвящены различным новым исследовательским междисциплинарным направлениям в самой глобалистике: философская глобалистика, политическая глобалистика, историческая глобалистика, правовая глобалистика, космоглобалистика, экономическая глобалистика, информационная глобалистика, секьюритологическая глобалистика, социальная глобалистика, цивилизационная глобалистика, образовательная глобалистика, эволюционная глобалистика, экологическая глобалистика и ряд других, которых насчитывается уже более двух десятков [Ильин, Урсул 2013; Pyin *et al.* 2016].

Возникает вопрос: почему наряду с междисциплинарными разделами глобалистики появляются и отдельные глобальные дисциплины и как их можно различать? На начальном этапе формирования такого рода дисциплинарных и междисциплинарных областей науки ученые не задавались подобным вопросом и не видели каких-либо серьезных оснований для феномена обозначения новой области глобального знания. Этот процесс зависел от того, кто и как первым из исследователей давал то или иное название, а дальше шел по инерции, увеличивая число согласившихся с первоначальным названием сторонников либо вызывая возражения по тем или иным соображениям. Это приводило к неадекватным наименованиям и было обнаружено при изучении, например, таких наименований, как экономическая глобалистика, юридическая (правовая) глобалистика и некоторых других названий разделов глобалистики.

Между тем существует критерий отличия той или иной глобальной дисциплины от соответствующего междисциплинарного направления (раздела) глобалистики. Необходимо исходить из соотношения предмета соответствующего научного исследования и его объекта. Глобалистика акцентирует свое внимание на глобальных феноменах (объектах) изучаемых ею объектов (глобальных процессах и системах), а конкретные становящимися глобальными дисциплины продолжают изучение того же самого объекта, но он уже видится в глобальном масштабе и ракурсе, то есть речь чаще всего идет о расширении традиционного предметного поля эволюционирующей дисциплины.

Эволюционный подход в глобальных исследованиях

Идея В. И. Вернадского о «планетном» характере научной мысли уже обрела свои конкретные очертания как в ныне происходящих глобальных процессах в мире и их научном осмыслении, так и в предвидении и исследовании будущих социальных и социоприродных эволюционных процессов. Ученый важное значение придавал идее эволюции и полагал, что «в области биологических наук совершился перелом благодаря проникновению в них учения об эволюции» [Вернадский 1981: 34]. Он допускал, что эта идея может проникать в научное мировоззрение и другие науки через философскую мысль, как, например, «понятие эволюции в ее частном проявлении – прогрессе», изменившись в своем содержании и понимании [Там же: 54–55].

Необходимость и важность использования эволюционного подхода в науке были ясны В. И. Вернадскому еще в начале прошлого века, когда он отмечал, что

еще Ж. Бюффон «искал общий принцип, который бы позволил ему объяснить порядок природы и разнообразные сходства, какие наблюдаются между ее объектами. Этот принцип Бюффон нашел в эволюционной идее, в известном генетическом соотношении, существующем между близкими по признакам животными или растительными видами, вообще между разными телами природы» [Вернадский 1981: 205]. Однако, как замечает Вернадский, эти идеи стояли в стороне от метафизических систем, сложившихся в XVII – начале XVIII в. [Там же: 206].

Появление глобальной проблематики заставляет обратить гораздо более пристальное внимание на эволюционный подход и особенно на его применение к исследованию нашего общего будущего, существование которого сейчас поставлено под угрозу. Идея эволюции уже начала проникать в глобальные исследования, приводя к новому видению всего глобального направления науки, представляя его эволюционирующим как в гносеологическом, так и в онтологическом аспектах. Эволюционное видение исследований глобальных процессов – это естественный шаг в их познании, такой подход помогает в более эффективном их использовании в становлении глобальной деятельности, особенно глобального управления.

Скорее всего, появившаяся эволюционная глобалистика будет вначале развиваться как одно из направлений глобалистики, наряду с другими направлениями глобальных исследований. Но по мере осознания необходимости применения эволюционного подхода в глобальных исследованиях эти последние будут наполняться идеями развития и не исключено, что наступит новый – «эволюционный» – этап развития глобального знания, как это произошло в биологии [Ильин, Урсул 2013].

Эволюционную глобалистику мы рассматриваем как направление, изучающее эволюцию и коэволюцию глобальных процессов и их системно-синергетический феномен – глобальное развитие. В этой связи в темпоральном ракурсе ожидается дальнейшее формирование различных направлений в области глобалистики, в частности, таких как становление палеоглобалистики и футуроглобалистики, наряду с уже существующей неоглобалистикой (глобальных исследований происходящего).

Глобальная революция в науке (вместо заключения)

Вместе с тем влияние В. И. Вернадского на науку в ее глобальной перспективе и измерении вовсе не сводится только к тому, что он стоял у истоков глобальных исследований. Сейчас можно полагать, что всей совокупностью своих трудов он предвосхитил новый – планетарно-глобальный – этап и процесс развития науки в целом, сопровождающий появление глобальной эпохи (по меньшей мере «века глобализации») совместной истории человечества и природы в форме глобальной сферы разума. В науке это отражается не просто становлением какой-то отдельной области глобального знания, например глобалистики, но гораздо шире – в появлении глобального кластера научных исследований и начале разворота глобальной революции в науке [Ильин и др. 2014б].

Известно, что периоды развития науки, когда происходит качественное преобразование фундаментальных оснований науки, формируется новая научная картина мира, создаются новые научные представления, появляются новые подходы, методы, способы научного исследования, считаются научными революция-

ми. Наиболее широкомасштабные и фундаментальные трансформации в отечественной литературе именуется «глобальными научными революциями». В основном выделялись следующие друг за другом глобальные научные революции (хотя есть и иные классификации): становление классического естествознания, формирование дисциплинарной организации науки, появление неклассического естествознания и, наконец, постнеклассической науки, действие которой предполагается и в настоящее время. Имеют место также и локальные научные революции, когда новая парадигма распространяется на представления в пределах одного научного направления, либо регионально-комплексные, когда затрагивается ряд подобных направлений.

Термин «глобальный» в таком наименовании научных революций предполагает революционный переворот в основаниях всей науки, он должен распространяться на всю науку в целом, независимо от того, какой объект изучается. Глобальное в этом случае выступает как потенциально общенаучное. Однако даже по своему наименованию некоторые из упомянутых революций не могут в полной мере считаться глобальными (общенаучными), в частности, те, которые используют понятие «естествознание» вместо понятия «наука».

Переход к дисциплинарной организации науки для всей науки в целом не состоялся и не может в принципе реализоваться из-за наличия и даже усиления междисциплинарно-интегративных процессов и формирования междисциплинарно-общенаучных форм знания, что осознают многие ученые, но особенно те, которым пришлось защищать свои диссертационные и иные квалификационные научные работы, «втискивая» их в прокрустово ложе принятой жесткой организационно-бюрократической дисциплинарности.

Что касается постнеклассической науки, то полный охват выявленными ее признаками также не смог состояться в полном формате, поскольку этот этап начался сравнительно недавно. Но не исключено, что постнеклассическая наука, не успев развернуться в широком масштабе, может уступить место другому, следующему этапу научных революций, который пока не имеет подходящего наименования, поскольку даже неясно, идет ли уже этот процесс.

Масштабность наиболее «глобальных» научных революций, рассматриваемая как актуальная характеристика научного пространства, на самом деле не достигает общенаучного статуса. Эта характеристика может представляться лишь как процесс, разворачивающийся во времени и захватывающий все большее число областей научного поиска (что можно именовать потенциальной глобальностью). Предполагается, что в результате глобальных научных революций происходит кардинальная смена парадигмы и типа научной рациональности, что в принципе должно приводить к их реализации в расширяющемся научном пространстве. Однако не существует исследований, «проверяющих», охватывает ли та или иная научная революция, которую именуют глобальной, все области научного поиска или в основном ее некоторые авангардные дисциплины и направления. Поэтому реально «глобальные научные революции» оказываются пока только широкомасштабными и комплексными, лишь претендующими на общенаучный статус.

Когда давалось наименование «глобальные научные революции», ученые не вникали в значение термина «глобальный», поскольку акцент в их исследовании был направлен на другие признаки и свойства. Между тем в последние примерно полвека в науке под действием глобальных факторов и процессов, понимаемых

в первом и втором значениях, довольно интенсивно разворачивается совершенно новая «глобальная революция в науке», которая кардинально отличается от предыдущих, упомянутых выше, хотя бы даже тем, что термин «глобальная», присоединяемый к понятию «научная революция», понимается не только в содержательно-универсальном смысле.

Глобальные феномены, связывающее человечество, планету и даже мироздание в целом, имеют еще и другие значения, поскольку термин «глобальный» здесь используется как в качественно-содержательном, так и в пространственно-географическом и даже пространственно-космологическом значениях. Поэтому для отличия этих двух типов революций в последнем случае целесообразно вместо понятия «глобальная научная революция» использовать другой термин – «глобальная революция в науке». Термин «глобальная» здесь характеризует не внутренние экстенсивно-общенаучные процессы, а экзистенциальную характеристику отображаемых ею феноменов (объектов), действительно имеющих либо обретающих ту или иную форму своего «глобального бытия».

В связи с этим важно еще раз обратить внимание на то, что и вышеупомянутые четыре глобальные научные революции не оказались глобальными в смысле полного охвата всей науки в целом. Речь идет в основном о переднем крае научного поиска, поэтому их глобальность как всеобщность в некоторой (а может быть, и в значительной) степени преувеличена. Единственно глобальной, но только в первых вышеупомянутых двух смыслах «глобального» оказалась лишь глобальная революция в науке, в которой ее составляющие исследуют глобальные феномены (объекты).

Но эту новую глобальную революцию в науке нельзя считать сменяющей постнеклассическую революцию в ряду ранее выявленных следующих друг за другом глобальных научных революций. Если раньше глобальные научные революции выделялись как выстраивающиеся одна за другой в темпоральном измерении, то в настоящее время новая глобальная революция в науке совмещается и взаимодействует с рядом других научно-революционных трансформаций – в области информации, экологии, космических и астрономических исследований и т. д. Со второй половины прошлого века и начала нынешнего «революционные трансформации» в науке не прекращаются, но происходят в условиях «мультиреволюционного взрыва». К уже упомянутой глобальной революции в науке добавляются космическая революция, информационная, экологическая, темпоральная (процесс футуризации науки) и ряд других, которые создают научную основу становления будущей сферы разума – ноосферы, идею которой в нашей стране предложил и развил В. И. Вернадский, вкладывая в это понятие глобально-биосферное содержание.

Литература

Абылгазиев И. И., Габдуллин Р. Р., Ильин И. В., Иванов А. В., Яшков И. А. Глобальные социоприродные процессы и системы. М., 2011.

Балышев А. В., Коннов В. И. Глобальная наука и национальные культуры: трудности сопряжения // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 96–111.

Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981.

Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988.

Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М., 1989.

Вернадский В. И. О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии. М., 1900.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

Ильин И. В., Урсул А. Д. Глобальные исследования и эволюционный подход. М., 2013.

Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Ноосферогенез как глобальный процесс (Концепция нооглобалистики) // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика. 2014а. № 1–2. С. 33–50.

Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобалистика и глобальные исследования. Глобальная революция в науке. Саарбрюкен, 2014б.

Ильин И. В., Шестова Т. Л. Глобалистика и глобальные исследования // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика. № 1/2. 2015. С. 66–77.

Ломоносов М. В. «О слоях земных» и другие работы по геологии. М.; Л., 1949.

Урсул А. Д. Мыслитель глобальной эпохи (К 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского) // Философская мысль. 2013. № 9. С. 1–63.

Урсул А. Д. Феномен ноосферы: Глобальная эволюция и ноосферогенез. М., 2015.

Чумаков А. Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 3–16.

Чумаков А. Н. Ноосфера В. И. Вернадского: философское и естественнонаучное содержание // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика. 2013. № 1. С. 27–36.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

Яншина Ф. Т. Вернадский о Ломоносове // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 5. С. 444–451.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

3G: Globalistics, Global Studies, Globalization Studies: Scientific Digest / Ed. by I. I. Abylgaziev, I. V. Ilyin. Moscow, 2012.

Ilyin I. V., Ursul A. D. Nooglobalism and Nooglobalistics // 3G: Globalistics, Global Studies, Globalization Studies: Scientific Digest / Ed. by I. I. Abylgaziev, I. V. Ilyin. Moscow, 2012.

Ilyin I. V., Ursul A. D., Ursul T. A. Global Studies. Textbook. Saarbrücken, 2016.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В XXI в.: ИНВОЛЮЦИЯ ИЛИ НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ?

Спиридонова В. И.*

В статье анализируется процесс современной трансформации феномена глобализации. Точки зрения на данный процесс варьируют от инволюции, обозначаемой как «деглобализация», до предложений по корректировке глобального проекта в частных его проявлениях. В западной интеллектуальной традиции преобладают две модели – американская и европейская. Американский проект отстаивает идею однополярного мира, предлагая универсальный общечеловеческий паттерн мирового развития, принимающий вид американской гегемонии, которая именуется «внетерриториальной империей», «империей без колоний». Европейские интеллектуалы в качестве корректирующей позиции предлагают тезисы «морального сообщества» и «реконструктивной идентичности». Несмотря на определенные расхождения, авторы сходятся на том, что грядущее мировое сообщество не будет носить «блоково-идеологический» характер.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, цивилизация, мировая интеграция, гегемония, империя, «моральное сообщество», «реконструктивная идентичность».

The article considers the process of modern transformation of the phenomenon of globalization. Some of social researchers evaluate it as the involution and designate as 'deglobalization'. Others propose to correct the global project in separate parts. In the Western intellectual tradition there predominate two models: the American and the European one. The American project supports the idea of the unipolar world and puts forward a universal pattern of world development for all the peoples and nations which takes the form of the American hegemony, so called 'the empire without external territories' or 'the empire without colonies'. The Europeans propose to correct the American position and promote the thesis of 'moral community' and the 'reconstructive identity'. In spite of some discrepancies all of them agree that the forthcoming world community will not be 'block ideological' one.

Keywords: globalization, deglobalization, civilization, world integration, hegemony, empire, 'moral community', 'reconstructive identity'.

Целый ряд крупных геополитических событий последних лет (возросший экономический авторитет Китая, военно-политическое усиление России, экономический подъем государств-цивилизаций Индии и Бразилии, а также Brexit и ряд инцидентов подобного рода) заставляет по-новому взглянуть на феномен глобализации. Спектр мнений колеблется от радикального утверждения об инверсии глобализации до умеренной позиции, предлагающей ряд вариативных изменений,

* Спиридонова Валерия Игоревна – д. ф. н., главный научный сотрудник, заведующая сектором философских проблем политики Института философии РАН. E-mail: vspirid@yandex.ru.

не подвергающих сомнению ее суть как объединяющего общечеловеческого движения. Высказывания первого рода представляют современное состояние дел началом процесса деглобализации. Представители второй точки зрения концентрируются на выработке проектов глобального развития, корректирующих доминирующую до сего времени концепцию нового мирового порядка, возглавляемого США.

Начало конца глобализации, или «II акт глобализации»

Термин «глобализация» был введен в обращение с начала 1980-х гг. экономистами, но уже после окончания холодной войны занял центральное место во всех общественных науках. Разные отрасли сконцентрировались на отдельных аспектах глобализации, далеких от экономико-финансовой сферы и международной торговли, создавая, таким образом, целостную концепцию, оформляющуюся в новый проект мирового развития и даже новую идеологию. Политическая наука обратилась к анализу «конца эпохи территорий» (Бертран Бади), социология занялась изучением «глобальных городов» (Саския Сассен), «сетевое общество» (Мануэль Кастельс), «островной экономики» (Пьер Вельц); антропология сосредоточила усилия на «ничейных пространствах» (Марк Оже) и возникновении индивидуальных или коллективных идентичностей в меняющихся условиях городской среды (Мишель Ажье).

Исследователи полагали, что в 1990-х гг. была открыта «новая фаза развития мира – высшая – фаза унификации планеты» [Weinberg 2017]. Великие трансформации конца XX в. – падение Берлинской стены, крах СССР, ликвидация блоковой структуры мира – расчистили дорогу новому мировому порядку под эгидой США, мировой сверхдержавы. За унификацией экономики и политики последовала информационная революция – Мировая паутина была создана в 1990 г. Возникло новое пространство коммуникации – киберпространство. И вот в 2016 г. Brexit, отказ от Транстихоокеанского партнерства, строительство Мексиканской, а затем Венгерской стен стали отчетливыми символами поворота, которому сопутствовало появление новых центров силы – Китая, Турции, России. Эпицентр мира стал медленно сдвигаться с севера на юг и с запада на восток [Ibid.]. Как было отмечено западными экспертами, этот поворот рикошетом ударил по первоначальному глобализационному импульсу – капиталу и финансам, подводя черту под первым актом глобализации. Объем мировых транзакций с 2006 г. упал в 10 раз и вернулся к уровню 1989 г. [Chavagneux 2017].

Одновременно заговорили о таком новом явлении, как «деоксидентализация глобализации», то есть о том, что европейский образец более не является универсальным общечеловеческим паттерном мирового развития. «Начавшаяся деглобализация в действительности представляет собой деоксидентализацию глобализации... Не существует деглобализации в собственном смысле слова... Отсюда и то болезненное чувство, которое испытывает Запад, а также чувство упадка, потому что европейцы совсем ничего не контролируют... Китайцы управляют намного лучше нас с нашими собственными орудиями труда!» – пишет геополитик Мишель Фуше, получивший широкую известность во Франции своими аналитическими статьями в еженедельниках и центральных газетах [Foucher 2017].

Дело в том, считают французские исследователи, что в странах незападного мира универсалистский проект глобального управления воспринимается как нео-

империалистический проект, который направлен против независимости национальных государств. Этот акцент особенно усилился после войны в Югославии, Ираке и Ливии. Мир еще очень далек от «благостной глобализации» («mondialisation heureuse»), как обозначают на Западе все преимущества интеграционного всемирного движения. «Массовое потребление, современные средства коммуникации, социальные сети, спутниковая связь, конечно, способствуют стандартизации некоторых поведенческих образцов, но они не могут породить сколь-нибудь значительные ценности и общую идентичность, а значит, не могут создать мировое общество, которое заменило бы государства-нации», – замечает в статье «Глобализация под вопросом и судьба Запада» Александр дель Валь [Valle 2014: 32], геополитик и преподаватель La Rochelle Business School (Франция). Глобализация не может заменить идентичности.

К тому же, как свидетельствует в книге «Конец глобализации» [Lenglet 2013] Франсуа Лангле, профессор экономики Университета Сен-Сир (Франция), современное общество предпочитает защищенность свободе, что отмечается даже в западных либеральных демократиях. Он констатирует факты роста ренационализации финансов во всем мире, сокращение транснациональных потоков и возвращение к контролю над капиталами. Растет критика идей свободного обмена и набирает силу реабилитация суверенитета государств-наций. Все это, заключает Лангле, свидетельствует о завершении эры «счастливой глобализации» и о начале деглобализации.

В то же время отмечается, что самая серьезная геополитическая и стратегическая угроза Западу исходит не извне, а изнутри. Она есть следствие цивилизационной и идентификационной дезориентации, утраты доверия к себе. Такое «лишение корней» – плод чрезмерного политического универсализма, который постулирует, что идентичность плоха сама по себе. Она также усиливается синдромом вины, который распространился в европейских странах после крушения колониальной системы. «Комплекс вины и самодискредитация являются фатальным оружием, которое убивает нацию, погруженную в самобичевание, и оттого не способную защищаться. Этот комплекс особенно разрушителен для христианских народов в отличие от исламского мира и исповедующих конфуцианство... Нельзя судить прошлое с точки зрения настоящего... Это иррационально, юридически несправедливо и стратегически самоубийственно. Ни одно общество не может выжить, не имея гордости за свою историю» [Valle 2014: 39].

Критика современного состояния глобального мира, однако, не означает решительного отказа от объединительного общечеловеческого проекта. На фоне реальных трансформаций в поле международной политики формируются разные варианты и предложения по грядущему мироустройству. Помимо уже известного американского видения мирового порядка существует и европейский взгляд, который реабилитирует значимость моральных ценностей и отвергает строго техницистский и формально-правовой фундамент жизнеустройства человеческого универсума.

Региональные разночтения в трактовке глобализации

Как уже было сказано, после периода биполярного мира и холодной войны в 1990-х гг. сформировался однополярный мир с явным доминированием США, который ныне находится в процессе трансформации. Однако абрис и атрибуты

нового миропорядка еще далеки от окончательного утверждения, и потому важным является анализ тех исходных параметров, которые могут предшествовать новой мировой матрице. К настоящему времени мы имеем два коренных образца – американский и европейский, которые до сих пор определяют характеристики глобализации. Без сомнения, они, видоизменяясь, продолжают влиять на все процессы. Прошлое всегда определяет настоящее, и его печать тем более сильна, когда уходящая натура еще не стала свершившимся прошлым. Поэтому у нас есть уникальная возможность увидеть те тенденции, которые будут определять ближайшие перспективы мирового развития.

Американская гегемония, или «позитивная мировая империя»

Попытки оправдания американского мирового господства в последние годы шли по пути поиска новой терминологии. Некоторые авторы называли такое положение дел гегемонией, однако все чаще предлагалась исторически апробированная категория империи. Таковой стала в определенном смысле собирательная конструкция авторов известного труда «Империя» М. Хардта и А. Негри [2004]. В качестве своей главной задачи они поставили очищение этого многовекового концепта от империалистического смыслового акцента и связанного с ним феномена колониализма.

Империя рассматривается авторами в духе теории «ультраимпериализма» К. Каутского, который полагал, что капитализм способен изнутри преодолеть свои антагонизмы. Некогда немецкий историк доказывал, что процессы монополизации создадут «мировой трест», который должен умерить агрессию, преодолеть экспансионистскую природу империализма. Именно в таком ключе М. Хардт и А. Негри переосмысливают высшее предназначение новой – американской – Империи. Ее главное призвание, как заявляют они, – утверждение мира и справедливости в масштабах всей планеты. В этом состоит ее неоспоримая моральная ценность. Именно американская Империя наследует идею И. Канта о «вечном мире», только она способна ее реализовать, что ставит саму концепцию такой Империи в ряд высочайших моральных достижений.

Реализацию идеи мира делает возможной глобализация, прежде всего такие ее характеристики, как детерриториальность и открытость пространства. «Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы и преграды. Это – децентрированный и детерриториализованный, то есть *лишенный центра и привязки к определенной территории*, аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы», – пишут М. Хардт и А. Негри [Там же: 12].

Понятие детерриториальности становится одним из главных аргументов в пользу неимпериалистичности новой американской Империи. Ведь колониальная структура подразумевала наличие метрополии, центра и периферии, которую центр эксплуатирует. Качество детерриториальности означает прежде всего то, что центра власти не существует. Власть везде – и она нигде. Такой аргумент внешне выглядит убедительно, особенно потому, что властное влияние сегодня строится по сетевому принципу. К тому же здесь на помощь авторам приходит концепция ризомы, предложенная Ж. Делёзом. Это известная метафора корневища, которое распространяется горизонтально и пускает ростки в любом месте.

Сегодня ризоматическая система представлена в виде сети коммуникаций. В ней нет доминирующего центра. Все точки и узлы ее связаны между собой. Эта концепция, как известно, противостоит идее дерева как вертикального символа власти. М. Хардт и А. Негри утверждают, что идея «сетевой власти» заложена уже в самой Конституции США, которая определяет характер власти как имманентный народу. Это коренным образом отличается от трансцендентной модели власти, которую породила, в частности, европейская культура. Ее продолжением стали империализм и колониализм, насаждавшие власть метрополии колониям. Это была вертикальная, несетевая структура власти. Американская модель по самому своему рождению избавлена от такого греха. Еще А. де Токвиль писал, что «народ властвует в мире американской политики, словно Господь Бог во Вселенной. Он – начало и конец всему сущему; все исходит от него и все возвращается к нему» [Токвиль 1992]. Таковы исторические и культурные истоки нового американского порядка, которые, развиваясь, привели к сетевой модели власти внутри самих США, а теперь Америка, как пишут М. Харт и А. Негри, призвана подарить эту модель миру.

Вторая сторона детерриториальности и, соответственно, новое качество Империи – это так называемая «открытость пространства», его безграничность. Старая европейская формула суверенитета, реализованная в идее национального государства, начиная с XVI в. предполагала закрытость территории. Границы охранялись суверенным правительством. Идея Империи предполагает логику бесконечной экспансии, постоянно отодвигаемого фронта. М. Хардт и А. Негри отмечают, что американская история связана с идеей свободной территории, вернее, территории, которую можно осваивать и свободно перемещаться по ней в рамках открытого и непрерывного процесса экспансии. Эта территория, пишут они, должна быть очищена от коренных жителей. Они должны быть удалены, чтобы открыть пространства и сделать экспансию возможной. Американский народ – это «народ *исхода*, заселяющий пустые (или очищенные) новые территории» [Хардт, Негри 2004: 164]. Более того, современная идея Империи соответствует, считают авторы, исходной логике американской Конституции с ее концепцией расширяющейся Империи. «Конституция США, как сказал Джефферсон, лучше всего приспособлена для расширяющейся Империи» [Там же: 174]. На этом основании делается вывод о том, что сегодня «мы переживаем первую фазу преобразования глобального фронта в открытое пространство имперского суверенитета» [Там же].

Критики труда американских авторов справедливо обвиняют их в определенной ангажированности по отношению к экспансионистскому американскому курсу последних лет, нацеленному на мировое доминирование [Амир]. В частности, отмечается, что после выхода в свет книги М. Хардта и А. Негри они были облаканы официозной прессой. «В Объединенном Королевстве *New Statesman* напечатал интервью с А. Негри под заголовком “Левые должны любить глобализацию”. В Соединенных Штатах обозреватель *New York Times* Эмили Эйкин приветствовала “Империю” как “новую большую идею”, объявив появление столь необходимого “великого нарратива” важным для преодоления “глубокого пессимизма”, “банальности”, “кризиса” и “пустоты”, которые характеризовали человечество в последние десятилетия. “Империя” А. Негри, как книга, так и концепция, была хорошей новостью для всех, возвещая период, который является “огромным ис-

торическим улучшением по сравнению со старой международной системой и империализмом”», – пишет Башир Абу-Мане, один из участников симпозиума «Империя и американский империализм», прошедшего в 2002 г. в Великобритании [Абу-Мане].

На самом деле М. Хардт и А. Негри настойчиво уклоняются от политико-экономического анализа современных имперских реалий, от анализа условий для накопления капитала имперскими центрами и концентрируются на общих причинах, якобы лежащих в основании их деятельности. В частности, используя качественные трансформации современного капитализма, такие как возможность наднационального и экстерриториального управления корпорациями, они тем самым «очищают» главного гегемона современности от греха империализма. Нет прямого территориального захвата – нет и эксплуатации. Довод, кажущийся убедительным. На самом деле механизмы эксплуатации усложнились. Как замечает С. Амин, контроль над господствующими секторами капитала «остается в руках финансовых групп с четкой национальной привязкой (то есть базирующихся в США или Великобритании или Германии)... Более того, экономическое воспроизводство системы сегодня, как и вчера, немыслимо без параллельного осуществления “политики”, ее корректирующей» [Les ressources...]. Детерриториальность вовсе не отменяет господствующей роли этих центров, а только маскирует ее. За ней скрывается желание воспользоваться ресурсами иных государств, объявив их деятельность неэффективной и продвигая тезис о том, что в глобальном мире ресурсы принадлежат «глобальному человечеству» [Ibid.; Descola 2008; Bien commun].

Очевидно, что коррозия американского восприятия мира будет происходить медленно и влияние США как стратегически самой сильной державы современного мира будет огромным. А потому важно проанализировать если не альтернативные, то корректирующие взгляды на глобализацию и ее дальнейшую эволюцию, которые представлены в трудах европейцев. Мыслители Старого Света переносят акцент на этические аспекты глобальной трансформации мира и не отрекаются от аргументов в защиту возрождения суверенитета государств-наций – процесса, который, по всей видимости, будет определять контуры нового мира.

Европейский проект мировой интеграции как проект «морального сообщества» и «реконструктивной идентичности»

В основе американского политического либерализма лежит плюрализм. Этот принцип выглядит адекватным американским реалиям, которые объединяют совершенно разных индивидов – разных по культуре, ценностям, интересам, религиозным убеждениям. Для интеграции столь многоликих по мировоззрениям людей нужен какой-нибудь нейтральный показатель. И его в свое время четко сформулировал Дж. Роулз – это формальный принцип нормы, нормы права. Примечательно, что для Роулза эталон права выходит за индивидуальные рамки и остается действенным также для более широких сообществ, таких как *народы*, призванные жить вместе. Таким образом, уже у Роулза в зародыше присутствует глобальное измерение политики, оправдывающее создание подобной структуры в глобальном масштабе.

Европейские теоретики называют такой подход «чистым политическим либерализмом». Они полагают, что политическая теория должна опираться на кон-

кретные культуры отдельных обществ, а не злоупотреблять пристрастием к абстракциям. Реалии европейской жизни подтверждают такое заключение: то, на чем стоят США, как оказалось, совершенно не работает в Европе, чему свидетельство – последствия политики мультикультурализма. Основу ее составляет индивидуализм, который рассматривается как право выбирать между различными конфликтными интересами и противоположными мнениями. В свое время М. Вебер увидел драматический аспект такого подхода, который не способен найти примирения между конфликтом «наших» ценностей и ценностей «каждого», и назвал его «войной богов». Именно такую картину мы наблюдаем сегодня в Европе, и неразрешимость названной дилеммы начинают осознать все больше европейских интеллектуалов.

Дело в том, что у Европы совсем другая история. В отличие от Америки национальные государства, составляющие исторический фундамент европейского общества, формировались на социально-культурном основании. Нация – это прежде всего «моральное сообщество» («*communauté morale*») [Ferry 1998], которое позволяет решать конфликты на основании общих, то есть разделяемых всеми живущими на одной территории, ценностей. Вне такого морального сообщества не может быть политического сообщества, эффективной и конкретной реализации справедливости, утверждает известный французский философ Жан-Марк Ферри [Ibid.]. Все той же справедливости ради следует сказать, что Дж. Роулз говорит о формировании в обществе общего либерально-демократического чувства, однако последнее для него остается частным делом каждого. И только «по счастливому стечению обстоятельств» частные ценности и убеждения могут совпасть с общими ценностями.

Европа сегодня стоит перед дилеммой: либо принять риск «постнационального расширения» и при этом отказаться от исторической памяти, убеждений и ценностей своих национальных государств, либо идти к подлинному сообществу граждан. ЕС, выбирая путь федерального государства, следует первому варианту политического сообщества, стоящего над нациями. Ж.-М. Ферри предлагает выбрать второй путь – путь постепенной кристаллизации так называемой «реконструктивной идентичности» [Ibid.], которая подразумевает выработку общих ценностей без отказа от собственных. Он признает, что для создания такой идентичности не обойтись без переоценки некоторых исторических событий, оставивших травматический след в коллективном сознании и потому являющихся препятствием для объединения наций.

История европейских войн и колонизаций создала много напряжений, конфликтов, претензий и недомолвок. Нельзя уничтожить прошлое, но, выражаясь метафорически, «объявив по нему траур», можно усилить ответственность людей и народов в настоящем. Для преодоления такого рода разногласий, для открытия публичного пространства и нужна реконструкция идентичности, самокритичное признание другого, его правды. В постмодернистской терминологии такой процесс называется «вторичным рассказом», или «вторичным повествованием», «вторичной нарративной», который позволяет рефлексивно преодолеть прежние идентичности, сформировавшиеся на основе прошлых дискурсов. Через «повторную нарративную» можно прийти к аутентичному настоящему. Именно в таком взаимном признании может выработаться общая европейская политическая культу-

ра, ценностная, «разделяемая всеми» европейская гражданственность, достойная этого имени.

Примерами такой «реконструкции идентичности», считает Ж.-М. Ферри, было поведение сначала ФРГ, а затем объединенной Германии в отношении жертв нацистского геноцида, американцев в отношении чернокожего населения, а также Франции в отношении режима Виши. Подобными событиями «реконструктивной этики» должны в дальнейшем стать жесты англичан в отношении жителей Тасмании, испанцев в отношении обитателей Патагонии, турок в отношении армян и т. п. Именно такие акты могут стать условиями принадлежности к новому политическому сообществу, которое сформирует Новую Европу, ее новую идентичность. В этом отношении символическим является жест взаимного признания вины Чехословакией и Германией накануне вступления в ЕС. Практики такого рода называются подлинно коммунитарными, в них рождаются квазикосмополитические отношения, и они могут способствовать возникновению «метанационального» политического сообщества. «Коммунитаристский ответ» открывает путь «новому социальному договору», в котором возможно сохранение индивидуальных свобод каждого гражданина мира.

В отличие от «метанационального сообщества» ядро прежней – «наднациональной» – стратегии глобализации составляла гомогенизация культурного пространства, которым намеревался управлять гегемон. Эту задачу выполняло информационное общество, в рамках которого насаждалось продвижение американского социально-культурного паттерна – превосходства американского образа жизни через тактику «мягкой силы». Ее сердцевину составлял принцип «воспитания и образования» – формирования «относительно гомогенного габитуса». Он подразумевал выработку у индивидов знаний, способностей, навыков и практик, одинаковых и независимых от их национальной принадлежности. Это так называемая система «экзовоспитания» (*un système «exoéducatif»*) [Ferry] – «внешнего воспитания», призванного вывести человека за пределы его родной культурной среды.

Ядро этой системы составляла медиакultura, которую продуцируют ТВ и киберпространство. Ее призванием было широкое, желательно планетарное, распространение так называемых «глобальных стилей жизни» («*global lifestyles*»), которые, по сути, есть калька с американских образцов. Как отмечают исследователи, эта новая «медиаическая» культура радикально отличается от традиционной европейской, которая была по преимуществу письменной культурой, культурой книги и текста. Она призвана разрушить эту традиционную культуру, которая являлась фундаментом европейских наций. Именно такая стратегия получила наименование «супранациональной», или наднациональной, стратегии интеграции населения. Однако сам по себе весьма поверхностный характер воздействия этой стратегии на формирование личности не способен создать подлинную солидарность людей, что и порождает эксцессы партикуляризма, а в крайних проявлениях – фундаментализма, которые множатся в современном мире.

Стратегия «супранационализма» призвана создать в конечном счете вовсе не новую планетарную общность, а сверхцентрализованную политическую систему регуляции и управления в масштабах всего человечества. Фактически она воспроизводит националистический принцип на наднациональном уровне. В таком новом «сверхнациональном» федеративном государстве уважение входящих

в него культурно-национальных образований неизбежно будет чисто риторическим.

Ж.-М. Ферри вслед за Ю. Хабермасом полагает: несмотря на то, что национальные государства в современном их виде сегодня уходят в прошлое, абрис нового состояния человечества не будет связан с формой Мирового государства. Скорее, следует говорить о некоем обретенном «космополитическом состоянии» (*un état cosmopolitique*), о «космополитической демократии» («*démocratie cosmopolitique*»).

Вторая Аристотелю, Ферри обращается к размышлению над такими формами макрополитического существования, как симполития и изополития. Симполития подразумевает объединение различных государств (или в древнегреческом формате – городов, полисов) в один большой Город. Политические элементы, составляющие изополитию, имеют сходную структуру, но при этом сохраняют суверенность и не сливаются полностью в единое пространство. Исходя из анализа этой типологии, для современного ЕС наиболее приемлемой формой общего существования должна стать именно изополития, потому что все государства, входящие в нее, подобны по форме (изополитичны). Это государства республиканского типа в кантовском смысле слова, то есть они являются правовыми государствами. Но если на уровне ЕС существует изополития, то ее нет на международном уровне, где многие государства имеют авторитарный и даже деспотический характер. А потому, если ЕС в его современном виде еще можно рассматривать как состояние, промежуточное между изополитией и симполитией, то этого никак нельзя сказать о состоянии дел на мировом уровне. Это является главным аргументом в пользу того, что не следует ожидать в скорой перспективе возникновения единого Мирового государства.

К этому аргументу, высказанному еще Ю. Хабермасом, французский философ добавляет одно весьма существенное соображение. Он обращает внимание на то, что даже у Канта, которого все единодушно признают предтечей современного европейского мира, нет понятия Мирового государства. Он указывает на различие двух немецких терминов – *Zustand* и *Staat*. Первый означает «состояние», и именно о нем пишет И. Кант, когда говорит о том, что мир должен с неизбежностью эволюционировать к такому «космополитическому состоянию», а вовсе не к Мировому государству.

Проблема Мирового государства, которая как будто бы порождается глобализацией, вызывает естественную настороженность прежде всего потому, что классическое определение государства через ассоциацию с монополией на господство, легитимное насилие, на высший суверенитет, естественно, предполагает лишение суверенности всех входящих в него частей. Именно такой абсолютный суверенитет, который реализует гегемон мирового процесса – США, и не устраивает современных европейских философов. Они предпочитают ему «систему разделенных суверенитетов», прообразом которой считается современный ЕС [Comment... 2001]. Но это означает, что в таком виде ЕС является моделью если не многополярного, то хотя бы «мультирегионального» («*multirégional*») мира. Именно она призвана уравновесить и умерить американскую ориентацию на гегемонистскую глобализацию.

* * *

Европейская версия грядущей эволюции глобального мира, хотя и отрицает прежнюю американскую модель, не отказывается окончательно от движения к общечеловеческому единению. Теоретические предположения европейских философов подтверждают реалии современности.

Процессы глобализации продолжаются, только отныне они принимают вид так называемой «глобализации снизу» («mondialisation par le bas») [Afrique...], для которой характерно перераспределение финансовых и трудовых ресурсов через миграционные потоки. Благодаря им перемещается огромное количество не только людей (порядка 230 млн по всей планете к 2000 г. – 75 % всей рабочей силы), но и капиталов, которые работающие пересылают в свои страны, поднимая и выравнивая уровень жизни. Продолжается культурная глобализация, получившая наименование «тихой глобализации» («mondialisation pacifique»), – передвижение в обратном направлении из городов в деревню и с севера на юг пенсионеров, нарастают также потоки туристов и студентов (1,2 млрд в 2014 г.). Это совершенно новый феномен для классического этапа глобализации. К этому необходимо добавить, что продолжает развиваться интернет-коммуникация. Сегодня 3,2 млрд людей (то есть каждый второй взрослый) считаются пользователями Сети. Все эти моменты продолжают оказывать совокупный интегрирующий эффект на человечество.

Однако прежняя мировая роль США как гегемона глобализации размывается, и, хотя Америка по-прежнему остается стратегически самой сильной страной мира, она уже не может быть всемирным «вождем» человечества. Мир более не является однополярным, а США более не в силах им управлять. «После Сирии и возобновления израильско-палестинского конфликта, а также после проявления Китая, России, инцидентов с Мексикой и Украиной, стало очевидным, что США отныне не в состоянии навязывать свою волю мировому сообществу», – пишет французский геополитик Паскаль Бонифас [Boniface 2017].

Сегодня мы проходим новую точку бифуркации, и очевидно, что у складывающегося нового миропорядка уже обозначилась одна важная особенность. Главный акцент переносится в область **национального суверенитета**. Ведущими в новом миропорядке, по крайней мере на первом этапе его формирования, будут национальные интересы, смыслы и цели. При этом оптимистический настрой рождает надежда на то, что грядущая многополярность не будет уже «блоково-идеологической», как это было в прошлом веке.

Литература

Абу-Мане Б. Иллюзии империи [Электронный ресурс]. URL: http://left.ru/2004/10/abu_manneh109.html (дата обращения: 25.02.2017).

Амир С. «Империя» и «Множество». Постимпериалистическая Империя или новая экспансия империализма? [Электронный ресурс]. URL: http://scepisis.net/library/id_593.html (дата обращения: 14.02.2017).

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://grachev62.narod.ru/tokvill/chapt01.html>.

Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004.

Afrique du Nord, Moyen-Orient, Turquie et Golfe. 36-ème Congrès des Migration [Электронный ресурс]. URL: www.fidh.org/IMG/pdf/ANMO_fr.pdf (дата обращения: 11.01.2018).

Bien commun. Dictionnaires et Encyclopédies sur 'Academic' [Электронный ресурс]. URL: <http://fr.academic.ru/dic.nsf/frwiki/212670> (дата обращения: 12.02.2017).

Boniface P. Le monde unipolaire n'existe plus // Sciences humaines. 2017. Nr. 3(290). P. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn.info/magazine-sciences-humaines-2017-3-page-3.htm> (дата обращения: 11.01.2018).

Comment articuler mondialisation, Europe, Etats-Nations et idéaux républicains. Conversation avec Jean-Marc Ferry // Toudi mensuel. 2001. Nr. 36–37 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larevuetoudi.org/fr/story/comment-articuler-mondialisation-europe-etats-nations-et-ideaux-republicains> (дата обращения: 25.01.15).

Chavagneux Ch. (coord.). La fin de la mondialisation? // Alternatives économiques. 2017. Nr. 364 (janvier).

Descola Ph. A qui appartient la nature? // La Vie des idées. 2008, 21 janvier; Le bien commun [Электронный ресурс]. URL: <http://voiretagir.org/BIEN-COMMUN-LE.html> (дата обращения: 12.02.2017).

Ferry J.-M. Identité postnationale et identité reconstructive // Toudi mensuel. 1998. Nr. 11, mai [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larevuetoudi.org/fr/story/identite-postnationale-et-identite-reconstructive> (дата обращения: 28.01.2017).

Foucher M. Vers la fin du monde démondialisé // Le un. 2017. Nr. 136. Mercredi, 4 janvier.

Lenglet F. La fin de la mondialisation. Paris : Fayard, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/mondialisation-est-elle-vraiment-finie-francois-len-glet-et-alexandre-delaigue-859347.html> (дата обращения: 12.01.2018).

Les ressources naturelles, un bien commun? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.repid.com/Les-ressources-naturelles-un-bien.html> (дата обращения: 12.02.2017).

Valle A del. La mondialisation en question et le destin de l'Occident // Géoéconomie. 2014. Nr. 5 (Nr. 72). Pp. 29–48.

Weinberg A. Mondialisation, acte II // Sciences humaines. 2017. Nr. 3 (290). P. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cairn.info/magazine-sciences-humaines-2017-3-page-2.htm> (дата обращения: 11.01.2018).

ФРОНТИРЫ ЕВРО-АЗИАТСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Пунченко О. П.*

В статье исследуется сущность глобализации как объективного социокультурного процесса, проявляющего себя в необратимости и комплексном характере изменений на различных уровнях социального бытия. Раскрывается содержание фронта как зоны встречи цивилизаций Китая и Европы. Эта зона раскрыта как противоречивая, неустойчивая, комплексная, многоаспектная, открытая, нелинейная, содержащая заряд динамической иерархичности, риска, социального хаоса, конфликтогенности. Проанализированы фронтиры в экономической, образовательной и демографической сферах социального бытия региона Евро-Азии. Анализ показал, что фронт как зона встречи Китая и Евросоюза разрушает линейный ход общественного развития последнего.

Ключевые слова: фронт, глобализация, Китай, Европа, инновация, мегастратегия, цивилизация, экономика, образование, демография, модель, социальный хаос.

The article investigates the essence of globalization as an objective socio-cultural process that manifests itself in the irreversibility, inclusiveness and complex nature of changes at various levels of social being. It reveals the content of the frontier as a meeting zone for the civilizations of China and Europe. This zone is revealed as contradictory, unstable, complex, multidimensional, open, nonlinear, containing reserves of dynamic hierarchy, risk, social chaos, conflict of genes. Frontiers are analyzed in the economic, educational and demographic spheres of the social being of the region Eurasia. The analysis showed that the frontier as a meeting zone of China and the European Union destroys the linear progress of social development of the latter.

Keywords: frontier, globalization, China, Europe, innovation, mega-strategy, civilization, economics, education, demography, model, social chaos.

Уходящее в анналы истории второе тысячелетие развития человечества завершилось вступлением его в эпоху многоаспектной и многомерной глобализации, вызвавшей к жизни нарастающее напряжение за счет обнажения новых противоречий во всех сферах его жизнедеятельности. Катализатором развертывания глобализационных процессов стал распад СССР, что развязало руки США в формировании однополярного мира с американской спецификой, устоями американского образа жизни. И в идеологических доктринах этой страны Дж. Маклинном, Р. Робертсоном, Ф. Броделем, И. Валлерстайном и другими разрабатывается кон-

* Пунченко Олег Петрович – д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой философии и истории Украины Одесской национальной академии связи им. А. С. Попова. E-mail: kaphedra.philos@onatu.edu.ua; oleg.petr02@rambler.ru.

цепция глобализации, где этот процесс репрезентирован как один из этапов развития капиталистического общества, к которому будет идти человечество.

Однако упиваться позитивом глобализации нельзя, это сложный и противоречивый процесс. С этих позиций А. И. Зеленков в статье «Блеск и нищета глобализации» артикулированно выстраивает векторы позитивного и негативного развития глобализационных процессов [Зеленков 2013: 11].

Современная практика показывает, что в новой глобализирующейся картине социального мира идет столкновение цивилизаций (С. Хантингтон), столкновение культурно-цивилизационных систем (А. Н. Чумаков). В. Г. Воронкова пишет, что «глобализация влияет на распад устойчивых социальных связей, в результате чего усиливаются иммиграционные тенденции, неадаптивность современного человека к вызовам современности, что приводит к росту дестабилизации современного социума, падению жизненных стандартов, социально-психологической дезадаптации современного человека» [Воронкова 2016: 227].

Анализируя современные глобализационные процессы, участник Давосского экономического форума 2017 г. А. Б. Чубайс утверждает, что в «экономике ничего катастрофического не происходит, альфой здесь выступает глобальная политическая катастрофа».

В конце XX – начале XXI в. глобализационные процессы меняют свой вектор и смысло-соразмерное содержание (термин М. Хайдеггера) в связи с выходом на историческую арену Китая в его новом политическом и социально-экономическом качестве.

Проанализировав сущность развивающихся в современном мире процессов глобализации, китайские лидеры утвердились в идее, что «глобализация проявляет себя в необратимости, всеохватности и комплексном характере изменений, приводящих к становлению глобализационной сети взаимодействий на различных уровнях социокультурной системы» [Анохина 2014: 152]. И сегодня Китай смотрит на проблемы глобализации сквозь призму объективных тенденций ее развития, мыслит глобальными социально-экономическими категориями, определяя аттракторы ее движения с учетом неизбежных флуктуаций. На мировой арене Китай постепенно превращается в лидера глобализации, успешно интегрируясь в этот процесс и при этом тесня США. В этом аспекте, ведя речь о двух полюсах глобализации – Китае и Соединенных Штатах, Р. Шапиро утверждает, что и сегодня, и при жизни следующего поколения (здесь Шапиро ошибается в своих прогнозах, поскольку он не был знаком с мегастратегией «Шелковый путь-2») из двух полюсов ведущая роль будет принадлежать США, несмотря на то, что сегодня Китай получает больше пользы от глобализации, чем другие развивающиеся страны, хотя даже относительные человеческие и природные ресурсы многих стран конкурируют с китайскими. Но политическая приверженность Китая к глобализации больше, в особенности в крайней открытости прямым и зарубежным инвестициям [Шапиро 2009: 278].

Второе десятилетие XXI в. взволновало мир стратегическими идеями лидерства Китая во всех сферах мирового развития. Следуя алгоритму США, выделивших 10 мегатрендов развития страны, Китай выделил 8 Столпов развития своего общества. «Каждый из Столпов исследует одну из реформ, взаимодействие которых рождает новое целое. Никто не может предсказать, каким в итоге станет Китай – каким будет новое общество, которое развивается на наших глазах! Китай

переправляется через реку, нащупывая “камни”» [Нейсбит Дж., Нейсбит Д. 2012: 164]. Альфой и омегой этих Столпов выступает освобождение разума нации от укоренившихся догм мышления, связанных с развитием экономики, финансовой системы, науки, образования, культуры, и внедрение инноваций в преобразование этих сфер.

Реализация этих реформ сегодня проявляется в следующем:

– во-первых, в неповторимом сочетании элементов развития капиталистической системы и идеалов социализма. Экономические отношения – рыночные, и государству здесь отводится главенствующая функция в их формировании и развитии. Социальный же дискурс, связанный с построением социализма и определяемый Коммунистической партией Китая, – идейный. Он аккумулирует в себе все то, что идет на благо построения среднезажиточного общества;

– во-вторых, в построении инновационного общества, предусматривающего формирование двух цивилизаций – материальной и духовной.

Проанализировав развитие США после 1974 г. (когда информационное производство составило 51 %, потеснив материальное), в Китае обнаружили, что с этого момента увеличилась инфляция доллара и стал расти финансовый долг этой страны, который сегодня составляет 20,5 трлн долларов, и осознали, что производство информации и развитие информатизации – процессы идеальные. Они должны отражать финансовую обеспеченность репрезентируемых материальных продуктов. И негатив приоритета формирования информационного общества на Западе и в США Китай усмотрел в снижении роста материального производства перед информационным. Поэтому в КНР сфере материального производства уделяется особое внимание. Инновации в науке, технике, образовании больше преломляются через потребности этой сферы.

Для внедрения своих идей в практику общественного развития Китай разработал и анонсировал осенью 2013 г. мегастратегию «Шелковый путь-2» («Один пояс – один путь»), которая предстала не только как концептуальная модель геоцивилизационной интеграции Китая со странами Европы, Ближней и Средней Азии, а также северными странами Африки, но и как инструментальная модель этой мегастратегии, предусматривающая много проекций. Она включает в свое смысло-соразмерное содержание инвестиционное, финансовое, инфраструктурное, инновационное и социокультурное измерения. Концептуальная и инструментальная модели «Шелкового пути-2» репрезентируют его как сильную, детерминирующую, уникальную, надежную, вариативную систему, цель которой – охватить вышеотмеченные страны единым социально-экономическим сотрудничеством на началах, принципах, законах и требованиях международного права, демократии, взаимоуважения с учетом ментальности, конвенциональности и толерантности национальных культур.

Реализация этой мегастратегии очень выгодна экономике и культуре Китая, поскольку она укрепляет его имидж на международной арене. В то же время эта стратегия будет выгодна и странам «Шелкового пути-2», особенно для их инфраструктуры и отраслей обрабатывающей промышленности, усилит связи между странами.

Анализ задач и перспектив развития КНР в призме реализации этой мегастратегии позволил Си Цзиньпину заявить на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.), что страна вошла в новую эру, которая сулит ей центральную роль в мире и лидер-

ство в глобализационных процессах. Последнее было подчеркнуто и на Давосском экономическом форуме Чжан Цзюнем, который заявил, что «раз уж требуется, чтобы Китай играл роль лидера, то мы должны взять на себя эту ответственность» [Сухарева 2017], несмотря на то, что он нарушает одну из восьми заповедей Дэн Сяопина, а именно – «никогда не становиться лидером».

Но одно дело иметь сильную глобализационную мегастратегию «Один пояс – один путь», опирающуюся на мощный внутренний инновационный потенциал, – это теоретический конструкт евро-азиатской глобализации, без которого обойтись нельзя, одна ее сторона. Вторая же, практическая, связана с выбором форм внедрения мегастратегии в финансово-экономическую и социально-культурную жизнь европейского региона. Встреча цивилизаций Востока и европейского региона – это не процесс их братания, а процесс жесткого наступления Востока на совокупность жизненных устоев Запада, что заставляет последний удерживать эти устои за счет внедрения различных защитных сооружений, которые должны ограничить горизонты наступления Востока. Пространство их встречи (а лучше – зона) и есть фронтир.

Понятие «фронтир» было внедрено в историческую науку США Ф. Дж. Тернером, который, исследуя продвижение завоевания территорий Соединенных Штатов от Атлантики к берегам Тихого океана, обозначил фронтир как границу между освоенными и свободными землями и считал, что это «точка встречи дикости и цивилизации» [Ridge, Billington 1980]. Фактически это период XVII–XIX вв., а ведь это встреча не просто дикости и цивилизации, а различных цивилизаций до и после открытия Колумбом Америки, их контакт. Ведь известно, что до открытия Америки на ее территории формировались цивилизации, которые осели не только в Северной, но и в Южной Америке, что убедительно обосновал М. Галич. Это цивилизации «ацтеков, майи, инков, алеутов, хопвелов, хохокама, аденов, ольмеков, тотонауков, алконгинов, омаху, мешиков, анауков и другие» [см.: Галич 1990], созидательный гений которых и сегодня остается еще загадкой.

Однако эта ремарка не уменьшает заслуги Ф. Дж. Тернера, поскольку для американской истории фронтир – это зона наиболее быстрой и эффективной американизации жизненного пространства, где первооткрывателем, несущим цивилизацию, является торговец, вступающий в систему экономических отношений с людьми, проживающими на территории за фронтиром (границей, зоной), и завоевывающий их пространство экономически.

Подходов к обоснованию сущности фронтаира достаточно много. Так, Р. Биллингтон определяет фронтир как «географический регион... где низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы обеспечивают исключительную возможность для улучшения социального и экономического статуса мелких собственников» [Billington 1991]. С позиций встречи различных культур исследует содержание фронтаира И. Я. Левяш. Он пишет: «В современном смысле фронтир – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций» [Левяш 2016: 194].

Новый подход к исследованию сущности фронтаира обнаруживается у Н. Ю. Замятиной, которая утверждает, что фронтир – зона особых социальных условий, а не граница территории, находящаяся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной его жителями, а «зона не-

устойчивого равновесия... существующая по своим собственным зыбким законам» [Замятина 1998: 77, 81].

Применительно к процессу евро-азиатской глобализации фронтир как неравновесная структура таит в себе заряд обостренности противоречий, неустойчивости, динамической иерархичности, риска, социального хаоса, конфликтогенности. Эта структура претерпевает глобальные трансформации, которые и должны уравновесить фронтир. В зоне фронтаира кроются корни финансово-экономических, политических, социокультурных интересов противоборствующих сторон, которые и обнаруживаются через развитие различных форм конфликтов и столкновений. В зоне фронтаира Восток и Запад предстают как открытые самоорганизующиеся системы, встреча которых нарушает линейный ход их развития в масштабе их цивилизационного бытия. В этой зоне фрактально выражается нелинейность развития данных цивилизаций, поскольку и задачи у каждой из них различны. У фронтаира своя логика развития: чтобы противостоять Востоку в зоне фронтаира, Запад вынужден строить различные защитные сооружения. Зона фронтаира евро-азиатской глобализации – это еще и зона обмана, грабежа, финансовых подачек, авантюры, в которой целенаправленно формируется социальный хаос. Он амбивалентен, поскольку зависит как от целей и ценностей Востока, так и от возможностей Запада позитивно для себя отреагировать на глобализационные процессы Востока. Привести этот социальный хаос в порядок может только цивилизация, вызвавшая его к жизни и позитивно отстаивающая свои интересы. Для противоположной стороны будет характерен «сценарий выживания, когда горизонт предсказуемости много меньше времени пребывания в зоне кризиса... или... стратегия пассивного поиска – встречи, в которой используются свойства перемешивания в хаотической среде» [Буданов 2009: 84].

Несомненно, фронтир – это комплексная, многоаспектная, многогранная, открытая, нелинейная, конфликтогенная зона, выступающая как «вещь в себе». В евро-азиатских глобализационных процессах это еще и особая зона риска, которую «можно оценить как долю “плохого” в “хорошем”» [Сосновский 2004: 68].

Но сумеет ли в этой сложной, противоречивой зоне западная цивилизация противопоставить Востоку фундаментальные защитные сооружения своей идентичности, найти ключевые факторы самореализации, саморазвития, самовосстановления как системы или будет балансировать на краю финансово-экономического и социокультурного хаоса?

В своей концепции «Шелковый путь-2» Китай уподобился хитрому лису, выдавая ее за проект евро-азиатской интеграции. Но это не проект, поскольку последний необходимо прописать по пунктам с учетом интересов обеих сторон. К тому же этот проект калейдоскопически меняет содержание, исходя из своих принципов, что позволяет рассматривать евро-азиатскую интеграцию как «мягкий» вариант глобализации по-китайски.

Известно, что вначале эта мегастратегия включала три пути – северный, центральный и южный (морской). Сегодня появился Северный морской путь (способом аренды в России пути через Ледовитый океан), а также расширяется центральный – через развитие инфраструктуры в регионах, выводящих Китай к устью Дуная, а далее сразу в семь стран Евросоюза (не считая Украину и Молдову).

Однако расширение экономических путей – это еще и расширение фронтиров. Попробуем кратко проникнуть в сущность фронтиров евро-азиатской глобализации.

Фронтиры в экономической сфере

Поставленная задача – взять на себя лидерство в глобализационных процессах – требует от Китая реорганизации как внутренних, так и внешнеэкономических связей. Это основа успешной конкуренции китайского социализма с западной моделью общественного развития. Главная особенность новой мегастратегии Китая заключается в том, что в ней строго действует запрет протекционизма, она направлена на расширение связей, особенно со странами Евросоюза. И если экономика – это океан, от которого нельзя отгородиться, то за 23 столетия Китай научился хорошо в нем плавать. Еще в начале III в. до н. э. эта страна воздвигла Великую стену протяженностью 4000 км и уже в конце этого же века, осознав, что стена – крах для экономики, открывала Великий шелковый путь-1, по которому вывозилась не только новация китайского текстильного производства – шелк, но также и новинки науки, техники, образования. Этот путь просуществовал почти двадцать столетий, и китайцы научились хорошо торговать, что Европе, России, Америке еще не было присуще.

Сегодня, чтобы ворваться в экономическое пространство Евросоюза, Китай начал широкую политику инвестиций в инфраструктуру евро-азиатских и североафриканских стран. Он заключил соответствующие договоры (уже более 30) о присоединении той или иной страны к его мегастратегии. После заключения договора Китай начинает выделять достаточно много средств в виде инвестиций. Так, например, он инвестировал в строительство новых и ремонт старых дорог в Чехии 2 млрд долларов, что для чехов довольно серьезная сумма; в Северную Африку Китай принес технологию железных дорог; инвестировал средства в греческий порт Пирей, а сегодня он его уже выкупил; в Германию он отправляет по пути Китай – Москва – Минск – Варшава – Берлин еженедельно 5 составов с товарами, а ФРГ отправляет в КНР всего лишь один (она пока еще плотно завязана на США), не обращая внимания на фронт (зону встречи) экономик Китая и Запада. А этот фронт взрывоопасен, поскольку он формирует хаос в финансово-экономической системе Германии как ядре Евросоюза. И не зря, осознав глобализационный характер политики Китая, французский президент Э. Макрон 2018 год начал с визита в КНР. Сегодня Францию больше интересует Китай, нежели США, поскольку на Евро-Азиатском континенте Европа уже не является экономическим центром, как это было раньше. Сейчас ось достаточно уверенно и быстро смещается в Азию. И, находясь на одном континенте, европейцы не захотят оказаться в отдалении от этого центра. Сегодня между ЕС и Китаем осуществляется оборот на сотни миллиардов долларов, что способствует развитию евро-азиатской интеграции. Европа осознала, что отгородиться от надвигающегося прессинга китайской экономики различными защитными сооружениями уже невозможно, она опоздала, она бессильна, поэтому возникающий в зоне экономического фронта хаос может привести в порядок только Восток, что очень невыгодно США.

Опасность такого фронта, когда Европа станет зоной встречи Китая и США, американские экономисты осознали сразу. Видя, как Китай инвестирует финансы в страны Евросоюза, заваливает эти государства дешевыми товарами,

как растет признание юаня в качестве международной валюты (в декабре 2016 г. юань был признан МВФ в качестве запасной международной валюты), как усиливается инфляция доллара, США и Канада после саммита лидеров «Большой двадцатки», проходившего в китайском Ханчжоу в сентябре 2016 г., усмотрели в мегастратегии «Шелковый путь-2» притеснение их финансово-экономических интересов и ограничение продвижения американской демократии в Евро-Азиатском регионе. Это заставило США и Канаду в течение полутора месяцев после саммита подписать соглашения о торговле с Евросоюзом.

В экономической зоне встречи Европы и Азии Китай выигрывает у США тем, что его интересуют только финансово-экономические отношения. Он не вмешивается в систему политических и идеологических установок конкретной страны, то есть позволяет строить то общество, которое ей импонирует, но дает понять, что без внешнеэкономических связей его не построить. В отличие от США, Китай и на этом зарабатывает себе преференции. Если Соединенные Штаты увязывают в единое целое экономические, политические и идеологические интересы своего влияния на другие страны, превращая их в новые колонии глобализирующегося мира, то Китай демонстрирует свою форму демократии. Если он и дальше будет демонстрировать свою модель отношений со странами Евросоюза и эффективность своей концепции построения инновационной цивилизации и среднезажиточного общества, то это позволит ему справиться с главным вызовом современности – построением действенного многополярного мира. Главное условие конструктивного решения этой задачи – выигрыш Китая в экономическом фронтире Европы не только у Евросоюза, но и у США, которые, несомненно, предпримут попытки создания экономического хаоса в этом фронтире, так же как они сегодня создают хаос на нефтегазовом рынке Европы и России.

Фронтиры в сфере образования

К детерминирующим измерениям мегастратегии «Шелковый путь-2» относится и социокультурное, поскольку комплексный характер евро-азиатской глобализации включает формирование единого «социокультурного пространства на основе широкого распространения телекоммуникаций и интеллекта, в результате чего исчезают национальные границы в области науки, образования, культуры, идеологии» [Нейсбит Дж., Нейсбит Д. 2012: 153]. Основу реализации этой задачи Дэн Сяопин возложил на Столп инновационного развития науки и образования и не ошибся. Когда он назвал науку и технику «первоочередным приоритетом», спрос на образование резко вырос. Стать инновационным лидером, построить две цивилизации – материальную и духовную, сформировать инновационное общество невозможно без коренной ломки старых устоев и старой методологии преобразования науки и образования.

Чтобы сделать Китай инновационной страной, еще в 2007 г. президент Ху Цзиньтао заявил, что необходимо:

«– повышать уровень образования в стране, обеспечивая качество и актуальность знаний;

– расширять возможности для самостоятельных инноваций... увеличить расходы на их поддержку и стимулирование...;

– создавать условия, способствующие инновациям, и воспитывать собственных ученых мирового уровня и бизнес-лидеров» [Нейсбит Дж., Нейсбит Д. 2012: 262].

Конструктивное решение этих задач требует прежде всего эмансипации, раскрепощения разума, освобождения мышления от старых форм развития науки и образования. В этом процессе необходимо опираться не на страх, а на доверие. Сегодня китайская культура в науке поощряет творческий потенциал, позволяет учиться на допущенных ошибках и охотно принимает ученых, рационализаторов с новыми проектами. Эмансипация разума в науке ослабила идеологический контроль, что дало больше свободы ученому и сразу же отразилось на росте инновационности в научной сфере.

С самого начала реформ в науке Китай ставил эксперименты, внедряя на практике эффективные инновации, которые охватили высокотехнологические отрасли, информационные технологии, биотехнологии, производство новых материалов, авиацию, космонавтику, морские производства, оборонную промышленность. Китай одним из первых бурно включился в развитие нанотехнологической революции, ее основных конвергентных составляющих – NBIC-технологий. Китай оказал большую помощь Белоруссии в становлении и развитии Парка высоких технологий. Сегодня примером их сотрудничества в этой области служит реализация индустриального проекта «Великий камень», предусматривающего «разработку и внедрение информационно-коммуникационных технологий и программного обеспечения как для внутреннего пользования, так и на экспорт, работы по 12 высокотехнологичным направлениям – от создания материалов для микро- и нанoeлектроники до авиационной и ракетно-космической техники... В 2016 г. экспорт услуг Парка высоких технологий составил 820,6 млн долларов... около 100 долларов на человека и позволил занять Беларуси лидирующие позиции в регионе Центральной и Восточной Европы» [Беларусь... 2017].

Такой пример сотрудничества с Белоруссией Китай вполне может репрезентировать в зоне фронта другим европейским странам как результат инновационного развития науки и образования.

Для того чтобы охарактеризовать фронтиры в образовательной реальности в условиях евро-азиатской интеграции, необходимо: во-первых, репрезентировать идеи и практику китайской инновационной политики в сфере образования; во-вторых, элиминировать недостатки Болонской системы образования, охарактеризовать складывающиеся противоречия в образовательных моделях как зону неустойчивого равновесия и интеллектуальных рисков, зону столкновения образовательных моделей Востока и Запада, порождающую для европейских стран свободу выбора конкурирующих моделей, а не навязывание им, без учета технического и финансового обеспечения, единственного прокрустово ложа – Болонской модели.

Для ответа на первое «необходимо» обратимся к идеям китайского руководства относительно роли образования в стране в эпоху реформ и построения двух вышеотмеченных цивилизаций. Исходя из аксиомы, что обучение является фундаментальным элементом быстро меняющейся жизни, лидеры страны пришли к выводу, что «нужно превратить Китай в страну, богатую человеческими ресурсами» [Нейсбит Дж., Нейсбит Д. 2012: 78], а это означает сделать КНР страной обучения. И сегодня уровень грамотности в Китае превысил 91 %. Убежденность

КНР в практической значимости образования и превращает эту страну в инновационное общество обучения. Образование – это ключевое условие для того, чтобы самому строить свою жизнь и быть полезным обществу, это тот самый ключ, который отпирает двери раскрепощению духа человека, двери свободы и справедливости. Именно образование закладывает фундамент инновационного развития всех сфер жизнедеятельности общества. Следовательно, сам фундамент должен быть инновационным. Инновационность – определяющий тренд развития новой модели образования, которая предстает как качественно новый уровень формирования инновационного типа мышления, развивающегося на основе креативной методологии и достижений современной науки. Важнейшим параметром инновационности выступает атрибутивность. Это означает, что инновации в образовании характеризуются сменой своего содержания, но лишь в тех границах, которые обуславливают их новизну, эффективность, потребности социума. С этих позиций инновации в образовании чаще регламентируются требованиями найти способ их «направленно изменить», «сконструировать», «сознательно воспроизвести», «построить в заданных параметрах и условиях», «реализовать и получить эффект».

С учетом основных параметров инновационности (атрибутивность, имманентность, детерминированность, стойкость, стабильность, уникальность) в Китае идет бурный процесс экспериментирования в образовании, предлагаются новые концептуальные и инструментальные модели его развития, выясняется на практике их эффективность и социальная значимость. Несомненно, это большое преимущество китайской модели образования. Поскольку современная система мирового образования носит трансграничный характер, то она является не только полем конструктивного взаимодействия стран, но и рынком противоборства предлагаемых моделей их развития. Это и стало фундаментом нового отношения к образованию в Китае.

Сложившаяся система образования в КНР раскрывает свой инновационный характер через формирование новой образовательной сети, охватывающей огромный спектр деятельности, начиная от министерства образования и ректоратов до всего преподавательского состава. Инновациями охватываются вся методология подготовки специалистов, использование технических и технологических средств образования.

В структуре образовательной системы Китая четко просматриваются две системы: массовое высшее образование через систему дистанционного образования и система подготовки элиты страны. Первая – дистанционная – доказала свою эффективность и необходимость развития, через эту систему сегодня готовится свыше 100 тысяч специалистов ежегодно.

Через вторую систему образования идет целенаправленный процесс подготовки элиты страны для всех сфер деятельности социума. В этих вузах не гонятся за количеством студентов и увеличением площадей, как это имеет место в Болонской системе: чем больше студентов, тем лучше вуз. В Китае наоборот. Так, ректор Цзилиньского университета Чжоу Цифэн заявил, что «наша цель состоит не в том, чтобы увеличить площади университета или привлечь больше студентов; мы хотим создать многоуровневый исследовательский комплекс и одновременно увеличить качество обучения и преподавания» [Нейсбит Дж., Нейсбит Д. 2012:

198]. Такие цели делают университеты флагами инновационного развития страны, именно в их стенах формируются новые модели образования.

Второе «необходимо» связано с дистанцированием китайской модели от Болонской. Китай не копирует эту модель образования, видя в ней ряд изъянов. Путь развития образования Китая самобытен, он ни в коем случае не собирается присоединяться к ней. Если Болонская система утверждает о вооружении будущего специалиста методологией самостоятельного изучения предмета, то Китай ставит вопрос «по-старому» и исходит из принципа необходимости вооружить обучаемого системой не только информационных знаний, имеющихся в распоряжении общества, но и навыками, методологией непрерывного обучения, поскольку картина социальной реальности меняется быстро.

В предлагаемой китайской системе образования новые концептуальные и инструментальные модели тесно связаны между собой, обязательно проходят проверку на практике, доказывают свою инновационность, эффективность, открытость. Предлагаемая Китаем в ходе евро-азиатской интеграции новая модель образования имеет важное значение для развития образовательного процесса. Для Болонской системы возникновение нового визави (китайской модели образования) – факт нелицеприятный, поскольку открыто анонсируются ее недостатки. Для конкретных стран Европы это позитив, заключающийся в возникновении конкурирующей модели и свободе выбора одной из них. Но авторы Болонской системы (которая утверждена в 1999 г. и копирует многие положения системы образования Скандинавских стран 60–80-х гг. XX в. [Основные... 1984]) смогли унифицировать систему образования, этому способствовало становление и развитие Евросоюза. Однако процесс унификации образования несовместим с интеграционными процессами Востока и Запада, поскольку широко развернувшаяся глобализация в Европе формирует регионально-глобальный образовательный процесс – базу становления общества обучения, хорошо обоснованный в китайской модели.

Становление и продвижение китайской образовательной модели в качестве конкурирующей порождает фронт – зону встречи двух моделей образования. Столкновение этих моделей заставляет Болонскую систему искать пути автопоэзиса, то есть сохранения своей сущности и своего влияния на образовательный процесс в странах Евросоюза; определять устойчивые центры (аттракторы) эволюции образовательной системы, придавать ей заданную направленность с учетом ее саморазвития; создавать различные защитные сооружения в виде индигенизации, гибридизации и другие как ответную реакцию на угрозу утраты своей авторитарности.

Тем не менее встреча этих моделей образования – процесс объективный, закономерный, вызванный евро-азиатской региональной глобализацией.

Демографические фронтиры евро-азиатской глобализации

Известно, что одной из глобальных проблем человечества является демографическая. Катастрофический рост населения нашей планеты, на которой уже обитает 7,5 млрд человек, вызвал к жизни проблему «Великого переселения народов» [Чумаков 2017]. Эта проблема порождена рядом объективных и субъективных факторов глобализирующегося мира в целом. Сегодня нельзя отрицать, что неотъемлемой характеристикой глобальных изменений в мире выступают миро-

вой финансово-экономический кризис, экологические и климатические аномалии в глобальном масштабе, демографические диспропорции в структуре мирового населения, особенно вызванные к жизни взрывом политической, религиозной и военной нестабильности в арабо-мусульманском мире, давление сильных стран Америки и Европы на этот регион с целью приобретения в собственность их богатых полезных ископаемых, обнищание народов этого мира, безработица, социальный хаос. Это неизбежные реалии нового складывающегося миропорядка, негативные условия и факторы глобализирующейся социальной реальности. Реальности, которую можно оценить как нищету возможностей для формирования настоящего, гармоничного глобального мира.

Негативизм социального бытия человечества призывает его к перемене мест жизни. К объективным измерениям процесса «Великого переселения народов» арабо-мусульманского мира и отдельных стран Восточной Европы, в частности Украины, необходимо отнести: пространственно-географическую акцентуацию, вызванную субъективными стремлениями к улучшению жизненных условий; отказывание народам этих регионов в их специфической цивилизационной идентичности; внедрение в сознание народов этих регионов идеологическими средствами комплекса их неполноценности, отсталости, невозможности решения экономических и социокультурных проблем; недовольство народа внутренней политикой государства, неспособного обеспечить достойный уровень жизни на фоне процветания народов ряда стран Европы и Америки. Последние являются приоритетными, туда и направлена демографическая лавина.

Идея лавинообразного переселения народов арабо-мусульманского мира в Европу не нова. Взаимосвязь этих двух регионов имеет свои историографические корни. Если в XI–XIII вв. Крестовые походы на Ближний Восток (в Сирию, Палестину, Северную Африку) были организованы католической церковью под лозунгами борьбы против «неверных» (мусульман), освобождения Гроба Господня и Святой земли (Палестины), то XX век развернул эту ситуацию на 180 градусов, и теперь уже мусульмане организуют свой «культпоход» в Европу, опять же под религиозными лозунгами «борьбы с неверными» и завоевания Европы арабо-мусульманскими народами. Осознав невозможность военного захвата Европы, арабо-мусульманские лидеры стали искать новые формы осуществления своих идей. Об одном из таких сценариев покорения Европы «впервые было сказано, – пишет А. Н. Чумаков, – еще в 1974 г. алжирским политиком и главой государства Хуари Бумедьеном, который, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в частности, отметил: “Однажды миллионы людей покинут южное полушарие, чтобы проникнуть в северное. Уж конечно, не как друзья. Ибо они придут, чтобы завоевывать. И они завоюют вас тем, что населят северное полушарие своими детьми. Чрево наших женщин принесет нам победу”» [Чумаков 2017: 11].

И вот иммигранты, прибывшие в Европу по приглашению канцлера А. Меркель, осознали, что Старый Свет можно завоевать не только чревом мусульманок, но и чревом европейцев. Поэтому, поселившись в Европе, они занялись изнасилованием европейцев, что воинственно настроило против них не только немцев, но и шведов, французов, голландцев и другие европейские народы, которые стали отгораживать свои территории и отправлять эмигрантов в Германию, поскольку оттуда прозвучало приглашение и утверждение в Евросоюзе квот на их размеще-

ние. Отголоском такой политики явилось отношение немцев к выборам правящей партии, и уже более четырех месяцев в стране нет правящей коалиции, а по Конституции этой страны необходимо срочно проводить новые выборы, что, по крайней мере, невыгодно ни А. Меркель, ни гостям-иммигрантам.

В условиях такого демографического хаоса в Европу приходит Китай, и нельзя сбрасывать со счетов, что эта страна намерена заняться «окитаиванием» Европы. Он афиширует финансово-кредитное, инвестиционное, социокультурное измерения, но, придя в Европу, не собирается содержать арабо-мусульманский мир. К тому же Китаю не свойственен религиозный фанатизм, что нравится европейцам. Но факт остается фактом: демографический фронт между Китаем и арабо-мусульманским миром разыгрывается на территории Европы, в которой складывается еще больший социальный хаос. Воевать с Китаем этот мир не будет, он заранее осознает свой проигрыш. Но выиграет ли Европа от «окитаивания» населения – вопрос сложный. А сегодня в Китае остро стоит демографическая проблема.

Известно, что КНР активно занимается проблемой «окитаивания» приграничной зоны с Россией, тем более этот процесс здесь разворачивается после сдачи РФ части территории в аренду Китаю. И надо полагать, что мегастратегия «Шелковый путь-2», не афишируя демографическую проблему, ее игнорирует. А будущее наступает быстрее всяких демографических прогнозов. В современном мире 31 город имеет население более 10 млн человек, из них 20 расположены в евро-азиатской зоне. Из 20 городов – шесть китайских. Это Шанхай, Пекин, Чунцин, Гуанчжоу, Тяньцзинь и Шэньчжэнь. В арабо-мусульманском мире их три: Карачи, Стамбул и Каир, в Европе также три: Москва, Париж, Лондон [Доклады... 2017]. Крупные города притягивают мигрантов, поскольку в них сосредотачиваются основные средства страны. Поэтому пусть это будут не столь крупные мегаполисы в Германии, Франции, Италии, Греции, Швеции, Норвегии, Финляндии и других странах Европы, но мигранты знают, что основные средства стран сосредоточены именно в них.

Что же касается Китая, то, согласно данным ООН, на планете возник первый гигантский мегаполис, население которого превышает 100 млн человек. Эту гигантскую агломерацию сформировал Шанхай, который включил в нее Нанкин, Ханчжоу и еще около 20 городов поменьше. И наивно полагать, что демографическая проблема в этой мегастратегии была проигнорирована. Несомненно, данный фронт как зона неравновесности, неустойчивости, нелинейного развития, социального хаоса, зона труднопрогнозируемых аттракторов ее движения станет для Европы дамкловым мечом, висящим над ее перспективами свободного, независимого, экономически быстроразвивающегося и на этой основе гостеприимного региона мира. Как будет развиваться это «гостеприимство» в ближайшем будущем, покажет время.

Таким образом, мегастратегия «Шелковый путь-2», репрезентируемая Китаем как евро-азиатская интеграция, в своей сущности есть не что иное, как вариант региональной глобализации по-китайски. Этот вывод основывается на проведенном анализе фронтиров, складывающихся в экономической, образовательной и демографической сферах. Анализ показал, что фронт как зона встречи Китая и Евросоюза не просто нарушает, а разрушает установившийся ход общественного развития последнего. Эта «встреча» нарушает внутреннее содержание

и направленность развития европейской системы, представленной ее способностью сохранять свое «я» при соприкосновении с остальным социальным миром за счет способности к конструктивному внутреннему творческому развитию. Зона фронта нарушает линейный ход развития всех сфер жизнедеятельности Европы, отражает его нелинейность, характеризуется неустойчивостью, возникновением защитных сооружений, социальным хаосом, привносимым наступательной стороной, формированием в этой зоне нового миропорядка. Ближайшее будущее еще более наглядно обнажит содержание противоречий, складывающихся в евроазиатском фронтире.

Литература

Анохина В. В. Культурная традиция в парадигмах современной философии. Минск : БГУ, 2014.

Беларусь. Минск : Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен, 2017.

Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Воронкова В. Г. Філософія інформаційно-комунікаційного суспільства: теоретико-методологічний контекст. Запоріжжя : ЗДІА, 2016.

Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М. : Мысль, 1990.

Доклады ООН «Города мира в 2016 г.», «Перспективы населения мира». Б. м. : 2017.

Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88.

Зеленков А. И. Блеск и нищета глобализации // Философия и социальные науки. 2013. № 3–4. С. 4–12.

Левяш И. З. Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты // Диалог культур в эпоху глобальных рисков / под ред. А. В. Данильченко. Минск : РИВШ, 2016. С. 193–196.

Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды. М. : Астрель, 2012.

Основные тенденции развития высшего образования в странах Северной Европы (70-е – начало 80-х годов) / под ред. А. М. Кулькина. М. : ИНИОН АН СССР, 1984.

Сосновский Л. А. Риск. Золотое сечение. Гомель : БелГУТ, 2004.

Сухарева О. Шелковый путь все увереннее становится на ноги [Электронный ресурс] : РИТМ Евразии. 2017. 10 февраля. URL: <http://finobzor.ru/show-31487-shelkovyy-put-vse-uverennee-standovitsya-na-nogi-html>.

Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов // Век глобализации. 2017. № 2. С. 3–19.

Шапиро Р. Прогноз на будущее. М. : АСТ: АСТ Москва, 2009.

Billington R. A. America's Frontier Heritage. Albuquergue, 1991.

Ridge M., Billington R. A. America's Frontier Story. A Documentary History of Westward Expansion. Huntington, NY, 1980.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИК СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Азимов П. Х.*

В статье рассматриваются роль и место международных транспортных коридоров в процессе глобализации и интеграции экономик стран Центральной Азии. Говорится о значении международных транспортных коридоров стран Центральной Азии для усиления интеграции в международную транспортно-логистическую систему. Особое внимание уделено перспективам развития международных транспортных коридоров в процессе объединения экономических систем стран Центральной Азии в региональное и международное пространство.

Ключевые слова: экономика, интеграция, глобализация, транспорт, транспортно-логистическая система, международные транспортные коридоры.

The article examines the role and place of international transport corridors in the process of globalization and integration of Central Asian economies. The importance of international transport corridors of Central Asian countries for strengthening integration into the international transport and logistics system is being discussed. Particular attention is paid to the prospects for the development of international transport corridors within the framework of the integration of Central Asian economies into regional and international space.

Keywords: economy, integration, globalization, transport, transport and logistics system, international transport corridors.

Развитие транспортных связей между государствами испокон веков являлось одним из основных условий объединений народов, развития экономик, взаимообогащения культур и в конечном итоге оказывало большое влияние на мирное и гармоничное развитие человечества в его движении вперед.

Страны Центральной Азии географически удачно расположены и исторически соединены железнодорожными, автодорожными и воздушными линиями связи для доставки различных грузов как внутри региона, так и через него. Данное обстоятельство подчеркивает актуальность и своевременность изучения роли международных транспортных коридоров в процессе глобализации экономик стран этого региона.

* Азимов Пулод Хакимович – к. э. н., доцент кафедры экономики и транспортной логистики Таджикского технического университета имени академика М. С. Осими, г. Душанбе, Республика Таджикистан. E-mail: pulaz@mail.ru.

В настоящее время существует несколько частично совпадающих, но не согласованных между собой стратегических международных транспортных коридоров (МТК), проходящих по территории Евразийского континента и концентрирующихся в Центральной Азии (рис. 1). В этом направлении работают три проекта: от Евросоюза; Китая и Азиатского банка развития; Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Однако следует отметить, что данные проекты не обеспечивают эффекта масштаба, критически важного для конкурентоспособности всей транспортно-логистической инфраструктуры региона.

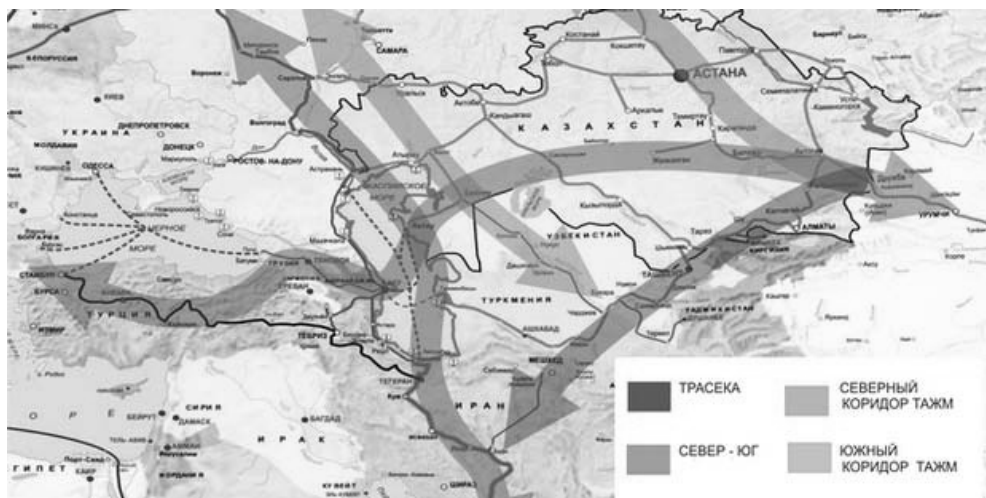

Рис. 1. Международные транспортные коридоры Центральной Азии [Зойдов, Медков 2015]

Развитие МТК является приоритетным направлением транспортной политики стран Центральной Азии на пути усиления интеграции в международную транспортно-логистическую систему. Географическое положение рассматриваемых государств создает предпосылки для привлечения значительных инвестиций и поддержки со стороны стран, заинтересованных в развитии транзитных транспортных коридоров, что, безусловно, будет способствовать росту эффективности управления международными перевозками. Это, в свою очередь, предполагает обязательное внедрение новейших транспортных технологий и использование современных транспортных средств для международных перевозок.

В связи с ростом экономической значимости государств Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея и др.), а также стран Южной Азии (Индия и др.) растет товарооборот между западной и восточной, северной и южной частями Евразии. Вследствие этого перед странами Центральной Азии обнаруживается целый ряд перспектив в плане открытия новых транспортных маршрутов, включая транзитные.

С учетом вышеизложенного научно-практический интерес представляют вопросы о роли, месте и значении МТК в процессе глобализации и интеграции экономик стран Центральной Азии.

МТК предназначены для обслуживания экспортно-импортных перевозок и международного транзита [Чижков 2015]. Это обуславливает их влияние на со-

стояние промышленной, продовольственной, демографической, военной и технологической безопасности стран, по территории которой они проходят. Рассмотрим более подробно направления данного влияния.

1. МТК, будучи элементом процесса глобализации торговых и транспортных рынков, способствуют развитию международного сотрудничества и углублению производственной кооперации стран Центральной Азии. Процесс интеграции региональной экономики в мировую экономическую систему ведет к большему вовлечению стран Центральной Азии в международное распределение труда и, соответственно, к росту их взаимной торговли с основными торговыми партнерами: ЕС, Китаем и Россией. В 2014 г. доля ЕС в общем товарообороте стран Центральной Азии составляла 33,52 %, Китая – 24,57 %, России – 19,13 %. Основными экспортными товарами государств региона являются энергоресурсы и другие полезные ископаемые. Таким образом, доступ к новым месторождениям диктует необходимость развития транспортной инфраструктуры.

Одновременно следует отметить слабую развитость внутрирегиональной торговли, которая не превышает 7 % от общего товарооборота стран Центральной Азии (табл. 1).

Таблица 1

Товарооборот стран Центральной Азии с основными торговыми партнерами, млрд долларов, 2014 г. [Contessi 2016]

	Казахстан		Кыргызстан		Таджикистан		Туркменистан		Узбекистан		Центральная Азия	
	Объем	Доля, %	Объем	Доля, %	Объем	Доля, %	Объем	Доля, %	Объем	Доля, %	Объем	Доля, %
Всего	143,6	100	6,58	100	3,65	100	18,6	100	15,97	100	188,4	100
Китай	33,1	23	3,12	47,4	1,76	48,2	13,1	70	4,12	25,8	55,2	29,3
Россия	36,12	25,2	1,34	20,4	0,71	19,5	1,64	8,8	5,67	35,5	45,48	24,1
ЕС	60,4	42	0,45	6,8	0,31	9,5	3,01	16,1	1,95	12,2	66,12	35
ЦА	14	9,8	1,67	25,4	0,87	22,8	0,85	5,1	4,23	26,5	21,62	11,6

Одной из причин невысоких объемов товарооборота стран Центральной Азии между собой является слабая развитость инфраструктуры, в первую очередь железных и автомобильных дорог. Другими словами, существует потенциал для развития внутрирегиональной торговли и региональной экономики в целом путем устранения физических барьеров в Центральной Азии, а именно – строительства необходимой транспортной инфраструктуры и интенсивного включения стран в МТК.

2. Развитие МТК влечет за собой создание транспортных логистических центров с соответствующим обустройством и грузоперерабатывающей инфраструктурой, включая подвижные транспортные средства, станции, порты, терминалы и т. д. Так, например, реконструкция МТК «Западная Европа – Западный Китай», протяженность которого по территории Казахстана составляет 2787 километров, позволит реконструировать и перевести в более высокую техническую категорию дороги, связывающие города-хабы (Алматы, Астану, Актобе, Шымкент и Усть-Каменогорск) в зависимости от прогнозируемого увеличения среднесуточной интенсивности движения транспортных средств. Вместе с тем данный проект будет способствовать сокращению времени пребывания в пути; также до 2020 г. плани-

руется строительство 260 объектов сервиса по утвержденным требованиям за счет республиканского бюджета и привлечения частных инвесторов.

Предполагается, что предпринятые меры позволят значительно увеличить объемы как внутриреспубликанских, так и международных перевозок, прогнозируемые показатели которых приведены в табл. 2.

Таблица 2

Целевые индикаторы развития транспортно-логистической инфраструктуры Казахстана в результате реконструкции МТК «Западная Европа – Западный Китай» [Махмудова 2016]

Целевые индикаторы	Единица измерения	Прогноз		
		2017	2018	2019
Увеличение валовой добавленной стоимости по отрасли транспорта и складирования в реальном выражении к уровню 2008 г.	%	68	80	93
Перевозка грузов	млрд тонн	4,6	5,2	5,9
Перевозка пассажиров	млрд человек	28,5	31,9	35,7
Грузооборот	млрд т-км	527,3	590,7	661,6
Пассажиروоборот	млрд п-км	401,8	451,8	506,1
Увеличение объемов перевозок грузов в транзитном направлении	млн тонн	24,2	26,5	28,9
Увеличение дохода от транзитных перевозок	млрд тенге	220	240	262

3. МТК являются частью системы обеспечения транспортной безопасности государств, которая, в свою очередь, является частью системы обеспечения национальной безопасности каждой конкретной страны. Первоочередной задачей государства на международной арене является приобретение авторитета. Не вызывает сомнения тот факт, что успешные проекты по созданию МТК на территории стран Центральной Азии значительно укрепят их авторитет на международной арене. Поэтому направление международного транзита имеет исключительно важное значение для внешнеполитической безопасности центральноазиатских стран. Кроме того, создание МТК и заключение соглашений об их использовании является предметом международной политики. Стабильное функционирование МТК напрямую влияет на создание благоприятных внешнеполитических условий для прогрессивного экономического и социального развития страны.

4. МТК служат предпосылкой устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности национальной экономики. Их развитие, несомненно, улучшает инвестиционный климат и повышает эффективность инвестиционных процессов, стимулирует развитие наукоемких высокотехнологичных производств, ускоряет другие прогрессивные структурные и институциональные изменения в национальной экономике.

5. Развитие МТК будет способствовать активизации участия стран Центральной Азии в международных экономических и финансовых организациях, росту их экспортного потенциала, углублению интеграции в мировую экономическую систему и т. д. Так, наглядно роль МТК в процессе глобализации и интеграции экономик стран Центральной Азии можно проследить на примере экспорта этих

стран на основные рынки за пределами региона, который рос одновременно с развитием и расширением МТК (табл. 3).

Таблица 3

Экспорт стран Центральной Азии на основные рынки за пределами региона
[Солехзода 2016]

Страна	2000		2014	
	Млрд долларов США	% от общей суммы экспорта	Млрд долларов США	% от общей суммы экспорта
ЕС	3,7	23,8	32,7	38,4
Россия	3,6	23,3	14,7	17,2
Китай	0,7	4,8	13,6	15,3
Иран	0,5	3,3	5,1	5,1
Турция	0,4	2,5	3,2	3,4
Швейцария	0,6	4,1	1,9	2,6
США	0,2	1,5	1,3	1,5
Япония	0,08	0,5	0,61	0,8
Корея	0,14	0,9	0,45	0,5
Индия	0,06	0,4	0,29	0,4
Пакистан	0,04	0,3	0,25	0,2

Кроме того, следует отметить, что МТК способствуют расширению сотрудничества с международными финансовыми организациями, так как международное сообщество таким образом оказывает помощь, которая нацелена на расширение регионального экономического сотрудничества и диверсификацию экономик стран Центральной Азии за пределы добычи и экспорта природных ресурсов (рис. 2).

Рис. 2. Финансовая помощь ЕС странам Центральной Азии (двустороннее сотрудничество) [Implementation... 2016]

6. МТК позволяют создать благоприятные условия для привлечения к обслуживанию национальными транспортными коммуникациями международных транзитных потоков, улучшения транспортного сообщения внутри страны и развития сети транспортно-логистических центров. Так, в табл. 4 приведены числовые данные прямых результатов развития МТК странами Центральной Азии.

Таблица 4

**Показатели прямых результатов развития МТК в странах
Центральной Азии [Тураева 2015]**

Целевые индикаторы	Единица измерения	Прогноз		
		2017	2018	2019
Увеличение средней скорости движения поездов по транзитным участкам железных дорог:				
– Северный коридор	км/ч	52,87	53,4	53,92
– Южный коридор	км/ч	50,7	51,25	51,74
– Среднеазиатский коридор	км/ч	53,28	53,81	54,33
– TRACECA	км/ч	52,09	52,6	53,12
– Коридор «Север – Юг»	км/ч	52,2	52,7	53,24
Увеличение количества (создание) транспортно-логистических центров	ед.	20	22	24

7. Сегодня на перевозку грузов из Азии в Европу в среднем требуется 35–40 суток, а по железной дороге – 17 [Хатунцев 2015]. В случае создания единого трансъевразийского транспортного коридора данная проблема может быть решена. Таким образом, МТК позволит переориентировать основные морские грузопотоки на железнодорожные и создать в странах Центральной Азии единую систему управления парком грузовых вагонов. При таких условиях прогнозируется, что к 2020 г. доля железнодорожных перевозок между Европой и Азией вырастет до 7–8 % в общем объеме перевозок, а к 2030 г. превысит 10 % [Цветков и др. 2014].

8. Нельзя не отметить ту роль, которую МТК играют в углублении торговых связей с ликвидацией барьеров и ведением свободной торговли, ускорении времени доставки грузов, увеличении денежных потоков, расширении практики применения расчетов в национальных валютах, интенсификации человеческих контактов и содействию в создании нового алгоритма сотрудничества в регионе.

9. МТК открывают широкие возможности для стран Центральной Азии в процессе глобализации и интеграции их экономик для рационализации взаимодействия между различными видами транспорта, базирующегося на логистических принципах и совершенствовании информационного обеспечения.

10. Благодаря МТК оптимизируется транспортный процесс с целью повышения качества перевозок как в региональном, так и в национальном масштабе, а также снижаются транспортные расходы в конечной стоимости товаров.

11. МТК создают благоприятные условия для снижения тарифов на перевозки пассажиров и грузов во внутреннем сообщении с помощью повышения загрузки национальных транспортных систем и лучшего применения имеющихся резервов.

12. МТК содействуют освоению новых территорий и развитию приграничного сотрудничества, позиционированию стран на международных рынках, повышению мобильности населения и улучшению транспортной доступности регионов.

Резюмируя роль МТК в процессе глобализации и интеграции экономик стран Центральной Азии, приходим к следующим выводам.

Активное участие государств Центральной Азии в формировании МТК обусловлено географическим положением региона, попытками максимально использовать транзитный потенциал, стремлением диверсифицировать и укрепить национальные экономики, стимулировать развитие транспортного сектора внутри отдельно взятой страны, желанием получить прямой доступ на мировые рынки и стать хабом, консолидирующим товарные потоки, идущие из Китая в Европу.

Таким образом, формализуя более подробно значение МТК в углублении интеграции экономических систем стран Центральной Азии в региональное и международное пространство, можно отметить, что оно проявляется главным образом в следующем:

- способствовании развитию международного сотрудничества и углублению производственной кооперации стран Центральной Азии;
- создании транспортных логистических центров с соответствующим обустройством и грузоперерабатывающей инфраструктурой на уровне каждой отдельно взятой страны;
- обеспечении транспортной безопасности государств, которая, в свою очередь, является частью системы обеспечения национальной безопасности каждой конкретной страны;
- формировании благоприятных предпосылок для устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности национальных экономик;
- активизации участия стран Центральной Азии в международных экономических и финансовых организациях, росте их экспортного потенциала;
- привлечении и интенсификации использования национальных транспортных коммуникаций в обслуживании международных транзитных потоков;
- улучшении транспортного сообщения внутри страны и развитии сети транспортно-логистических центров и т. д.

В заключение можно отметить, что страны Центральной Азии имеют широкий спектр возможностей и перспектив успешной интеграции своей транспортной инфраструктуры в мировую транспортно-логистическую систему.

Литература

Зойдов К. Х., Медков А. А. Инновационно-инвестиционное развитие транзитной экономики стран Центральной Азии // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 1(51). С. 140–156.

Махмудова Г. Н. Международный опыт модернизации национальной экономики и пути ее использования в странах Центральной Азии // Экономика и предпринимательство. 2016. № 2–1(67–1). С. 406–410.

Солехзода А. А. Вопросы наращивания интеграционного потенциала стран Центральной Азии // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1(92). С. 58–60.

Тураева М. О. Трансформация транспортной инфраструктуры Центральной Азии в контексте китайского интеграционного проекта // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2015. № 2–8(181). С. 6–11.

Хатунцев С. В. Запад и «евразийская квадрига» (Россия, Китай, Индия, Иран) // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 45–52.

Цветков В. А., Зоидов К. Х., Медков А. А. Формирование новой эволюционной концепции увеличения грузовой базы транспортных коридоров «Север – Юг»: современное состояние, геополитические условия и экономические предпосылки // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 9(47). С. 229–246.

Чижков Ю. В. Международные транспортные коридоры – коммуникационный каркас экономики // Транспорт Российской Федерации. 2015. № 5(60). С. 9–15.

Contessi N. P. Central Asia in Asia: Charting Growing Trans-regional Linkages // Journal of Eurasian Studies. 2016. Pp. 3–13.

Implementation and Review of the European Union-Central Asia Strategy: Recommendations for EU Action: In-depth Analysis. Brussels : European Parliament, 2016.

КУЛЬТУРА, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ракитов А. И.*

Ядра высокоразвитых национальных культур обладают высокой устойчивостью в отличие от их защитного пояса, который легче подвергается аккультурации и внешним воздействиям. В наши дни и в зримой перспективе быстротечное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стремительно усиливает аккультурацию и гомогенизацию «слабых» культур под влиянием «сильных». Учитывая нарастающее проникновение ИКТ в образование, науку и другие сферы духовно-культурной деятельности, можно прогнозировать, что в течение ближайших 4–5 десятилетий произойдут существенные изменения различных национальных культур и выравнивание цивилизационных норм и стандартов социально значимой деятельности.

Ключевые слова: ядро культуры, защитный пояс культуры, усиление роли ИКТ, гомогенизация цивилизационных уровней, аккультурация культур.

The nuclei of highly developed national cultures have high stability unlike their protective belt, which is more easily subjected to acculturation and external influences. Nowadays and in the foreseeable future extremely rapid development of ICT increases acculturation and homogeneity of 'weak' cultures under the influence of 'strong' ones. Taking into consideration the increasing penetration of ICT into education, science and other spheres of spiritual and cultural activity, one can predict that in the coming 4–5 decades there will happen important changes in different national cultures and equalization of norms of civilization and standards of socially important activity.

Keywords: nuclear of culture, defense belt of culture, increasing role of ICT, homogeneity of levels of civilization, cultural acculturation.

После Второй мировой войны, в частности, с конца 50-х и первой половины 60-х гг. прошлого века, темпы технологического и общеэкономического развития, особенно в высокоразвитых и быстроразвивающихся странах, стали нарастать с такой скоростью и оказывать столь сильное влияние на все стороны общественной жизни, что прежние концепции общественного развития и претендовавшие на фундаментальность схемы организации и функционирования общества оказались неадекватными по отношению к реальному положению дел.

Поэтому во второй половине XX столетия появилось сразу несколько концепций, пытавшихся адекватно отобразить сущность происходящих изменений

* Ракитов Анатолий Ильич – д. ф. н, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, г. Москва. E-mail: rakit1@yandex.ru.

и дать рациональное представление о перспективах дальнейших глобальных трансформаций. К их числу в первую очередь относятся: теория информационного общества (Т. Умсао, Ф. Махлуп), теория постиндустриального общества (Д. Белл), теория супериндустриального общества (Э. Тоффлер), теория общества знаний (П. Друкер) и др.

Останавливаться сколько-нибудь подробно на содержании, сходстве и различиях этих концепций я считаю излишним, так как они многократно подвергались изложению, обсуждению и критическому анализу. Подчеркну лишь то, что все они, хоть и под разными углами зрения, фиксировали одну и ту же объективную социальную реальность: старый классический промышленный капитализм, главной производительной силой которого, согласно К. Марксу, был рабочий класс, ушел в прошлое, а значительная часть трудозанятого населения оказалась вовлеченной в сферу услуг, управления, образования, здравоохранения и другие области социально значимой деятельности.

Еще в 1992 г., находясь в самолете, летевшем по маршруту Сан-Франциско – Нью-Йорк, я прочитал в газете «USA Today» небольшую заметку, в которой как нечто само собой разумеющееся сообщалось о том, что 80 % трудозанятых американцев работают в различных сферах услуг и системах управления. Так что упомянутые выше теории констатировали не какую-то отдаленную перспективу, а реально совершившийся социально значимый факт.

Теперь, спустя четверть века, можно с уверенностью констатировать, что в стремительную экономическую и технологическую гонку и в процесс глубинных социальных трансформаций вступили почти все страны мира, за исключением небольшой группы государств, сильно отстающих в своем развитии. В связи с этим возникают вполне разумные вопросы: каковы перспективы развития человечества в региональном и глобальном масштабе? Какие культурные и цивилизационные изменения ждут нас в обозримом и более отдаленном будущем?

Термины «культура» и «цивилизация» крайне многозначны [Степин 2011] и употребляются разными исследователями не только в весьма несходных, но зачастую даже в противоположных смыслах, поэтому я считаю необходимым уточнить, в каком смысле и с каким значением будут применяться эти понятия в данной статье.

Мне придется начать с некоторых достаточно хорошо известных и широко распространенных положений. Первое из них в самом общем виде подразумевает, что человек начинает принципиально отличаться от всех других живых существ с того момента, когда он изобретает, начинает изготавливать орудия труда, простейшие из них – каменные зубила, палка-копалка и т. д. – применяются для того, чтобы полнее и эффективнее пользоваться тем, что есть в природе, что существует само по себе и не создано человеком.

Следующая стадия – это использование орудия труда для того, чтобы трансформировать вещество природы, сделать его применение более эффективным. И наконец, использование орудия труда, чтобы создавать то, что не существует в природе само по себе: это является, так сказать, эксклюзивным результатом деятельности человека. При этом следует подчеркнуть, что трудовая деятельность как таковая есть деятельность общественная, осуществляемая, как правило, в обществе, в его отдельных системах или подсистемах.

И хотя мы знаем огромное количество примеров индивидуальной трудовой деятельности, увлекаться «робинзонадой» не следует, так как любой «Робинзон» не только в современной, но и в уже давно минувших общественных системах может осуществлять свою трудовую деятельность лишь на основе использования средств производства, созданных трудом тех или иных сообществ, групп, коллективов или индивидуальных производителей, опирающихся на предшествующий коллективный производственный опыт в диахронном и синхронном разрезах.

Здесь мы как раз подходим к возможности обнаружить, что трудовая и любая базирующаяся на ней общественно значимая деятельность включает в себя два взаимосвязанных момента. Первый из них заключается в том, что такая деятельность содержит в себе некие специфические черты, отличающие ее от других видов аналогичной активности, осуществляемой иными коллективами в иных обстоятельствах. Второй состоит в наличии некоторых черт, свойств и деталей, общих для этого вида деятельности, выполняемого данным коллективом с более или менее сходными видами поведения, реализуемыми аналогичными коллективами. Оба рассматриваемых момента являются конкретными проявлениями пары известных диалектических категорий – общего и особенного.

Говоря о наличии этих двух моментов, нужно подчеркнуть, что они имеют смысл лишь во взаимодействии, взаимосвязи и одновременно в некотором противостоянии, которое может на протяжении длительного времени не проявляться в явной форме. Здесь нужно подчеркнуть, что хотя практически все формы общественной жизни в конечном счете так или иначе определяются формой и содержанием общественно полезной деятельности, прежде всего трудовой, простая редукция бесконечно многообразных форм реализации общественной жизни к трудовой деятельности была бы грубой ошибкой, тем не менее нужно учесть, что в каждом сколько-нибудь значительном социуме разнообразные виды, формы и способы жизнедеятельности обладают своей спецификой, образуют некоторую целостность, систему стандартов и норм поведения, набор значимых в пределах каждой группы ценностей, некие комплексы устоявшихся правил общения и т. д.

Всю совокупность этих специфических проявлений жизнедеятельности, характерных именно для данной социальной общности, я называю культурой. В действительности в рамках одной, скажем, национальной культуры на определенном историческом этапе развития существуют некоторые множества субкультур: культура застольной беседы, культура проведения досуга, культура поведения на работе, культура ритуальной деятельности, культура интимного общения, культура семейного поведения, повседневного быта, культура строительства зданий, культура приготовления пищи и т. д. Существует особая форма интеллектуальной культуры, например, в живописи, литературе, системе развлечений, в культуре различных видов творчества и т. д. Наиболее крупным блоком, объединяющим все «частные» культуры, является национальная культура, например, китайская, русская, американская и т. д.

Теперь остановимся на втором из упоминавшихся выше положений, которое хорошо охватывается философской категорией «общее». Это общее довольно четко просматривается, особенно в крупных современных социальных образованиях. Его можно обнаружить и на уровне технологической организации, промышленных предприятий, и на уровне общеэкономических и политических институтов, реализующих важнейшие социально-экономические и политические

функции. Достаточно просто указать, например, на то, что основные операции и процедуры, осуществляемые целиком автоматизированными сборочными линиями на крупных промышленных предприятиях в разных странах, совершенно идентичны.

Точно так же такие политические и правовые институты, как парламенты во Франции, России, Англии, США, Австралии и других демократических странах, несмотря на некоторую специфику и своеобразие исторических традиций, по своим политическим и правовым функциям в общем и целом идентичны. Наконец, стоит упомянуть, что в функциональном отношении идентичны по существу выполняемой деятельности банковские и биржевые системы развитых и развивающихся стран.

Совокупность схожих, во многом полностью идентичных норм, стандартов и механизмов функционирования различных групповых структур, особенно в больших социальных совокупностях, я рассматриваю как цивилизацию. Данная категория существенна для понимания того, что отличающиеся в культурном отношении социальные группы и сообщества могут находиться на одной и той же цивилизационной ступени, относиться к одному и тому же социальному кластеру. Так, несмотря на несходные (часто весьма значительные) культурные различия, такие страны, как Россия, Япония, США, Нидерланды, Германия, Финляндия и др., находясь на одной цивилизационной стадии, являются цивилизованными государствами в современном смысле этого слова.

Теперь важно обратить внимание на то, что между различными цивилизациями и культурами существуют, реализуются и видоизменяются разнообразные отношения, возникают и исчезают несходные, часто амбивалентные процессы, приводящие к модификациям культур и цивилизаций, а иногда и к их полному исчезновению. Последний процесс часто происходит в результате исторически обусловленных социально-экономических и прямых военных столкновений. Одним из таких процессов является аккультурация, которая особенно заметна в современных условиях.

Аккультурация представляет собой довольно сложный процесс проникновения одних культур, культурных ценностей, эстетических, моральных, бытовых норм и видов деятельности в другие культуры. При этом определенные, более развитые и, так сказать, более «сильные» культуры могут довольно значительно трансформировать и видоизменять культуры, в каких-то определенных отношениях более «слабые».

Примером такой аккультурации может служить проникновение эстетических, мифологических и художественно-литературных стандартов, характерных для античной Греции, в систему древнеримской культуры. Для подтверждения сказанного сошлюсь хотя бы на то, что пантеон римских богов был в значительной степени «цельнотянутым» подобием аттических олимпийцев.

Существуют, однако, и достаточно сильные консервативные культуры, которые на протяжении многих столетий и даже тысячелетий обладают высоким культурным иммунитетом, противодействующим аккультурации и проникновению в недра данной культуры стандартов, ценностей, норм, мифов, предрассудков и правил бытовой и социальной деятельности иных культур. Иллюстрациями

таких малопроницаемых культурных систем могут служить культуры Древнего и средневекового Китая, Древнего Египта или государств Древнего Двуречья.

Однако в наши дни, в эпоху грандиозного и стремительного всеохватывающего развития и распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), процессы аккультурации приобретают особый размах. При этом в глобальном масштабе они имеют определенно одностороннюю направленность.

США, будучи экономической сверхдержавой, одновременно являются и мощным генератором культурных продуктов, стандартов ценностных ориентаций, норм и правил культурной деятельности. Такие культурно-генеративные площадки, как Голливуд, корпорации Amazon, Google и Facebook, осуществляют информационную деятельность, включая распространение продуктов культуры и культурных услуг во всех странах мира.

При этом важно подчеркнуть, что американизация культур многих, особенно малоразвитых, стран вовсе не носит дегенерирующего разрушительного характера. Просто в развитии мировой культуры наступил этап, когда культурное функционирование даже таких крупных социальных сообществ, как нация, и таких институтов, как государство, начинает развиваться в направлении выравнивания и унификации культурных и цивилизационных стандартов, норм, правил и ценностей. Это, однако, нисколько не умаляет значимости локальных, региональных и общенациональных культур, довольно прочно сохраняющих свои специфические национальные черты, стандарты, нормы и ценности.

В связи со сказанным важно понять, что культурный и цивилизационный иммунитет сохраняет целостность и самоидентичность больших социальных систем, таких, например, как государство, не делая их абсолютно гомогенными. Современные большие социальные системы насыщены сложными быстро меняющимися процессами и отношениями между различными социальными подсистемами. Это объясняется тем, что современные, особенно высокоразвитые и быстроразвивающиеся, общества являются полиэлитарными.

Классики элитологии В. Парето и Ч. Миллс определяли элиты как особые социальные группы или слои, члены которых имеют максимальный вес в сфере своей деятельности, обладают внушительным богатством, располагают значительными связями и используют их для реализации своего влияния на протекание различных социально значимых процессов, на функционирование разнообразных общественных подсистем.

В таких великих устойчивых культурах и цивилизациях древности, как Древний Египет, существовало моноэлитарное общество, элита состояла из приближенных фараона и высших храмовых жрецов, крупных военачальников. Стабильность этого общества, почти не подвергавшегося сколько-нибудь заметным социально-экономическим изменениям на протяжении многих столетий, гарантировала стабильность элит, отсутствие какого-либо противодействия им со стороны народных низов, обеспечивала монотонную преемственность власти.

В современных обществах одновременно сосуществуют некоторые множества элит. Достаточно внимательно присмотреться к любой современной сложной государственной системе, чтобы увидеть в корпусе охватываемых ею социальных отношений целый ряд элит. К ним, например, относятся: финансовые, политические, военные элиты, элитные работники организаций науки и образо-

вания, элитные представители в сфере промышленности, информационных технологий и т. д.

Предлагаемая мною концепция полиэлитарности современного общества достаточно полно соответствует экономической, политической и культурной реальности и в значительной мере позволяет объяснить происходящие в ней изменения и механизмы социальной адаптации к этим изменениям.

Между элитами в современных обществах, являющихся лидерами научно-технического развития, существуют как совпадения, так и конфликты интересов. Политические элиты, формирующие систему законодательной и политической власти каждого государства, заинтересованы в увеличении финансовых поступлений в государственный бюджет, в том числе за счет повышения налогообложения хозяйствующих субъектов и иных получателей доходов.

В то же время элиты, формирующиеся в коммерческом секторе, развивающем, насыщающем и эксплуатирующем рыночные отношения, заинтересованы в снижении налогового бремени и других форм централизованного и регионального изъятия дополнительных средств из их доходов. И здесь противостоящим друг другу элитарным группам приходится искать разумный сбалансированный компромисс, так как, к примеру, избыточное увеличение налогового бремени может привести к снижению темпов экономического развития данного государства и тем самым нанести ущерб, в том числе и господствующим политическим элитам.

Полиэлитарная модель современных развитых и быстроразвивающихся стран демонстрирует возможности для создания условий, благоприятствующих современным глобальным трансформациям, однако они вовсе не всегда решают стоящие перед человечеством проблемы. Эти проблемы связаны с действием двух мощных факторов: 1) быстрый и постоянно ускоряющийся рост населения планеты; 2) непрерывно нарастающее научно-техническое развитие общества.

В 1900 г. население Земли составляло 1,5 млрд человек, в 2000 г. оно учетверилось и было равно 6 млрд, в 2011 г. оно составляло 7 млрд, а по существующим прогнозам в 2083 г. будет равняться 10 млрд [Уотсон 2014: 36]. При этом увеличение численности населения сопровождается и увеличением неблагополучия значительной части жителей Земли. Около 800 млн человек по всему миру продолжают жить в условиях крайней нищеты и страдать от голода. Более 160 млн детей в возрасте до пяти лет имеют недостаточный для своего возраста рост по причине недоедания. 57 млн детей младшего школьного возраста не имеют возможности посещать школу. В настоящее время каждый девятый ребенок в мире живет в зоне вооруженного конфликта [Иларион... 2017]. Из этого следует, что достижение культурных элит и стандарта благополучной цивилизованной жизни, реализуемое в развитых странах, недоступно определенной части современного человечества. Высокие идеалы свободы самосовершенствования личности и творчества, провозглашавшиеся множеством утопистов и прожектеров различного рода, неосуществимы в современных условиях и, увы, в обозримом будущем. Очевидно, что человечеству необходимо нащупать и осуществить механизмы регулирования и сдерживания роста населения. При этом речь не может идти ни о каких принудительных мерах, предлагавшихся некоторыми неомальтузианцами.

«Обрыв» кривой стремительного роста народонаселения возможен лишь на основе повышения общекультурного и особенно образовательного уровня его

неэлитарных слоев. С учетом изложенного на первый план выдвигаются механизмы современного (в том числе и дистанционного) образования, делающие его дешевым, качественным и доступным практически для всех. Здесь с полной отчетливостью должна проявиться роль науки, лежащей в основе наиболее современных форм и методов массового образования, адекватного проблемам нашего времени.

Другим мощным фактором, способным в известной степени уменьшить и нивелировать противоречия и контрасты современных глобальных трансформаций, является научно-техническое развитие. Его в первую очередь связывают (и это совершенно справедливо) с возникновением, стремительным распространением и глубоким внедрением во все сферы общественной жизни новейших электронных информационно-коммуникационных технологий.

ИКТ, выполняющие функцию передачи и хранения знаний и информации, существовали и развивались в человеческом обществе с момента его возникновения. Носителями и инструментами передачи информации и знаний на протяжении сотен тысяч лет были сами люди – члены семьи, общины, племени. Многие столетия носителями и распространителями информации во внутригосударственной и межгосударственной жизни были купцы, мореплаватели и путешественники.

Однако настоящая, глубокая и широкая технологизация хранения и передачи знаний и информации началась лишь в Новое время с развитием индустриального общества. Старые инструменты и приспособления для передачи и хранения информации были либо недолговечны, либо громоздки, либо имели ограниченный радиус действия. Радикальный перелом в процессе распространения и хранения информации наступил после изобретения в XV в. книгопечатания.

В конце XVIII – первой половине XIX в. предпринимались многочисленные попытки создания технологизированных систем связи, однако все они были малоэффективны и весьма ненадежны в эксплуатации. Первые же действительно надежные системы передачи информации и знаний были созданы во второй половине и особенно в конце XIX в., когда были изобретены электрический телеграф и телефон, позволявшие быстро и достаточно надежно устанавливать связи и передавать более или менее значительные порции информации знаний не только в масштабах больших городов и целых стран, но даже в международных масштабах; это был, по существу, первый этап формирования подступов к современным ИКТ.

Второй этап охватывает начало и первую половину XX в., когда к телеграфной и телефонной связи добавились радио и телевидение, обеспечившие передачу речи, музыки и визуальных изображений.

Началом третьего этапа надо считать изобретение современных ЭВМ, персональных компьютеров (ПК) и создание сетей, устанавливающих связь между компьютерами, разнесенными на более или менее значительное расстояние. В середине второй половины XX в. возникает глобальная сеть передачи, накопления, хранения и обработки информации с помощью компьютеров. В наши дни эта сеть охватывает все страны мира. Ее стандартное название «Интернет» совсем недавно было известно каждому взрослому человеку, в настоящее же время этой сетью пользуются и дети начиная с дошкольного возраста. Благодаря Интернету и другим упоминавшимся выше системам в наши дни возникло то, что М. Кастельс назвал «сетевым обществом» [Кастельс 2000].

Сегодня практически любая информация, не составляющая государственной, корпоративной, коммерческой, научной или личной тайны, может оказаться в распоряжении каждого, кто имеет доступ к компьютеру или средству мобильной связи в любой части мира и в любое время суток. Все это делает современное общество крайне динамичным. Стремительная пролиферация информации и знаний самого разнообразного вида и содержания радикально повышает культурный уровень всех слоев населения. Вместе с тем общая эйфория по поводу доступности информации и знаний не имеет серьезных оснований, так как в сетевом обществе продолжает существовать и даже усиливается жесткая социальная стратификация, в конечном счете определяемая имущественным положением каждого индивида и наличием возможности получать высокую качественную профессиональную подготовку в элитных учебных заведениях среднего и высшего уровня, необходимую для выполнения тех или иных элитных видов деятельности, предполагающих высокую оплату труда и престижное положение в обществе.

В настоящее время все более отчетливо прорисовываются черты нового, четвертого этапа информатизации общества и внедрения ИКТ во все сферы экономики, общественной жизни, культуры и общественного сознания в целом. Этот этап было бы правильно назвать этапом торжества искусственного интеллекта, автоматизации, роботизации всех сторон общественной жизни. Собственно говоря, предчувствия наступления эпохи роботов и автоматов относятся еще к первой четверти XX в. Сначала они проявились в художественной литературе в сочинениях жанра научной фантастики. Примером такого рода произведения может служить роман Г. Майринка «Голем», на основе которого недавно был написан сценарий и поставлен одноименный кинофильм.

Что касается серьезных научных социально-философских и социально-экономических публикаций, то в значительной своей части они варьируются в довольно широком диапазоне оценок социокультурных и цивилизационных (как позитивных, так и негативных) последствий этого этапа развития ИКТ. К числу позитивных последствий автоматизации и роботизации относят, как правило, освобождение человека от тяжелого физического труда и монотонного нетворческого труда большинства офисных работников.

Вместе с тем в научной и околонуучной литературе по проблемам роботизации и автоматизации сильны и алармистские мотивы. К их числу относятся, во-первых, опасения, что огромное число работающих в промышленности, торговле, строительстве, системе ремонтных предприятий окажутся безработными, так как все их рабочие функции смогут с успехом выполнять роботы, не знающие усталости, не требующие пищи и выходных дней, не ведающие болезней и не предъявляющие никаких требований к владельцам и менеджерам соответствующих организаций и предприятий. Во-вторых, по мнению многих авторов, наиболее опасным следствием автоматизации и роботизации человеческих функций может стать создание таких форм искусственного интеллекта, как УЧИ (универсальный человекоподобный интеллект) и ИСИ (искусственный суперинтеллект) [Ракитов 2016], которые, возможно, создадут сильную конкуренцию не столько синим воротничкам, сколько белым – интеллектуальным, культурным, менеджеральным и политическим элитам общества. Стараясь приуменьшить опасности подобного рода, некоторые исследователи утверждают: автоматизация и роботизация в сфере офисного труда и интеллектуальной деятельности в целом не так уж и велика.

Освобожденные от тяжелой офисной деятельности работники умственного труда смогут больше времени и сил уделять свободному творчеству, потреблению и продуцированию культурных ценностей, но слабость подобных аргументов обнаруживается сразу, лишь только мы начинаем понимать, что далеко не все люди способны к творчеству, к продуцированию культурных норм, форм и ценностей. Для того чтобы чувствовать себя полноценным членом общества, каждому нормальному здоровому человеку нужно иметь свой участок, свою порцию общественно полезной деятельности. В этой связи заслуживает внимания позиция Кевина Келли, в своем популярном исследовании «Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее» выдвигающего и обосновывающего тезис, согласно которому роботизация и автоматизация основных видов производственной и офисной деятельности приведет к возникновению целого ряда новых профессий, возможно, неожиданных форм общественной и культурной деятельности.

Сейчас трудно адекватно оценить все последствия четвертого этапа развития ИКТ, но несомненно, что правильная оценка всего спектра позитивных и негативных последствий роботизации и автоматизации дает повод для расширения диапазона социально-философских, культурологических и прогностических исследований.

Наконец, я считаю важным обратить внимание читателей на сложную структуру каждой (особенно современной) культуры.

Всякая развитая культура состоит по крайней мере из двух образующих подсистем – ядра культуры и защитного пояса. В ядро культуры входят те специфические для данного народа и данной нации процессы, события и явления, которые отличают данную культуру от других. К числу наиболее значимых градиентов ядра культуры относятся: язык, фундаментальные эстетические и этические ценности, монументальные сооружения и памятники, основные правила и нормы поведения в обществе, устойчивые стандарты семейного и бытового поведения, типичные (если эта типичность есть) формы изобразительного искусства, музыкального творчества и т. п. Ядро культуры данного социума обычно сохраняет самоидентичность на протяжении многих столетий, а иногда и тысячелетий.

Защитный пояс культуры часто подвергается достаточно значительной модернизации на протяжении не столь уж продолжительных интервалов исторического времени. При этом данный пояс в какой-то мере препятствует проникновению инородных норм и стандартов в ядро своей культуры, тормозит его. В этом проявляется его защитная функция. Для пояснения сошлюсь на виды и формы одежды: так, например, российское дворянство в послепетровской России одевалось в соответствии с западноевропейскими, в основном французскими, модами. Однако одежда подавляющего большинства сельского населения и в значительной части городского мещанства серьезным изменениям либо не подвергалась, либо эти изменения происходили достаточно медленно.

Нуклеарная модель культуры позволяет понять, что пролиферация инокультурных явлений и процессов обычно тормозится в защитном поясе, подвергая его более или менее существенной модернизации. Однако устойчивость и самоидентичность ядра культуры сами по себе довольно условны и зависят от общей стабильности или дестабилизации в экономическом базисе и культурно-цивилизационной надстройке общества.

О. Шпенглер в своем знаменитом труде «Закат Европы» (1918 г.) утверждал, что культура и цивилизация не только отличны, но по самой природе своей противоположны. Культура реализует в себе историческую судьбу, душу народа, его историческое становление. Когда культура исчерпывает свой духовный потенциал и все заложенные в ней потенции оказываются реализованными и самоисчерпанными, культура превращается в цивилизацию. И народ, на протяжении многих веков бывший носителем этой культуры, постепенно исчезает с авансены истории. Шпенглер считал, что Европа первой половины XX в. находится на грани заката, на грани культурного коллапса. Я не считаю уместным обсуждать в этой статье культурно-историческую концепцию Шпенглера, но крайне важно отметить, что такой «закат» многих европейских, да и не только европейских, культур, возможно, произойдет к концу XXI в. благодаря стремительному прорыву ИКТ, автоматизации и робототехники во все сферы экономической, общественно-политической и культурно-цивилизационной деятельности, по крайней мере в наиболее развитых современных обществах.

В отличие от О. Шпенглера, искавшего в великих культурно-цивилизационных революциях прошлого некоторые аналоги изменениям, происходившим в Европе в начале XX в., я полагаю, что глобальные цивилизационно-культурные трансформации, ждущие человечество в интервале от середины до конца XXI в., не имеют сколько-нибудь полных аналогов в прошлом. Для подтверждения этой мысли я сошлюсь хотя бы на принципиально новые возможности, которые открываются перед человечеством благодаря постепенному, но довольно быстрому распространению онлайн-образования всех уровней.

Онлайн-образование дошкольников и младших школьников очень скоро сделает все население Земли, включая подрастающее поколение, грамотным, умеющим читать, писать, считать и составлять деловые документы. Если учесть также, что онлайн-преподавание уже практикуется высшими учебными заведениями многих стран, то доступность, в том числе лучших университетских курсов, станет всеобщей по крайней мере к середине 40-х гг. нашего века. По официальным данным, в Москве, столице Российской Федерации, уже сейчас 45 % населения имеют высшее образование. Достаточно представить себе, что такие мощные экономические державы, как США, Россия, страны Евросоюза, Япония и Китай, будут иметь население, половина которого получит современное высшее образование, чтобы понять неизбежность и, если угодно, необходимость изменения многих культурных норм, стандартов и ценностей. Одновременно с этим должны начаться изменения и в цивилизационных стандартах, что приведет к нивелировке, выравниванию некоторых социально-политических трендов, возможности свободного бесконтрольного пересечения границ большинства государств, преодолению защитных поясов различных культур, радикальному изменению миграционного законодательства, выравниванию и стандартизации правовых и политических норм и стандартов деятельности в самых разных странах.

ИКТ-революция стимулирует крупные радикальные качественные изменения в других технологиях, в экономическом базисе общества в целом, а следовательно, и в образе жизни населения различных стран, которые эта революция будет охватывать все шире и шире. На наших глазах возникают принципиально новая цифровая экономика, цифровое государство, оцифрованное общество. Поэтому

сейчас трудно прогнозировать, когда и какие именно качественные культурно-цивилизационные изменения произойдут в процессе глобальных трансформаций. Но с высокой степенью вероятности можно считать, что во второй половине XXI в. они станут реальностью.

Литература

Иларион, митрополит Волоколамский (Алфеев Г. В.). Православный взгляд на современные проблемы человечества в XXI веке // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 12–14.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Ракитов А. И. Постинформационное общество // Философские науки. 2016. № 12. С. 7–19.

Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011.

Уотсон Р. Будущее. 50 идей, о которых нужно знать. М. : Фантом Пресс, 2014.

Н. Н. МОИСЕЕВ: СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ

Глушенкова Е. И.*

В статье рассмотрены социально-философские и политические идеи русского космиста, теоретика ноосферы академика Н. Н. Моисеева (1917–2000) в контексте теоретического наследия западных и отечественных политических мыслителей. Показана связь политических интуиций ученого с его философскими разработками. Уделяется внимание своеобразной экополитологии Н. Н. Моисеева, его цивилизационному анализу. В работе пристальному изучению подвергается интерпретация им темы политического самоопределения и самоидентификации России в контексте экологического кризиса и процессов глобализации.

Ключевые слова: русский космизм, ноосфера, коэволюция, универсальный эволюционизм, бифуркация, устойчивое развитие, автотрофность, русская цивилизация, вызов, ответ, матрица цивилизации, пространство цивилизации, среда цивилизации, технотронная цивилизация, экологический социализм.

The article considers socio-philosophical and political ideas of Russian cosmist and noosphere theoretician N. N. Moiseyev (1917–2000) in the context of theoretical heritage of the Western and Russian political thinkers. The political concept of Moiseyev is analyzed with his main philosophical findings, the conceptual framework of his environmental politics and civilization discourse. The question of Moiseyev's interpretation of self-identification of Russia in globalization and environmental crisis is also highlighted.

Keywords: Russian cosmism, noosphere, coevolution, universal evolutionism, bifurcation, sustainable development, autotrophy, Russian civilization, challenge, response, civilization matrix, civilizational space, environment of civilization, technotronic civilization, ecological socialism.

Выдающийся российский математик Никита Николаевич Моисеев (1917–2000), имя которого ассоциируется у нас с теорией «ядерной зимы», был также своеобразным философом природы, социальным и политическим мыслителем. Философские взгляды Моисеева относят к наследию русских космистов и теоретиков ноосферы. Ученый проявил себя как социальный и политический мыслитель, когда главные его философские работы уже были написаны. В последние годы жизни он стал автором ряда политических, эколого-политических, геополитических и цивилизационных разработок и идей. Его политические интуиции, которые весьма многообразны, теснейшим образом связаны с его философией природы.

* Глушенкова Елена Ивановна – к. п. н., старший научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН. E-mail: lenchen007@rambler.ru.

Академик Н. Н. Моисеев разделял все главные идеи теоретиков ноосферы и космистов. При этом, скорее всего, можно считать его принадлежащим к естественно-научному направлению русского космизма. Ученый мыслил в категориях единства Вселенной с заключенным в нее Человечеством. Вселенной, которая есть бесконечно сложный взаимосвязанный организм. Человечеством, которое есть ее подсистема, наделенная Разумом. Разумом, который есть космическое явление, он создан для постижения человеком себя. Человек рассматривается здесь в единстве всех живущих на Земле, как человечество, наделенное Разумом. В центре внимания ученого – космическое предназначение человека, космического делателя, со временем начинающего воздействовать на природную среду на качественно ином уровне, уже не участника, а источника мировых перемен. Важно подчеркнуть: Моисеев мыслил в категориях самоорганизующейся и не контролируемой Разумом Вселенной. «Разум не способен сделать мировой процесс управляемым» [Моисеев 1999а: 271]. Вселенная, единый самоорганизующийся организм, описывается его концепцией универсального эволюционизма.

Моисеев – антропоцентрист, но во вполне определенном смысле этого слова. Как русский космист он ни в коем случае не противостоит тем, кто «на стороне природы», выступает в интересах «всего живого», но и не сливается своими взглядами с западным эко-, биоцентризмом или технопессимизмом. Технопессимизм так же, как и технооптимизм (техноцентризм), в равной степени парадигмально несовместим с русским космизмом, несовместим с точки зрения картины мира. В философии Запада бросаются в глаза две крайности: либо полный отказ от защиты интересов человека (человек лишь один из видов живого), либо крайний антропоцентризм, когда имеет место как бы постановка человека в центр мироустройства (на поверку оборачивающаяся защитой гедонизма и борьбой за ценности общества потребления). Тогда экологический кризис превращается в соревнование, кто кого уничтожит – среда систему или система среду. Человека искусственно вырывают из природы и противопоставляют ей. Для космизма природа и человек, Вселенная и общество едины. Вселенная – целое, Человечество – его часть. Часть не контролирует целое, иначе – самоликвидация Системы. Для космизма противоречие между «всем живым», миром и Человечеством мнимое, оно снимается. (Но это не значит, что снимается противоречие между миром природы и миром политики и бизнеса, который ныне сам себя уполномочил выступать от имени людей¹.)

Космизм из двух – природы и человека – выбирает человека, а значит, и природу, и наоборот. Моисеев в этом смысле антропоцентрист и экоцентрист одновременно. При этом выше всего он ставил антропный принцип, который интерпретировал таким образом, что в существовании мира и человека можно постулировать некий высший смысл. Моисеев «признает особую роль во Вселенной человека, как существа, обладающего разумом и волей, жизнь которого имеет смысл и предназначение, а не является пустой игрой стихийных сил природы». [Режабек 2008: 167]. С учетом этого Моисееву был также присущ повышенный

¹ И от имени природы, конечно. Прикрываясь защитой ее «интереса», политики из числа господствующих классов диктуют, что нам нужно делать в эру экологического кризиса: ради бактерий и насекомых, трав и деревьев нужно сокращать добычу ресурсов, меньше потреблять из экосистем, снизить численность живущих на планете людей. И делать это ради природы, а не сохранения нынешней модели производства материальных благ! Каким образом они узнали, чего именно хочет природа, – вопрос риторический.

интерес к теме человеческого бессмертия. Верно, что ученый смотрел на мир и экологический кризис всецело с позиций человека, но это позволяло ему также действовать и в интересах природы. Последнее есть содержание эволюции Разума ко все большей власти духа над материей.

Итак, экологический кризис не есть борьба природы (среды) с обществом-системой, это явление, которое связано с кризисом нынешней модели адаптации Человечества к окружающей среде. Источник кризиса – не вне системы, а внутри нее, в человеческом сообществе, как и средство его преодоления. И в концепции sustainability (sustainable development – устойчивого развития, УР) Моисееву более всего импонировало то, что в ее рамках Разум Человечества, Коллективный Разум, учится управлять сам собой и именно так преодолевает кризис². Здесь, в этом процессе, заложен смысл формирования ноосферы. Ноосферу можно описать как мыслящую среду, мыслящее сообщество (например, в пространстве Сети). Этот процесс идет объективно, формируемый в мировом пространстве силами мыслящей субстанции ноосферы, общепланетарным Коллективным Разумом³. Становление Коллективного Разума, ноосферогенез, как, следовательно, и собственно движение к УР, есть естественный, стихийный, а не организованный некими общественными силами процесс.

Любопытно отметить, что именно в Моисееве-философе нашел для самого себя и своего становления как мыслителя известный отечественный философ истории и социоприродных отношений Эдуард Сальманович Кульпин (1939–2015), разработчик концепции социоестественной истории (СЕИ). Во-первых, он выделял эволюционную теорию (универсальный эволюционизм) Моисеева, применив ее в анализе исторических процессов [Кульпин 2008].

Биосфера непрерывно меняется в условиях неопределенности, при этом она имеет тенденцию к росту самоорганизации, идущей через ноосферогенез. Самоорганизация Вселенной, которая есть разворачивание единого мирового эволюционного процесса развития «Суперсистемы Вселенная», обладает всеобщей взаимозависимостью, противостоит энтропии, развивается по законам эволюции с чередованием этапов порядка и хаоса, рождения новых систем и распада старых. Мир является нам в единстве. Человек – внутри системы, именно поэтому его усилием возможно преодолеть экологический кризис. Какого рода усилием? «Суперсистема Вселенная», вооружившись Коллективным Разумом, со временем становится способна не только познавать саму себя, но и направлять свое развитие так, чтобы компенсировать любые возможные дестабилизирующие факторы. Определяющее воздействие Коллективного Разума на природу – не насилующее и не уничтожающее, а усиливающее внутренние связи и рост взаимозависимости.

² «Устойчивое развитие» (УР) как перевод sustainability Моисеев считал лишенным смысла. Термин «sustainability» (развитие) он обоснованно предлагал переводить как «допустимость» <развития>, в смысле согласованности развития <человеческой> популяции с работой ее экологической ниши как целостной системы. УР для него служил способом оценки допустимого развития, которое будет неспособно повлечь необратимые изменения условий природного обитания человека. Так как он видел истоки экологического кризиса в активности внутри социальной системы, активности, имманентной общественной организации, (человек такой же биологический вид, как и другие, но ставший ныне основной геологообразующей силой), УР у него – развитие не стабильное, а сбалансированное, с наличием баланса в экосистеме/экологической нише (когда источник баланса не вне системы, а внутри нее, обеспечивается внутренними факторами).

³ Коллективный Интеллект для ученого есть системное свойство совокупности индивидов, индивидуальных разумов людей, обмениваться информацией, формировать некое общее миропонимание, коллективную память, совместно вырабатывать коллективные решения [Моисеев 1999а].

Во-вторых, Э. С. Кульпина привлекла у Моисеева идея бифуркации, интерпретируемая в смысле теории катастрофы целого с сохранением частей, и дезорганизации (идушей путем бифуркации) как движущей силы развития системы. Кульпину близко представление академика о движении социальной формы материи как череды распадов на пути к воссозданию себя в новом виде, что на самом деле есть процесс все улучшающейся адаптации к среде. Коллективный Разум благодаря последовательности бифуркаций, создающих вокруг человека все время новую разнообразную окружающую среду, к которой он вынужден приспосабливаться, постоянно совершенствуется, достигает все новых высот. Бифуркации интерпретированы им и как отсутствие предопределенности. Подчеркивается роль случайности: из возможных виртуальных состояний зарождается некое множество допустимых бифуркационных состояний. Даже в отсутствие стохастических факторов возможен переход материального субъекта во множество новых состояний, когда дальнейшее развитие оказывается в принципе непредсказуемым и его русло определяется неконтролируемыми случайными факторами. Развитие Универсума идет как бы «по лезвию бритвы». В этих условиях чем сложнее система, тем выше опасность ее разрушения [Моисеев 1991; 1993; 2002]. Идея бифуркации интерпретируется в социальном измерении как гигантская роль личности, а также человеческого фактора в истории.

Третье, на что Э. С. Кульпин, быть может, единственный обратил внимание – это мало кем понятая идея со-жизни Никиты Николаевича: самоорганизующаяся система проходит стадию катастрофы, но неизменно части ранее целого вскоре собираются вновь, чтобы породить новый, более адаптированный и приспособленный к жизни социальный организм [Кульпин 2008]. Это можно проиллюстрировать его концепцией экологического кризиса. Пока сохраняется баланс между биологическим видом и окружающей средой его существования, поддерживается устойчивое неравновесие. Как только вид по любым причинам оказывается монополистом в своей экологической нише, он нарушает ее sustainability. Тогда вид всегда быстро исчерпывает ресурсы своей экологической ниши, ему недостает ресурсов для жизнедеятельности, развитие вида прекращается, численность его резко снижается (так называемая модель В. Вольтерра). Вид пытается перестроиться, и это ему не удается вследствие его ситуации монополиста. Начинается деградация вида. Но как только вид утрачивает свое монопольное положение в нише, он стихийным образом обретает новое положение или (чаще) новую экологическую нишу, к которой его адаптация в новых условиях теперь уже оказывается возможна, и развитие вида продолжается. Идея со-жизни дает понимание того, что гибель данной системы (например, в обществе – государства) не есть гибель вида (скажем, народа), а есть закономерный этап его успешного выживания во времени, идущего через смену моделей адаптации. Смело жертвовать моделью, чтобы сохранить вид, – вот, думается, смысл идеи со-жизни Моисеева.

Интересно, что Э. С. Кульпин так же, как и Н. Н. Моисеев, не рассматривал общество и природу как две различные ипостаси бытия. Это части единого целого. Природа для Кульпина не просто фактор развития, она движущая его сила. Оба исследователя разделяли общие идеи космизма о единстве Вселенной, но Моисеев подчеркивал роль Разума, а Кульпин – фактор активности природы, среды. Однако для обоих неправомерна сама постановка вопроса о них в категориях и русле «системной исключительности»: «или – или», «или система, или среда»

(термин О. Н. Яницкого). Именно логика «системной исключительности», по Моисееву, есть идеология, вновь и вновь «запускающая» экологический кризис, который преодолевается началом коэволюции между обществом и природой. Коэволюция – соразвитие обеих систем, теперь впервые возможное из-за нового качества Коллективного Разума, познающего самого себя. К сожалению, идеи академика Моисеева уловили не все. В. И. Данилов-Данильян понял его так, что сравнивал отношения в системе «общество – природа» с отношениями между автомобилистом и автомобилем [Данилов-Данильян 1998]. Коэволюция между водителем и машиной для нашего министра экологической отрасли, при нем и ликвидированной, невозможна. Верно: если человек управляет природой как водитель транспортным средством, если природа – орудие и инструмент, как тогда возможна коэволюция? Никак. Только, по Моисееву, состояние кризиса переживает ныне единая социоприродная система (где человек внутри, но не как водитель в машине!), развивающаяся во времени через полосу кризисов ко все более высокому уровню самоорганизации. О ней нельзя сказать, что ее «темпы развития» не коррелируют, а, скажем, опережают темпы «саморазвития природы», и для решения этой проблемы общество должно взять «ресурсы Земли», «вписать их в производственный процесс» и «обеспечить преодоление конечности бытия биосферы» [Олейников, Борзова 2016: 127, 128].

Водитель контролирует свою машину, если она исправна. А может ли человечество контролировать свою среду обитания? Не просто не может. Человек в равной степени не контролирует последствия своей деятельности и не способен точно предсказать развитие биосферы во времени. «Биосфера меняется, в ней властвует случайность, и предсказать на более или менее длительный период ее развитие невозможно» [Моисеев 2000а: 79]. Собственно, суть принципа предосторожности в УР и заключается в том, чтобы прогнозировать состояние среды, но с учетом ограниченности наших знаний. «На нынешнем историческом этапе человечество должно научиться предвидеть надвигающиеся кризисы и за счет изменения своего образа жизни, своих потребностей и характера активной деятельности создавать новую экологическую нишу, что в нынешних условиях означает смену самого канала эволюционного развития. <...> Термин *sustainable development* я понимаю как постепенное формирование новой ниши и образа жизни, гарантирующего *sustainability* новой ниши» [Его же 1999б: 195]. Непосредственно в наших силах: а) отчасти понять, каково состояние среды; б) на основе имеющихся знаний организовать систему воздействий на природные и общественные процессы, чтобы по возможности предотвращать надвигающиеся катастрофы и преодолевать назревшие кризисы; в) в целом поддерживать тенденции, не противоречащие законам природы, и устойчивое неравновесие.

Когда ученый говорил о поддержании (некоего состояния), он говорил о точечном и адресном, а не о масштабном и претендующем на всеобъемлющий характер воздействии. Моисеев – философ самоорганизации, которая для него выше и ноосферогенеза. Для некоторых современных теоретиков ноосферы (скажем, для А. Д. Урсула) последней и завершается развитие мировой цивилизации. «Вопрос о финальном состоянии вообще лежит за пределами научной мысли», – писал Моисеев [1999б: 24]. Мыслитель был убежден, что обсуждение финального состояния общества (общества УР, ноосферы), деталей его политического облика

антинаучно. И все же активность действующего человека должна быть направлена не в среду, а на собственные системы организации.

Яркой иллюстрацией философских идей, особенно концепции экологического кризиса Н. Н. Моисеева, стала его своеобразная политическая философия и, скажем так, экологическая философия общества. Применяя свою систему понятий в предметном поле экологической политологии, он писал, что как организм-система имеет одну цель, один смысл и закон своего существования – самосохранение, так и в ходе адаптации социальной системы к окружающей социальной и природной среде система создает механизмы, которые составляют ее адаптационный костяк или каркас, залог успешного выживания во времени. Этот стержень никакие перемены и заимствования затронуть не должны, иначе – потеря равновесия и системный коллапс. Впрочем, социальные системы умеют себя защищать, отбраковывая опасные инновации-вызовы. Чаще всего это выражается в том, что последние ими не узнаются, просто в них не срабатывают. Постепенно вокруг этого стержня выкристаллизовываются характерные черты особого культурно-исторического типа социальной системы, типа, который содержит в себе модель адаптации, каковая поможет многим поколениям людей выживать во времени и побеждать в неблагоприятных условиях окружающей среды, во враждебном окружении. Моисеев, соглашаясь, что государство как форма политической организации есть система, которая сугубо нуждается в самосохранении, объектом своего главного внимания избрал не отдельное государство, а более широкую и более абстрактную форму политической организации – культурно-исторический (цивилизационный) тип.

Можно сказать, что для Моисеева человеческая цивилизация состоит не из государств, а из локальных цивилизаций. Несомненно, интерес к цивилизационному анализу подогревался у ученого размышлениями о судьбах России. Цивилизационный анализ – логичное продолжение его космической философии. Традиционное понятие цивилизации, которое мы связываем с именами Н. Я. Данилевского, А. Тойнби, С. Хантингтона, формулируемое в том смысле, что это достигшая пределов самоидентификации культура и наименьший блок исторического материала, к которому мы обращаемся в ходе изучения данной страны, Моисеев, можно сказать, отверг⁴. Многие мыслители видели в религии ту основу, которая наполняет цивилизации реальным содержимым. По Моисееву, цивилизация – это осуществляемая посредством техносферы модель адаптации данной социальной системы к окружающей ее среде. Цивилизация, едва возникнув, сразу фиксирует свою исключительность при помощи своей цивилизационной матрицы, того самого адаптационного стержня, каркаса, о котором уже шла речь. Матрица остается неизменной, пока цивилизация существует. Модели адаптации цивилизаций к окружающей среде не тождественны, и у одних они экспансионистские, у других – экологически дружественные, у третьих – экологически нейтральные. Границы цивилизации не проходят вдоль государственных границ, иногда множество государств составляют одну цивилизацию, иногда таких государств несколько, существуют и отдельные государства-цивилизации, такие как Китай. Не государства, а именно цивилизации стали для него ключом к разным формам челове-

⁴ Цивилизация для А. Тойнби есть социальное целое, которое подвергается с иными видами социума «одним и тем же вызовам», но «каждая отвечает на них по-разному» [Тойнби 2006: 391].

ской адаптации к среде. Непосредственно отношения между национальными государствами для Моисеева не отображают реального содержания исторического процесса и не позволяют корректно поставить вопрос о политическом пути разрешения экологического кризиса.

В планетарном масштабе преобладает модель адаптации социума, которая характерна для господствующей ныне цивилизации. Сейчас это западная цивилизация, модель адаптации которой ранее доказала свою состоятельность. Цивилизация адаптации системы через распространение за свои пределы безо всяких границ и в конечном итоге – уничтожение своей собственной окружающей среды. «Системная исключительность» – это описание именно таких системно-средовых отношений. Русская цивилизация не имеет к этому отношения, она издревле наследует не экспансионистскую модель адаптации, а модель самоадаптации к окружающей среде, коррелирующую (для Моисеева) с логикой ноосферогенеза. Формирующаяся ноосфера подводит общую черту под множеством цивилизационных миров, каждый из которых есть достигнутая самоорганизацией человечества на данном этапе антропогенеза модель адаптации со своей системой мысли, человеческих отношений и не в последнюю, но и не в первую очередь религией [Моисеев 1999б: 41]. Происходящий сегодня в мире ноосферогенез как этап антропогенеза не ведет ни к появлению универсального человека, ни к единой цивилизации. Различия между цивилизациями непреодолимы. «Я не верю в возможность и считаю крайне опасным стремление к мировому правительству и к унификации цивилизации. Единая мировая цивилизация – это такой же нонсенс, как и генетически стандартный человек» [Его же 1998: 470].

И как каждого человека окружает его «собственная» уникальная среда обитания, точно так же она окружает и цивилизацию как общность людей, характеризующую определенным набором ценностей, технологиями, «навыками, системой общих запретов, похожестью... духовных миров» [Его же 1995: 7]. Но первичным, определяющим является здесь характер взаимодействия людей со средой, который рождает уникальный способ мышления и технологические основы жизни. Свою историческую религию цивилизация выбирает «по себе», под свое мироощущение, которым уже обладает, но не наоборот [Моисеев и др. 2000: 17]. Признавая в цивилизации и духовное, и материальное, ученый имел в виду, что цивилизация приобретает свои неповторимые черты с установившимся способом адаптации, так что ее формирует не некая духовная субстанция, идея, а реальный жизненный опыт.

Космист Моисеев рассматривал человечество в его единстве, в этой связи он интерпретировал теорию Вызова и Ответа А. Тойнби по-своему: Ответ на любой Вызов дается всем данным человеческим сообществом, а не какой-то его частью (правлящей верхушкой, государством в целом). Вызов может быть брошен локальной или глобальной цивилизации. В Ответ на экологический Вызов так же вовлечены широкие массы людей, многие народы [Тойнби 2006; Моисеев 1995], в конечном счете – Коллективный Разум всего человечества.

Категория Ответа широко применялась Моисеевым для локальной цивилизации. По тому, какого рода этот Ответ, ученый разделял цивилизации в мире на традиционные и техногенные (технотронные). Здесь речь идет не об одних только способностях к инновациям, к созданию науки, но и о возможности вместить в себя инородную, чуждую цивилизационную матрицу, «переварить» ее, а самим

не погибнуть. Только Россия и Запад – техногенные цивилизации. Но решают эту задачу они по-разному. У Запада это проявляется в активной работе с чуждой матрицей, активности, направленной из системы в среду, вовне, в стремлении к экспансии, экстенсивному развитию-расширению. В политике и идеологии это сопровождается агрессивным навязыванием своих ценностей, что воспринимается их носителями как нечто вполне естественное. Их неприятие, отторжение Запад шокирует и травмирует. Западу неведомо, что «то, что для Запада – универсализм, для остальных – империализм» [цит. по: Кутырев 2009: 100]. Запад в этом смысле есть сама «системная» и цивилизационная исключительность. Вот где корни экологического кризиса! Времена этой модели адаптации прошли, она должна остаться в прошлом.

Другое дело – Россия. У Н. Н. Моисеева все подчинено одной задаче – выживания планеты и ее обитателей, и русская цивилизация как нельзя больше этой задаче, по его мнению, соответствует. При этом он не выпячивал роль русской цивилизации и русских. В частности, он писал, что это иллюзия, что «русский народ обладает-де особым менталитетом, существует особая русская идея, и он, русский народ, опираясь на нее, сам по себе найдет выход из смутного времени» [Моисеев 1996: 56]. Не стоит русским уповать на «особый» путь, надо действовать на основе общих закономерностей, искать свою тропу в мировом социальном движении, не отрицая общих системных закономерностей мирового процесса. И именно вместе со всей планетой, а не отдельно и самостоятельно от нее, России удастся подобрать ключ к решению системного экологического кризиса. Эта позиция ученого продиктована такими компонентами модели адаптации русских к среде, как особенности распределения людей в пространстве («русское чувство пространства»), природа и климат, почти не пригодные для жизни и породившие, по Моисееву, уникальное чувство, видение русскими себя в единстве с природой, идеациональный характер цивилизации (термин принадлежит П. Сорокину [см.: Глушенкова 2015]). В таком социуме гедонизм, индивидуализм, ценности потребления немислимы. Наша цивилизация всегда выживала с трудом, хотя адаптировалась быстро и эффективно, на Вызов отвечала перестройкой себя, своей внутренней организации, даже системы мысли; сегодня Россией даются всегда духовные по своей сути Ответы, нацеленные на ее выживание и выживание вместе с ней всей планетарной цивилизации.

Но самое главное свойство русской цивилизации – неконфликтные отношения со средой. Конкретно это проявляется в умении России вмещать в себя любые цивилизационные вкрапления, не разрушаясь изнутри. Россия – цельная самостоятельная цивилизация, полиэтничная и поликонфессиональная. И в этом ее техногенность. Она соткана из множества культур, что не разрывает ее ткань: «Россия – целостная самостоятельная цивилизация. <...> Россия – симбиоз народов, синтез различных культур, сплав, родивший общее миропредставление и общий образ жизни» [Моисеев 2000б: 6]. Для Моисеева это уникальная черта русских: социум как система не имеет напряженных контактов с окружающей ее природной и социальной средой. Русская цивилизация системно адаптивна, не адаптирует под себя, а адаптируется сама и при этом прекрасно выживает и даже делается еще сильнее. Она как будто специально создана для преодоления экологического кризиса. «Определяющее значение играла еще одна из наших цивилизационных особенностей – способность сосуществовать с другими цивилизациями, мирно

и сообща жить с другими народами и формировать общую цивилизацию. <...> Русское общество легко включало в себя представителей национальных меньшинств, причем даже в высшие свои эшелоны» [Моисеев 2000б: 9]. Россия со своим способом адаптации к среде сегодня есть ключ к овладению миропорядком. Лидерство России в мире будет задавать мировую стабильность.

Помня о локальных цивилизациях, Н. Н. Моисеев рассматривал человечество как единое целое. Локальные цивилизации сегодня есть участники мирового коэволюционного процесса. Но путь цивилизаций, их генезиса, развития и распада – лишь один из эпизодов вечного поиска людьми своей экологической ниши. Гибель локальных цивилизаций в этом смысле неизбежна, и есть питательная почва для генезиса новых.

Итак, в экологическом кризисе виновно не все человечество (государства, или отдельные страны, или люди), а господствующая организация жизни, которая присуща не планете в целом, а задана западным цивилизационным ядром. Господствующий миропорядок, модель глобального управления – все это задается западной цивилизацией, и принадлежит здесь лидерство России, весь путь развития глобального социума был бы иным. Виновник кризиса, таким образом, не государство, не экономика и даже не капитализм, а сама модель адаптации к окружающей природной среде, модель не приспособления себя к природе, а видоизменения природы, создание системы искусственных сред, вырывающих целые звенья из кругооборота веществ. Первые признаки ее, первые попытки разрушить биобаланс мы наблюдаем еще в начале неолитической революции, когда охота, собирательство древних сменились созданием техносферы, искусственной окружающей среды. С тех пор эпохи меняются, а модель остается. В позднее Средневековье и в Новое время с развитием капитализма Запад вышел на широкую историческую арену, и его модель восторжествовала. Но тогда она была не всеобщей и не единственной. Сегодня западную модель взяли на вооружение миллиарды людей. Она охватила весь мир, всю ойкумену. Но именно сейчас стало окончательно ясно, что эта модель несовместима с дальнейшим выживанием человека на Земле.

Н. Н. Моисеев – социальный мыслитель, который также являлся сторонником теорий самоорганизации, так что он не акцентировал внимание на переходе на модель УР, к ноосфере и т. п. Но у него присутствует тема движущих сил перехода к новому состоянию общества. С ней пересекается его анализ проблемы человека, человеческих качеств. Живя на 100 лет позднее космистов – теоретиков ноосферы, Моисеев наблюдал, как деградирует, а не возрастает человеческая личность. Между тем для ученого корни экологического кризиса и секрет его преодоления – в человеке как носителе данного способа экологического поведения, в конечном счете культурно-исторического типа. У мыслителя нелестное мнение о современном рядовом человеке (особенно философа беспокоили его потребительство, эгоизм), но он всецело уповает на человека, который является, так сказать, «опорным» носителем Коллективного Разума – так называемого «Мастера», который есть источник инновации и положительной бифуркации общественного развития. Дело в том, что моисеевский человек ноосферы – это не всякий и не каждый человек, а тот, кто вырывается из плена «объективных законов», подключается к Коллективному Разуму и решению его сверхзадач. Это активный человек, он – носитель общепланетарного Разума и движущая сила политических ре-

форм, цель которых – выживание человечества и сохранение Планеты людей. Но Моисеев, обличитель торгово-промышленного уклада общества потребления, жестко критиковал современного нам среднестатистического человека – жителя Запада, которого породил определенный образ жизни и ведения хозяйства, навязываемый западным миром остальному миру в качестве версии глобализации. К сожалению, такой человек, носитель порождающих экологический кризис мирозерцания и поведения, распространился сейчас и в нашей стране.

Моисеевский человек ноосферы, скорее всего, ученый. В политологии существует теория «наделения (человека, людей) властью» (empowerment of people). Моисеев предлагал передать высшие властные функции и полномочия ученым. Пока «человек политический» торжествует на политической арене над «человеком ума», прорыва в преодолении кризиса не достичь. Фактически для него приход цивилизации к ноосфере совпадает с приходом ученых к власти. Прийти к власти – миссия и предназначение ученого, его долг перед человечеством. При этом он надеялся, что ученые в своей деятельности не проявят себя как носители ценностей западного общества потребления, а станут исповедовать новую этику, станут апологетами экологической нравственности. Это новая нравственность, система нравов на основе экологической этики, связанной с ноосферогенезом и коэволюцией. Коллективный Разум порождает, по его мнению, эту новую нравственность, в основе которой – ценности самосохранения общества. На что ученый при этом рассчитывал? На коллективные формы принятия решений. Отдельный человек может не иметь высокой нравственности, но общество в целом является носителем нравственности. Сама вовлеченность в работу Разума есть прообраз коллективного способа принятия решений. (То есть этот способ принятия решений достигается не через какой-то институт, учреждение – глобальный Комитет или Совет Мудрецов, а суммой множества спонтанных усилий и воли...) Затем он уповаet на ученого как на «Мастера», носителя мудрости поколений и веков. И все же он не предлагал просто взять и непосредственно передать власть работникам науки. Автор идеи Коллективного Разума призывал ни в коем случае не преувеличивать роль интеллектуалов. Передать им «бразды правления» опасно! «Беда, когда страной или войском управляют, а еще страшнее – командуют, ученые», – предупреждает он и добавляет: но трагично и противоположное, когда рядом с политиками нет людей науки, так что политические решения принимаются «с закрытыми глазами» [Моисеев 1996: 53]. Тем не менее у Н. Н. Моисеева нет, как у А. Тойнби, идеи творческого меньшинства. Скорее всего, он был за то, чтобы между ученым и «человеком политическим» при принятии конкретных решений соблюдался баланс.

Говоря о движущих силах продвижения к обществу нового типа, отметим, что последнее, наверное, тайное преимущество русской цивилизации, касающееся ее техногенности, – в особом характере восприятия русскими людьми знаний. Для Моисеева русская цивилизация – в личностях ее носителей, работающих со знанием, «Мастеров». Мыслитель, судя по некоторым его высказываниям, считал преодоление экологического кризиса возможным не за счет реформы политики и общественного управления, а за счет увеличения числа носителей русской цивилизации. Именно нравственно окрашенное волевое и интеллектуальное сверхусилие «Мастеров» позволит вывести Россию из кризиса, а всю планету – из экологического тупика. Что это будет за усилие, потребуются ли какие-либо со-

циальные реформы – это уже вторично. Главное – сохранение русской цивилизационной матрицы и ее носителей, тончайшего слоя интеллектуалов, ответственность которых – в поддержании системы образования, способного этих «Мастеров» порождать [Степанов 2013]. Моисеев был убежден, что из-за своих людей русская цивилизация не должна погибнуть ни сейчас, ни позднее.

Ученый неоднократно писал, что экологически безопасное будущее для него с точки зрения формационной – это, несомненно, социализм. Конечно, советскую плановую систему, каковой она фактически являлась, он категорически не принимал. Скорее, он имел в виду под социализмом – как и ряд современных российских публицистов, в частности А. И. Фурсов, – широко понимаемый постматериальный, постиндустриальный, антикапиталистический проект, а также движение любых негосподствующих социальных классов и групп за социальное освобождение. Впрочем, среди теоретиков ноосферы такая позиция – самая распространенная. «Социализм – это власть народа (демократия) плюс ноосферизация всей жизнедеятельности людей»; при этом автор добавляет, что «парадигма устойчивого развития – это сложная симбиотическая конфигурация консерватизма, либерализма, социализма, цементированная общей целью сохранения – выживания – мировой цивилизации» [Мантатов 2013: 67]. Для В. В. Мантатова УР – экологически приемлемое средство для достижения любой цели – и экodemократии, и экототалитаризма. Для Моисеева будущее человечества – за ростом самоорганизации, самоуправления, гражданского политического участия тех, кто вовлечен в работу Коллективного Разума. А противостоит этому процессу «человек потребляющий», человек материальный, он теряет рычаги власти и, конечно, сопротивляется. Повторим: у Моисеева Разум – атрибут человечества, и ноосферогенез для него – это переход от принятия решений силами политических лидеров, элит, безликих бюрократических структур к принятию решений силами не просто больших групп людей, а человеческого общества как целого. Это он описывал словом «социализм»: «...на первый план выходят противоречия между Природой и человеком... возникает необходимость нового компромисса <...> Им будет новый гомеостаз. В сущности, он и есть “экологический социализм”». Гуманистически ориентированное гражданское общество станет конкретной движущей силой поиска нового гомеостаза [Моисеев 2009: 202]. Фактически это модель некоего демократического будущего планеты, которая резко контрастирует с некоторыми другими работами, «предписывающими» нам в нашем экологически безопасном завтра тоталитарный строй или авторитаризм.

В целом слабой стороной работ всех теоретиков ноосферы, так же как и космистов, считается их утопический или сциентистски-утопический характер [см.: Кутырев 2009; Миркин, Наумова 2005; Ефременко 2006].

И Никита Николаевич не раз подвергался критике за утопичность, спорность, приблизительность, абстрактность идей. В. И. Данилов-Данильян писал о Моисееве, что у него переход к ноосфере имеет нормативистский характер (как и коэволюция). УР, отмечал Данилов-Данильян, теряет здесь какой-либо смысл, потому что на поверку оказывается тем же, что и коэволюция, или этапом коэволюции, а оба они – лишь средством на пути достижения ноосферы. Отвергая коэволюцию, он считал ее умозрительным воззрением, без всякой связи с реальностью, а вместо нее высоко ценил теорию биотического регулирования В. Г. Горшкова [Данилов-Данильян 1998].

Н. Н. Моисеев не рассматривал ни ноосферу, ни УР как организованный силами властей, по команде, идущей «из центра» и вынуждающей социальную систему к повиновению, постепенный и планомерный переход к некоей умозрительной модели, объективный характер и неизбежность наступления которой, однако, сомнению не подлежат. Моисеев был теоретик самоорганизации, но при этом он не считал, что в преодолении экологического кризиса все произойдет автоматически и случится само собой. Позволим себе отметить, что Н. Н. Моисеев в своем философском, социальном и политическом, в частности цивилизационном, анализе предельно прагматичен и материалистичен. В своей мысли о ноосфере, в анализе проблем УР он всегда стоял на том, что людям будущего предстоит научиться управлять «не природой, а самими собой» [Реймерс 1992: 340]. Он категорически отвергал автотрофность цивилизации и технологический оптимизм, то, за счет чего в первую очередь приходится говорить об утопизме любых концепций ноосферы. Увы, это традиция, идущая еще от В. И. Вернадского. Ее предельно жестко сформулировал В. П. Казначеев: «...идея автотрофности человечества является сегодня, по-видимому, наиболее главной и обобщающей. <...> либо суицид, либо автотрофность человечества...» [цит. по: Смирнов 2017: 25]. «В качестве эволюционного механизма приобщения человечества к Космосу выступает автотрофность как антиэнтропийный, самоорганизующийся и самоуправляемый... процесс» [Московченко 2006: 235]. Для космиста Моисеева такая позиция неприемлема: автотрофность и есть суицид, отказ от автотрофности – начало самоорганизации и самоуправления (предпосылкой здесь выступают более тесные связи со средой).

Н. Н. Моисеев выступал за активность человека в общественном процессе. Но какого рода активность? Он неизменно подчеркивал роль обучения: нужно изучать экосистемы, постигать социальные механизмы, учиться управлять «самими собой». Он предостерегал от отказа от изучения собственной цивилизационной идентичности. Это всегда оборачивается одним наивным, более того, преступным шагом – попыткой встроить Россию в иные цивилизационные общности. Сделать это искусственно можно лишь через потерю ее идентичности, которую даже ученым еще предстоит окончательно познать: «Наша будущность связана с осознанием нашей собственной российской цивилизации и как самоценности, и как ценности планетарной» [Моисеев 2000б: 10]. В привлечении внимания к этой проблеме Моисеев и видел, пожалуй, главную свою миссию.

Что такое утопизм? Достижение нужного общественного результата в соответствии с планом? Или это когда мы утверждаем, что есть объективно идущий в обществе процесс, а сами ничего не делаем – ни чтобы его приблизить, ни чтобы отдалить? Что здесь описывает попперовский историцизм? Скорее всего приходят на ум бессмертные слова С. Н. Булгакова: «Они доказали, что социализм неотвратим, как лунное затмение, и для его успешного прихода на территорию России создали партию...» Человек не может пребывать в священном ничегонеделании. Значит, речь идет о характере человеческого действия при переходе к новой модели развития. Моисеев говорил, что это – работа с сознанием самого человека, работа, которая является сейчас борьбой за его жизнь. Но почему же он решил, что победа в этой битве будет за человеком духа, например, наследником традиционных русских идеациональных ценностей? Наверное, потому, что таков был сам Никита Николаевич Моисеев. Потомственный дворянин и настоящий русский интеллигент, прославленный спортсмен и солдат Второй мировой, а еще – ученый, философ, просветитель, гражданин и патриот своей страны.

Литература

Глушенкова Е. И. Экополитология Н. Н. Моисеева и устойчивое развитие России. М. : МНЭПУ, 2015.

Данилов-Данильян В. И. Возможна ли «коэволюция природы и общества»? // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 3–16.

Ефременко Д. В. Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция. М. : ИНИОН РАН, 2006.

Кульпин Э. С. Путь России. Генезис кризисов природы и общества в России. М. : Московский лицей, 2008.

Кутырев В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. № 2. С. 92–102.

Мантатов В. В. Концептуальная революция: Конференция ООН по устойчивому развитию. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2013.

Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Курс лекций по устойчивому развитию. М. : Тайдекс, 2005.

Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3–28.

Моисеев Н. Н. Восхождение к Разуму. М. : МНЭПУ, 1993.

Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.

Моисеев Н. Н. Агония России. Есть ли у нее будущее? М. : Экспресс, 1996.

Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М. : Аграф, 1998.

Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М. : МНЭПУ, 1999а.

Моисеев Н. Н. Размышления о современной политологии. М. : МНЭПУ, 1999б.

Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : МНЭПУ, 2000а.

Моисеев Н. Н. Русский вопрос / Н. Н. Моисеев // Русская цивилизация. М. : Контакт, 2000б.

Моисеев Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993. М. : МНЭПУ, 2002.

Моисеев Н. Н. О необходимых чертах цивилизации будущего. М. : МНЭПУ, 2009.

Моисеев Н. Н., Львов Д. С., Петров А. А., Питерский В. М. Укрепление российской государственности: экономика, ресурсы, геополитика. М. : Геоинформмарк, 2000.

Московченко А. Д. В. И. Вернадский, русский космизм, автотрофность, перспективы // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 8. С. 232–235.

Олейников Ю. В., Борзова Т. В. Философское осмысление глобальной проблемы взаимодействия общества с природой // Век глобализации. 2016. № 3. С. 121–132.

Режабек Б. Г. Учение В. И. Вернадского о ноосфере // Век глобализации. 2008. № 1. С. 159–168.

Реймерс Н. Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. М. : Россия молодая, 1992.

Смирнов Г. С. Философия автотрофности человечества и глобальное сознание // Век глобализации. 2017. № 1. С. 20–31.

Степанов С. А. Н. Н. Моисеев о судьбах российской интеллигенции // Век глобализации. 2013. № 1. С. 167–171.

Тойнби А. Дж. Исследование истории. СПб., 2006.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

РОЛЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Сарвал А.*

В век глобализации, помимо родного языка, людям необходим международный язык-помощник, чтобы усовершенствовать диалог и стимулировать процесс объединения наций. В Индии английский – предпочтительный глобальный язык, он играет важную роль в качестве научного. Взрослые и дети воспринимают его как язык возможностей и тоскуют по тем временам, когда получали образование на английском.

Эта работа анализирует результаты исследований, проведенных по вопросу глобального языка студентов в Индии.

Ключевые слова: глобальный язык, глобальная деревня, образование, общение, национальный язык.

In the age of globalization, in addition to their native language, people need an international language-assistant to improve dialogue and stimulate the process of unification of nations. In India, English is the preferred global language, it plays an important role as a scientific language. Adults and children perceive English as the language of opportunities and miss those times when they received education in English.

This article analyses the results of researches conducted on the global language of students in India.

Keywords: global language, global village, education, communication, national language.

Язык – одежда мысли.

Самуэль Джонсон

Введение

Сегодняшний мир известен под названием «глобальной деревни» и является результатом научных изобретений, сделанных во второй половине XIX в. Язык играл ключевую роль в развитии человечества, в распространении идей в прошлом и будет играть более важную роль в его дальнейшем росте и развитии. Таким образом, изучение языка(ов) имеет чрезвычайно важное значение для человечества, и необходимое внимание должно быть уделено обеспечению плавного перехода человечества к стадии зрелости или универсального сознания.

* Сарвал Анил – профессор Англо-ведического колледжа Даянанды (г. Чандigarх, Индия). E-mail: sarwalanil@gmail.com.

В век глобализации¹, помимо родного языка, людям необходим международный язык-помощник, чтобы усовершенствовать диалог и стимулировать процесс объединения наций. В Индии английский – предпочтительный глобальный язык², он играет важную роль в качестве научного³. Взрослые и дети воспринимают его как язык возможностей⁴ и тоскуют по тем временам, когда получали образование на английском.

В то время как английский язык играет ключевую роль в возможности найти работу, международной мобильности, в доступе к информации [Мечты...], его общая роль [Human... 2011] ставится под сомнение. Существует доказательство того, что широко распространенная любовь к изучению английского языка и адаптация к так называемому западному образу жизни не дает развиваться местной культуре и языкам [New...]. Более того, студенты сталкиваются с проблемами в области образования, потому что им приходится изучать содержание дисциплины на языке, который они могут знать не очень хорошо.

С другой стороны, такие страны, как Китай, где английский язык не используется в повседневном общении, установили высокие стандарты во всех областях человеческой деятельности, сохраняя свою культуру, язык и идентичность. Поэтому, скорее всего, дву- [Multilingual...] или многоязычный [*Ibid.*] подход может быть более эффективным, нежели постоянное общение на одном языке.

Важность языков

Человечество в настоящее время использует 6809 живых языков и около 100 мертвых, чтобы облегчить социальное взаимодействие [Indigenous...]. В XXI в. коммуникация была значительно улучшена за счет широкого распространения средств массовой информации, компьютеров и мобильных телефонов. Интернет быстро становится предпочтительной информационной магистралью, удовлетворяя нашу потребность в общении, а также в проведении важных деловых сделок и переговоров.

Сейчас практически невозможно в полной мере являться частью «глобальной деревни», в которой мы живем, не зная всеобщего мирового языка. Тем не менее английский язык, являясь глобальным, в настоящее время находится в состоянии конфликта с местными языками и культурами, хотя новые «лингвоатаки» предупреждают нас о том, что ни один язык не способен противостоять в полной мере другому и что развитие языка зависит от того, как он используется.

Роль английского языка как глобального

По оценкам, около одного миллиарда людей в мире пользуются английским языком как родным или иностранным. Употребление английского языка в качестве официального или полуофициального распространено более чем в 70 странах и играет очень важную роль еще в 20 государствах. Более 1400 млн человек жи-

¹ Глобализация, как правило, рассматривается как усиливающаяся интеграция мировой экономики в результате развития технологий. Тем не менее автор использует данный термин для обозначения растущей политической и культурной важности того, что все человечество глобально взаимозависимо.

² Английский в настоящее время описывается по-разному: как «мировой язык», «глобальный язык», «лингва франка», «связной язык» и т. д., но я предпочел бы использовать слово «вспомогательный универсальный язык», чтобы определить его присутствие и роль в ближайшем будущем.

³ Термин, используемый в течение многих лет в Индии, чтобы подчеркнуть важную роль, которую играет английский язык в высших учебных заведениях.

⁴ Считается, что знание английского языка предоставляет безграничные возможности.

вут в странах, где традиционно используется английский язык. Около 75 % почтовых писем и информации в мире хранится на английском языке. Примерно из 50 млн пользователей Интернета большинство использует английский язык [McArthur 2002].

Вместе с развитием английского языка в качестве мирового мы узнаем о некоторых особенностях, которыми должен обладать мировой язык. Независимо от происхождения, он должен быть языком практичным и выгодным, который смог бы охватить потребности каждого. Хотя английский изначально был языком британцев, в настоящее время существует множество его видов, в том числе американский, африканский, индийский и австралийский английский. Кроме того, английский язык теперь объединяет мечты, стремления многих народов, а также опыт различных стран. Он используется с целью передачи огромной массы разнообразной информации, будь то последние достижения в области науки и техники, обогащение опыта этнической группы либо же деловые переговоры; в документации культурных особенностей; в индивидуальном опыте. Его словарный запас был значительно обогащен благодаря новым словам, заимствованным из других языков мира. С течением времени становится очевидным, что глобальный язык изменится до неузнаваемости, как это происходит с английским языком.

Около десяти тысяч слов, заимствованных из хинди и других индийских языков, стали частью индийского английского языка. К ним относятся: гуру, бабу, чорпой, карри и т. д. Мы очень хорошо знакомы со следующими широко используемыми пиджинскими словами: *lathi-charge* (явление, при котором группа полицейских бежит за кем-либо с полицейской дубинкой), *rickshaw-wall* (небольшая двухколесная тележка для одного пассажира, запряженная одним человеком), *double-roti* (хлеб) и т. д. [Oxford... 1997].

Некоторые главные проблемы

В качестве глобального английский язык сталкивается со многими проблемами. Разговорный английский варьируется от региона к региону в соответствии с культурными и языковыми различиями местных жителей. Аналогичным образом письменный английский язык также сильно отличается в лексическом аспекте, по форме и структуре, так как язык является прежде всего носителем своей мысли и «схемы». Следовательно, английский язык, используемый жителем Африки, не то же самое, что язык жителя, находящегося на территории Австралии. Воздействие электронных SMS также влияет на английскую орфографию и грамматику. Вопросы «ясности» и «приемлемости» [Abbott 1979: 168–175] различных видов английского языка до сих пор не решены полностью.

Большая проблема преодоления любви-ненависти, связанная с иностранным языком, до сих пор не решена. Кроме того, есть серьезные оговорки в отношении английского языка у языковых сообществ, таких как французские, арабские, немецкие и голландские. Многие лингвистические причины, также занимающие важное место, когда речь идет о мировом языке, включают в себя национализм, этническую принадлежность, идеологию, религию, политику и культуру, часто в комплексе и иногда в виде взрывоопасных смесей [Ethnic...].

Смерть языка и проблемы родственных ему языков

В настоящее время 2473 языка мира находятся под угрозой из-за все расширяющегося употребления английского и других доминирующих языков. Около 25 языков ежегодно умирают и около 3000 языков могут исчезнуть к концу XXI в.

В списке стран с диалектами, находящимися на грани исчезновения, составленном ЮНЕСКО, лидирует Индия (196 языков). За Индией следуют США со 192 языками и Индонезия со 147 языками.

Алитет Немтушкин [1985], эвенк, поэт, оплакивает эту потерю таким образом:

Если я забуду речь родную
И песни, что поет народ мой,
Зачем тогда мне глаза и уши?
Зачем мне губы?
Если я забуду запах земли родной
И не буду ухаживать за ней,
Зачем тогда мне руки?
Зачем же я живу в мире этом?
Как можно верить в глупую идею,
Что язык мой беден и слаб,
Если слова последние матери моей
Были на эвенкийском?

Многие другие сложности возникли из-за отсутствия принятого мирового языка, особенно в деле разработки национальной политики языковых стран мира. Огромное количество денег, человеческих ресурсов и учебных материалов используются для обучения английскому языку в мировых масштабах. В стране с таким огромным населением, как Индия, дети изучают английский с первого класса. Студенты сталкиваются с многочисленными трудностями – от неудач в изучении дисциплин до утраты родного языка, культуры и идентичности. Ниже приведены основные моменты недавних дискуссий по поводу английского языка.

Широкое внедрение английского языка в начальных школах было описано А. Джонстоном как «возможно, самая большая разработанная политика в области образования мирового масштаба» [Johnston 1995: 33]. Есть целый ряд причин этой тенденции:

1. Существует широко распространенное предположение, что изучать язык с ранних лет намного лучше.

2. Экономическая глобализация породила постоянно растущий спрос на знание английского языка. Спрос со стороны международных экономических сил оказывает давление на правительства, чтобы те в свою очередь гарантировали им рабочих со знанием английского языка.

3. Давление на национальные правительства, оказываемое родителями, желающими, чтобы их дети извлекали выгоду в социальном и экономическом аспектах посредством изучения английского языка.

«Увеличение количества часов преподавания английского языка для юных учеников не получило всеобщего одобрения и предполагаемых выгод, которые

должны были получить ученики... Так же широко критиковалась политика, которая осуществлялась, как правило, без достаточной подготовки и в итоге вела к расхождению между политическим планом и ее реализацией на макро- и микроуровнях» [Johnston 1995: 33].

Роберт Филлипсон [Phillipson 1992] отмечает исследования, проведенные в Намибии и Пакистане, которые показывают, что не до конца продуманная политика обучения английскому языку приводит только к краху в сфере образования. Он считает, что спрос на английский язык был срежиссирован западными правительствами и их союзниками во всем мире, а также ведущими организациями, такими как Всемирный банк. «Поставка» экспертных знаний соответствует спросу, таким образом причисляя людей со знанием английского языка к элите и обрекая остальную часть населения на лингвистическую путаницу и крах в сфере образования [Zubeida]. Инициаторы английской системы образования, как правило, руководствуются своими коммерческими интересами, а не образовательными. Р. Филлипсон делает вывод: «Исследования показывают, что многоязычное образование приводит к единственному результату. Такое образование неэффективно и неприемлемо, ведь подобное образование, полученное посредством английского языка в постколониальных странах, ведет к пренебрежению по отношению к родному языку и местным культурным ценностям» [Phillipson].

Сторонники обучения английскому языку, как и Хивел Коулмен [Coleman 2011], сменили парадигму фокуса. Попытки обеспечить более широкий доступ к английскому языку для повышения уровня образования, работы и социальной мобильности следует добавить к уже имеющимся знаниям о родном языке ребенка, а не замещать его, тем самым оставаясь приверженцами принципа ЮНЕСКО по отношению к родному языку и параллельно закладывая фундамент многоязычного образования.

Растущий протест заставил Джона Кнага, члена Британского совета, привести в защиту аргументы: «Большинство из 10 миллионов учителей английского языка во всем мире – носители двух или более языков, и при этом английский язык не является для них родным. Знание нескольких языков дает огромные преимущества в их жизни и на работе, и мы поддерживаем таких сотрудников» [Guardian... 2012]. Такая идея, пожалуй, очень разумна.

Стратегические планы ЮНЕСКО

Существуют три подхода руководства ЮНЕСКО к языкам и образованию в XXI в. В документе ЮНЕСКО [Рекомендация...] говорится:

1. Обучение на родном языке должно быть включено в учебный план, а также повышать качество образования, опираясь на знания и опыт как учащихся, так и учителей. ЮНЕСКО поддерживает результаты исследований, доказывающие тот факт, что обучение на родном языке является ключевым фактором в распространении грамотности.

2. Дву- и/или многоязычное образование на всех уровнях должно содействовать равенству и отражать разнообразие языков в обществе, грамотную среду, массмедиа и киберсреду.

3. Развитие языка – неотъемлемая часть межкультурного образования в целях содействия взаимопониманию между народами и признанию уважения прав человека.

Третий принцип имеет решающее значение для развития языка, особенно когда мы понимаем, что экономический рост является необходимым, но недостаточным условием прогресса.

Наше исследование

С опорой на предыдущие положения была составлена анкета из вопросов с ответами «да/нет», предусматривающих место для пояснения. Заполнить анкету вызвались 230 человек.

Далее следует обобщение полученных результатов анкетирования.

1. 66,95 % ответивших не считают, что изучение английского языка с первого класса оказывает негативное влияние на восприятие студентами их родного языка, культуры и самоидентификации; несмотря на это, 68,69 % полагают, что английский язык содействует распространению западных ценностей в отношении одежды, еды, работы и отдыха. Это также влияет на образ жизни семьи и общества. Однако 70,86 % опрошенных считают, что студенты учились бы лучше, если бы в школе им была предоставлена возможность изучать науки и искусство на родном языке. 82,17 % полагают, что обучающиеся проявляли бы больше творческих способностей, если бы процесс обучения был построен на языке родителей.

2. Интересно, что 70,86 % ответивших были удовлетворены уровнем преподавания английского языка на начальной ступени, однако 67,82 % считают современную систему обучения основанной на заучивании. Одной из причин может быть то, что большинство студентов никогда не использовали другие методы изучения.

3. 96,08 % участников опроса полагают, что есть сферы, в которых знание английского языка важно. Несмотря на то, что, казалось бы, местные СМИ освещают все аспекты происходящих в мире событий, только 33,97 % допускают, что СМИ помогают им быть в курсе последних разработок в науке, технологиях и текущих мировых событий. 95,21 % респондентов считают знание английского языка необходимым для устойчивого развития их страны. Неудивительно, что 86,95 % предпочли бы, чтобы английский преподавался одновременно с их родным/региональным языком. Однако 84,37 % не считают английский язык более важным по отношению к их родному.

4. 96,52 % опрошенных согласны с тем, что существует необходимость в универсальном вспомогательном языке, который способствовал бы межкультурному общению людей. 81,73 % респондентов считают, что глобальный связующий (link) язык поможет укрепить единство между людьми разных национальностей. 83,04 % ответивших полагают, что глобальный язык должен отражать мировые культуры, традиции и нравы. 66,95 % высказывают мысль о том, что такой язык должен включать в себя каждую из крупнейших культур. 40 % хотели бы, чтобы мировые лидеры договорились об официальном глобальном связующем языке.

5. 68,2 % респондентов ответили, что глобальный язык должен подчиняться простым правилам. 33,08 % (большинство) считают, что в нем должно быть мало исключений, а 20 % (большинство) придерживается мнения о том, что ему следует быть свободным от гендерных предрассудков; еще 23,03 % (большинство) сказали, что в этом языке не должно быть немых букв. В этом вопросе, касающемся грамматики, многие участники анкетирования выбрали вариант «Не могу ответить», это говорит о том, что они, возможно, никогда не задумывались над тем, каким должен быть глобальный язык.

Детальный анализ полученных результатов выявил, что студенты остро осознают необходимость универсального вспомогательного языка (в среднем 94,6 %). Учащиеся считают, что английский язык необходимо преподавать всем студентам, так как он выступает глобальным связующим языком и предоставляет каждому большие социальные и экономические возможности. Однако они признают, что не учили бы другие предметы так же хорошо, если бы их преподавание велось на английском вместо их родного языка. Творческая активность студентов также ограничена нехваткой преподавательских ресурсов (на одного учителя приходится много учеников) и скудной инфраструктурой в школах.

Несмотря на то, что это является сложным социально-политическим лингвистическим вопросом, большинство студентов согласны, что мировым лидерам стоит договориться насчет универсального вспомогательного языка, который дети изучали бы одновременно с их родным языком. Выбранный язык должен вбирать в себя все культуры, но не должен позиционироваться как более важный по отношению к родному языку ребенка. Грамматические правила должны быть простыми, а 72,6 % согласились с тем, что этот язык следует выбрать из ныне существующих естественных языков. 61,73 % студентов высказали мнение, что для глобального языка нужно использовать нейтральный алфавит.

Заключение и предположения

Из проведенного исследования становится ясным, что в стремительно возникающей глобальной цивилизации всем детям принесло бы пользу изучение вспомогательного международного языка, такого как английский, одновременно с родным языком. Это дало бы им возможность легко общаться и взаимодействовать с их сверстниками во всем мире. Как следствие, это укрепило бы связь между местными и национальными языками внутри каждой страны и глобальным связующим языком, например английским, чтобы сохранять культурное многообразие.

В этой связи мы считаем, что навыки восприятия и говорения должны играть более важную роль, нежели чтение и письмо, хотя, несомненно, их важность не должна быть недооценена.

Единственный путь мирного сосуществования всех людей на планете лежит через принятие универсального вспомогательного языка. И этот вопрос заслуживает немедленного рассмотрения.

В любых решениях, касающихся выбора мирового языка, следует учитывать следующее:

- возможность его изучения в мировом масштабе;
- его отношение к родному языку каждой языковой группы;

- взаимосвязи между различными родными и национальными языками внутри одной страны и глобальным связующим языком;
- вопрос его применимости в общемировых СМИ;
- сбор и перевод имеющихся научных и технических знаний на выбранный мировой язык и вместе с тем необходимость постоянного обновления данных в различных областях человеческой деятельности;
- возможность этого языка отражать опыт различных культур и народов без навязывания собственной «культуры».

Глобальный язык должен подчиняться простым грамматическим правилам, иметь как можно меньше исключений, непроизносимые буквы в словах следует исключить. В дополнение к этому он должен быть свободным от гендерных пред-рассудков.

Перевод К. В. Васильевой, И. Н. Кочариевой

Литература

Мечты и реальность: Развивающиеся страны и английский язык / под ред. Х. Коулмена [Электронный ресурс]. URL: www.teachingenglish.org.uk/sites/teacheng/files/Z413%0EDB%20Section11.pdf.

Немтушкин А. Гулуурви. Стихи на эвенкийском языке. Красноярск : Красноярское кн. изд-во, 1985.

Рекомендация ЮНЕСКО «О положении учителей» (принята 05.10.1966 Специальной межправительственной конференцией по вопросу о статусе учителей) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zonazakona.ru/law/abro/739/>.

Abbott G. W. Intelligibility and Acceptability in Spoken and Written Communication // ELT J 1979. xxxiii (3). Pp. 168–175.

Coleman H. (Ed.) Dreams and Realities: Developing Countries and the English Language. London : British Council, 2011 [Электронный ресурс]. URL: www.teachingenglish.org.uk/publications/dreams-realities-developing-countries-english-language.

Ethnic Nationalism [Электронный ресурс]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Ethnic_nationalism.

Guardian Weekly Letters. 2012. 6 April [Электронный ресурс]. URL: www.guardian.co.uk/global/2012/apr/03/guardian-weekly-letters-6-april.

Human Development Report 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2011/>.

Indigenous Language [Электронный ресурс]. URL: [ghhttp://en.wikipedia.org/wiki/Indigenous_language](http://en.wikipedia.org/wiki/Indigenous_language).

Johnston A. Thinking about Strategic Culture // International Security. 1995. Vol. 19. No. 4. Spring. Pp. 32–64 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fb03.uni-frankfurt.de/45431264/Johnston->.

McArthur T. The Oxford Guide to World English. Oxford : Oxford University Press, 2002.

Multilingual Education [Электронный ресурс]. URL: www.unescobkk.org/education/multilingual-education/activities/.

New Edition of UNESCO. Atlas of the World's Languages in Danger [Электронный ресурс]. URL: http://portal.unesco.org/ci/en/ev.php-URL_ID=28377&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html.

Oxford Advanced Learners Dictionary / Ed. by I. Crowther. New Delhi : Oxford University Press, 1997.

Phillipson R. Linguistic Imperialism Alive and Kicking [Электронный ресурс]. URL: www.guardian.co.uk/education/2012/mar/13/linguistic-imperialism-english-language-teaching.

Phillipson R. Linguistic Imperialism. Oxford : Oxford University Press, 1992.

Zubeida M. Pakistan Ruined by Language Myth [Электронный ресурс]. URL: www.guardian.co.uk/education/2012/jan/10/pakistan-language-crisis.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КОНСЮМЕРИЗМА И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ильин А. Н.*

В статье доказывается, что в условиях глобализации доминирующим в мире, глобальным типом культуры становится консюмеризм. Именно культура потребления осуществляет культурную экспансию. В результате консюмеризации мира стираются различия между национальными культурами, нейтрализуется их аутентичность. Другая проблема – не чуждость консюмеризма, а его внутреннее содержание, выраженное в антиценностях индивидуализма, эгоизма, бездуховности. В статье высказывается идея о необходимости поиска сопряженности традиционности и инновационности, выраженной в динамическом консерватизме. Также поднимается проблема осознанного, рефлексивного принятия чужих культурных ценностей в противоположность безрефлексивному заимствованию.

Ключевые слова: культура потребления, глобализация, культура, цивилизация, традиции, новации.

This article argues that consumerism becomes a global type of culture which is dominant in the world in the context of globalization. The culture of consumption carries out cultural expansion. As a result of the consumerization of the world, distinctions between national cultures disappear, their authenticity becomes neutral. Another problem is not the strangeness of consumerism, but its internal content, expressed in the disvalues of individualism, selfishness, lack of spirituality. The article expresses the idea of the necessity of search contingency of tradition and innovation, which is expressed in a dynamic conservatism. It also highlights the problem of conscious, reflexive adoption of foreign cultural values as opposed to unreflective borrowing.

Keywords: culture of consumption, globalization, culture, civilization, traditions, innovations.

В последнее время появляется все больше научных исследований, посвященных проблеме взаимосвязи между национальной культурой и так называемой глобальной, проблеме состояния национальных культур в условиях глобализации. Такой исследовательский интерес – закономерный научный ответ на происходящие в мире социокультурные процессы.

Национальные культуры давно перестали быть вещами в себе. Они сближаются, создают гибридные типы, взаимно открывают границы, обмениваются ценностями и продуктами искусства, взаимообогащаются. Но вместе с тем наблюдается пусть медленная и с виду не агрессивная, но все же культурная экспансия

* Ильин Алексей Николаевич – к. ф. н., доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета. E-mail: ilin1983@yandex.ru.

того, что ранее абстрактно называли массовой культурой, а теперь именуют культурой потребления как более конкретным явлением.

Потребкульт сначала возник в США и Западной Европе благодаря развитию промышленности, информационных технологий, а также тенденций моды, дизайна, рекламы и маркетинга. Однако позже потребкульт подвергся экспорту в различные страны мира и стал поистине глобальным. Помимо того что потребительская культура несет в себе социально подрывной потенциал в виде вещизма, гедонизма, индивидуализма, антипатриотизма, интеллектуальной поверхности, нравственной дефицитарности и т. д., она отчасти смещает национально-культурные особенности различных народов и становится наднациональным, глобальным типом культуры. *Сегодня почти все общества, классы и страты объединила глобальная предметность, а вместе с ней и глобальная знаковость потребкульты.*

В век глобализации, как замечает У. Бек, локальные культуры и идентичности теряют корни и заменяются символиками товарного мира, создаваемыми рекламой и имиджным дизайном мультинациональных концернов: бытие повсеместно превращается в дизайн [Бек 2001]. Что бы ни вещали либеральные проповедники о диалоге культур, в условиях глобализации диалог зачастую трансформируется в захват культурного пространства мира англосаксонским типом массовой потребительской культуры, в культурную экспансию. Да, он стал наднациональным, глобальным, но его «родным домом» выступает западный мир. Примечательно, что консюмеризм восстал против других типов культуры и начал свою победное шествие тогда, когда в самом западном мире произошла культурная трансформация, которая выразилась в забвении традиций, норм и ценностей национальных культур Запада, выстроенных в процессе многовековой истории.

В нынешнюю эпоху общество потребления глобализируется. Мировые СМИ акцентировались на потребительско-стимулирующей функции и, принявшись распространять аналогичные друг другу по нормативно-ценностному содержанию фильмы, ток-шоу, рекламу, стали формировать единые потребительские стандарты по всему миру. Такая стандартизация, с одной стороны, сближает общества, дает возможность адаптироваться к социально-культурным и психологическим особенностям иных стран, но с другой – происходит унификация национальных культур и широкое распространение ценностей потребления, в результате чего потребности и интересы людей все более становятся однородными и стандартизированными.

М. С. Стычинский пишет: «Формирование и распространение в глобальных масштабах единых культурных стандартов, в том числе и ценностей потребления, в условиях глобализации представляется на наш взгляд позитивной тенденцией. <...> Чем больше общего между людьми (в особенности и прежде всего принадлежащих к разным культурам), тем легче им понимать друг друга, вести межкультурный диалог» [Стычинский 2015: 300]. Он, ссылаясь на фразу из нашей работы о нетрансцендентальности, материальности потребкульты, замечает, что массовая потребительская культура способствует секуляризации в глобальном масштабе, и это, по его мнению, снижает межконфессиональную напряженность в мире. Во-первых, трудно усмотреть положительный потенциал в сближении

посредством культурной унификации, отрицать которую может только близорукый в культурном смысле человек. Также и снижение межконфессиональной напряженности методом нивелирования конфессий едва ли имеет позитивный потенциал; это примерно как лечить головную боль посредством отрубания головы. Крайней формой такой логики могут быть слова типа: «Нет культурных и религиозных различий – нет конфликтов» (не аналогична ли этому постулату печально известная фраза: «Нет человека – нет проблемы»?). Именно в культурных различиях кроется смысл самих культур, благодаря возможности сравнения себя с другой культурой каждая из них способна к саморефлексии. Различия – это цветы, произрастающие на почве всего культурного ландшафта человечества. Вторых, потребительские ценности индивидуализма, вещизма и эгоизма едва ли способствуют взаимопониманию и диалогизации на высоком духовном уровне. С таким же успехом, вслед за Стычинским, можно было бы заявить, что приобретающая глобальный размах идеология дегуманизации и эгоизации – позитивный феномен, способствующий солидарности. И такое заявление было бы ненамного абсурднее приведенных слов автора.

Прежде всего транснациональными корпорациями создается плацдарм для развития потребительства в виде насаждения искусственных потребностей и унификации культур. Для того чтобы корпорации продать свой продукт, да еще продать людям той общности, чья культура не нуждается в таких приобретениях (к примеру, «Макдоналдс», который недаром стал именно глобальным символом питания), необходимо создать потребность путем нивелирования культурного разнообразия как сильнейшего барьера для процветания глобального бизнеса. Успешно функционирует индустрия рекламы и маркетинга, которая предлагает одни и те же мировые бренды по всему человеческому социокультурному ареалу.

Постепенно в быт обществ вторгается потребительская культура, подающаяся как наиболее современная и отвечающая требованиям времени альтернатива традиционной культуре. С помощью ее усилий поддерживающие в прошлом этнографическое своеобразие обычаи, ритуалы и стили поведения постепенно исчезают, обмениваясь на новые «прогрессивные» стандарты. С. Батчиков пишет: «Последние 20 лет граждане России были объектом небывало мощной и форсированной пропаганды образа жизни западного общества потребления. Произошло “ускользание национальной почвы” из-под производства потребностей, и они стали формироваться в центрах мирового капитализма» [Батчиков 2015: 45]. В целом эти слова вполне отражают реальность, за исключением двух моментов. Западная пропаганда в отношении нашего народа ведется больше 20 лет, и еще во времена позднего Советского Союза она имела место, вызывая восхищение иностранцами джинсами, жвачкой, кока-колой и многим другим. Непонятно, почему автор говорит в прошедшем времени, ведь эта пропаганда продолжается и уже давно не воспринимается как западная, то есть как исходящая извне. Она вполне успешно интегрировалась в национально-культурный телос (или же этот телос ассимилировала в себе).

Потребительские мифы, говорящие о необходимости приобретения товаров ТНК, оправдывают разрыв с национальным прошлым. Это разрыв дал толчок

к установлению существующего порядка вещей, приведению многих культур к единому знаменателю. Машинерия производства желаний и потребностей не знает отдыха... Международные корпорации превращают мир в плацдарм для реализации глобальных маркетинговых стратегий, ориентированных на стимулирование не менее глобального спроса, а маркетологи становятся агентами продуцирования потребительской идеологии. В условиях глобального рынка происходит всеобщая маркетизация, превращающая почти все культурные явления (в том числе и образование) в товар, а финансовые средства – в универсальный эквивалент.

Другой аспект деятельности транснациональных корпораций – это стремление к монополии. Конечно, любой бизнесмен будет стремиться занять лидирующее место в своей сфере, но что касается особо крупных корпораций, их продукция не всегда качественна, несмотря на то, что они все-таки остаются монополистами. Так, операционные системы Microsoft далеко не во всех случаях отличаются удобством и качеством, однако они лидируют. Примеров можно привести много. Монополист имеет право устанавливать свои – довольно высокие – цены и производить продукт, который уступает по своим характеристикам аналогичному продукту других компаний, которым далеко до конкурирования с тем, кто стоит выше их на иерархической лестнице глобального капитала.

Место национальной моды занимает глобальный аналог – гипермода. Ж. Бодрийяр убежден, что под властью моды все культуры смешиваются в тотальной симулякриванной игре [Бодрийяр 2000]. Мы согласимся с этим утверждением, если будем усматривать в моде не внутрикультурное (в национальном или территориальном смысле) явление, а общекультурную характеристику, которая, с одной стороны, связывает многие культуры, находит точки их сопричастности и соединимости, а с другой – не столько обнаруживает общие точки, сколько их создает, тем самым нивелируя культурные ценности, упраздняя, редуцируя многообразие культур к единой общекультурной основе. Но такое явление уже следует понимать не как моду, а как гипермоду. Гипермоду, которую следует рассматривать как неотъемлемую часть набирающего ход процесса глобализации.

Современные тенденции моды, рекламы и потребительства в России начались с перестройкой и продолжают оставаться ориентированными на западные образцы. Открылись модные бутики, торгующие одеждой по западным стандартам, а по телевидению транслируют многочисленные передачи, посвященные очередным пискам моды из Италии. Их одежда сместила «русский стиль» своей диковинностью, эпатажностью, причудливостью комбинаций и символизмом западного образа жизни, который до сих пор представляется привлекательным и формирует желание у россиян идентифицировать себя с ним. «Урбанизация и культивирование через Интернет и СМИ потребительского образа жизни меняют не только традиционный быт, но и модели общения и поведения, семейные отношения, способы воспитания и обучения подрастающего поколения, что ведет к деградации многих языков и этнического менталитета» [Никитина 2014: 78].

Хотя в России реклама продвигает в основном зарубежные товары, потребители эти товары часто воспринимают за свои. Само же лоббирование иностранных товаров (при условии наличия в России качественных аналогов) оказывает

негативное влияние как с экономической, так и с культурной точки зрения. С позиции экономики страна теряет рынки и уступает их инонациональным компаниям или ТНК. С позиций культуры «фактором внешней и внутренней культурной динамики российского общества становится инокультурный габитус, так как покупая какой-то модный продукт, человек получает “в довесок” соответствующий этому продукту образ мышления и стиль жизни» [Глухова 2011: 71]. «Образ мышления» стоит понимать как культурно-географически (принадлежащий какой-то стране), так и собственно культурно, относительно не некоей географической общности, а того или иного культурного или субкультурного веяния. У культур есть своя география, которая отлична от межстрановых границ. Подражая в одежде, питании и прочем, мы как бы постигаем смысловые структуры чужого стиля жизни. Здесь наблюдается сближение культур, познание «другого», который перестает быть «другим», отчасти культурное обогащение, необходимое в эпоху глобализации и характерное для этой эпохи. Но зачастую это постижение происходит за счет отворачивания от собственной культуры. Многочисленные заимствования из чужой культуры приводят к серьезным изменениям жизни человека в своей культуре и ее восприятию, к утрате различия между домашним и чуждым пространством, к утверждению одновременно ощущения бездомности и космополитизма, номадичности вместо оседлости, наконец, к потере национальной идентичности и чувства патриотизма.

Культурно-цивилизационный обмен необходим, тем более в условиях глобализации взаимопроникновение культур становится неизбежным, отходит назад жесткая идентификация с определенными культурными стандартами, и часто возникает состояние (бывает, весьма оправданное) неудовлетворенности какими-либо элементами своей культуры, музыкой, кино, живописью и т. д. Только тотальное приобщение к иной культуре усиливает состояние неудовлетворенности своей, которое становится уже неоправданным, и национальная культура утрачивает доминирующую и интегрирующую роль. Обмен должен происходить именно как обмен, то есть на уровне компромисса или сотрудничества, а не на уровне односторонних уступок, приспособления или подавления, когда один субъект обмена распространяет себя за счет другого – подавленного им – субъекта.

Исходя из антиинтеллектуализма, бездуховности и безнравственности потребительской культуры, признаем, что словом «культура» она именуется весьма условно. Более целесообразно связывать конюмеризм именно с цивилизацией, а конкретно – с цивилизацией высокого развития, но имеющей «слабую» культуру. Цивилизация, основой которой стали гаджеты и информация, затмевает собой культуру. Имеет смысл заявить о неравномерности распределения в обществе высших достижений культуры и цивилизации: гаджетами пользуются все, а высокими идеалами добра, истины и красоты – единицы. Следовательно, в некоторых аспектах развитие цивилизации идет вразрез с развитием национальной культуры; эти процессы могут быть не взаимодополняемыми, а наоборот, взаимоисключающими. Конюмеризм – восстание цивилизации против культуры. Культура же призвана ограничивать цивилизацию, как мораль – ограничивать рациональность. Цивилизация достраивает многообразие мира или, можно сказать, порождает все новые и новые миры, но культура ограничивает «дурное до-

страивание». Посредством гиперинформатизации и стремительного роста технологий цивилизационные аспекты человеческого бытия приобретают довлеющий статус над культурными. Здесь мы видим актуальнейший парадокс современности: *при прогрессе цивилизации произошел поворот к регрессу культуры*.

В галактике консюмеризма господствуют вещизм, индивидуалистическая логика и нарциссизм. Они принципиально антитрадиционалистичны. Изолированному от общества индивиду-потребителю, который устанавливает свои интересы выше любого закона и нравственного императива, свойственно отказываться от традиций предков, основывавшихся на непотребительских и коллективистских ценностях.

Общество должно гармонично сочетать в себе культуру и цивилизацию, так как существование одного без другого не представляется возможным. Собственно, общественный прогресс – это культурно-цивилизационный прогресс. При усилении технизации общественной жизни не стоит забывать о ее гуманитаризации. Если же какие-либо крайне консервативные обычаи потеряли свою актуальность и способность конвертироваться в будущее, если они выступают барьером для дальнейшего общественного развития, если, выражаясь словами К. Маркса, традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых [цит. по: Грушин 1987: 66], они, будучи одним из проявлений культуры, могут уже не обогащать общество духовностью, а отравлять его пылью старых догм, превращаться в пережиток, свет угасших звезд. Это нормально, когда происходит недопреемственность, когда из прошлого принимается далеко не все. Если бы имел место процесс полной преемственности, трудно было бы представить развитие культуры. Некоторые универсальные ценности и традиции неподвластны времени, какие-то элементы культуры, переставшие соответствовать жизненной реальности, отмирают, а другие рождаются. Поэтому под понятием «традиционализм» мы подразумеваем вовсе не уклад, в котором инновации абсолютно неприемлемы. Такой уклад в принципе невозможен, так как любое общество вовлечено в процесс развития. Имеется в виду, что в традиционалистских обществах, в отличие от инновационистских, стремление к новациям выступает вторичной ценностью, подчиненной традиционности как приоритетной ценности.

Жесткий традиционализм страдает обычно фундаменталистским диктатом, неприятием прогресса и отчасти иррационализмом. Ему может быть свойствен нормативно-нравственный догматизм, монументализация ценностей, несмотря на то что они перестают соответствовать времени. Консервируя все и вся, он затрудняет возможность для общества развиваться и адаптироваться к мировым условиям, к глобальному прогрессу, к «мировой текучести». Такая стабилизация, не приемлющая развития и разнообразия, как бы парадоксально это ни прозвучало, сама становится гарантом собственного подрыва, так как именно разнообразие и развитие – условия поддержания стабильности (в хорошем смысле этого слова). К примеру, без прогресса в вооружении страна может быть захвачена своими геополитическими соперниками, которые достигли более совершенного уровня в вооружении.

Крайне нигилистический в своем отказе от традиционности инновационализм отягощен инфантилизмом и амнезией к мудрости предков. Например, кризис тра-

диций приводит к нравственной вседозволенности, к расшатыванию семейных устоев, выраженных в увеличении количества разводов, числа неполных семей, распространении аборт, усилении ценности личной независимости в противовес таким ценностям, как долг, забота о родителях, ответственность за семью. В отличие от традиционалистской догматизации морали, инновационизму свойственна позиция относительности моральных норм, нравственный релятивизм, что бросает общество в сторону нейтрализации нравственности. Инновации бывают как положительными, так и отрицательными (тот же глобальный потребкульт). Поэтому каждый из описываемых типов, предстывая в гиперболизированном облике, несовершенен в деле обеспечения культурной самодостаточности и глубины. Как традиции в своей застенелости, так и инновации в своей абсолютизации ценности новизны способны приводить к деградации культуры.

Общество без традиций невозможно, так как оно перестанет быть обществом в культурно-историческом смысле, оно утратит чувство уважения к своей истории и культуре и, соответственно, способность к их сохранению. Недаром говорится о потенциале пластичности, которым должна обладать традиция [см.: Шемякина 2011]. В этом смысле стоит говорить о том, что рост обеспечивается сильными корнями. Благодаря традициям происходит отфильтровывание внешних влияний или их ассимилирование, «подгонка» под свои социально-культурные особенности. Традиции – защитный пояс народа, сохраняющий его жизнеспособность.

Общество без прогрессивных инноваций также не представляется жизнеспособным, поскольку инновации как результат проявляемого творчества необходимы для дальнейшего общественного развития. Правда, инновации бывают разными, так как концентрационные лагеря фашистов, приведшие к обеднению значительной части населения реформы Гайдара, ювенальные технологии и многие другие продукты деятельности, ориентированной на новизну, следует считать инновациями, но явно не прогрессивными в социальном, экономическом и других смыслах. Новое – не всегда ценное. Поэтому под инновациями необходимо понимать не просто нововведения, а нововведения необходимые, причем не узкой категории лиц (олигархам, чиновникам и т. д.), а большинству населения. Правильна формула не «новое-для-себя», а «новое-для-общества». Любые новшества требуют по отношению к себе оценки с позиции перспектив, которые они способны принести человеку и обществу. Новое должно не уничтожать старое, а улучшать или дополнять его, ибо любое социокультурное развитие ограничено определенными рамками (жизненно необходимые традиции, специфика прочтения собственной истории, особенности отношения к себе, к миру, к различным видам деятельности и т. д.), при переходе за которые оно способно смениться своей противоположностью. Таким способом прокладывается путь к устойчивому развитию, не сопряженному с деструктивной тенденцией кардинального слома прошлой культуры и социосистемы, а предполагающему ее планомерное совершенствование.

Утвердившийся конюмеризм с характерным для него продуцированием технологий, большинство из которых не отличаются действительной полезностью, способен привести культуру к ее противоположности. Нарращиваемая потребкульту-

том скорость возникновения и смены новаций мыслится как дурная бесконечность, хаос новизны. Поток гаджетонуваций, актуализируемый потребительской экономикой, близится к абсурду. Если большинство из них обладают сомнительной ценностью, то консюмеристские идеалы, пришедшие на смену предыдущим идеалам, обладают антиполезностью, а потому их следует считать вредными культурными новациями. Движение цивилизации вперед способно привести к движению культуры назад, эволюция техники – к деэволюции человека, общества и естественной среды обитания. Наконец, необходимо движение не к прогрессу ради прогресса, не к сопряженному с культурным регрессом гаджетопроцветанию. Необходимо движение не *вперед* к прогрессу технологий, оборачивающемуся своими интеллектуальными, нравственными, экологическими и прочими издержками, а *вверх*, к совершенствованию человека, общества и культуры.

Консерватизм в своей радикальности означает стремление к удержанию мира в его косности, а радикализм новационизма предполагает разрушение идентичности мира. Культура и социосистема жизнеспособны и способны к развитию, когда они совмещают в себе обе противоположные тенденции, не скатываясь ни к одному из полюсов. Создаваемые инновациями качественные различия с предшествующими типами культуры и цивилизации должны сопрягаться с сохранением линий преемственности, ибо культура хранит и транслирует традиции, а также генерирует новые ценности и смыслы. *Ликвидация неизменного приводит к исчезновению фундамента, а отказ от изменчивого формирует невозможность обновлений.*

Традиции и новации, как культура и цивилизация, призваны дополнять друг друга, ибо утрата первого приведет к потере культурного стабилизирующего ядра, а утрата второго – к потере способности социума двигаться вперед. Высказанная нами мысль в своем метафизическом содержании отсылает к диалектичности одновременного сосуществования устремленности в будущее и укорененности в прошлом. Общество призвано развиваться, а не стоять на месте. Но процесс развития нельзя ни замораживать сверхконсервативностью, ни давать ему полную свободу безграничной инновационностью. Последняя перебрасывает мост в построенный проект грядущего, делает это грядущее более близким к настоящему, максимально активно двигает настоящее к проекту будущего, но бесконечно отдаляет его от прошлого, наполненного мудростью, которая может пригодиться всегда. *Призыв к будущему важно сочетать с опытом прошлого, а будущее представлять не как «возвращенное в прошлое», а как будущее, вобравшее в себя прошлое.* Ведь без постоянного нет фундамента, а без изменчивого – обновления. Наиболее целесообразно назвать предлагаемый нами путь динамическим консерватизмом. Такой консерватизм препятствует движению не вперед, а именно назад. Он оберегает от безудержного энтузиазма в отношении нововведений самого разного облика, но в то же время характеризуется тонкой чувствительностью к различным потенциям, могущим реализоваться. Он вместо замороженных форм предполагает творческое переосмысление традиционности, так как только развивая традиции можно двигаться вперед и – как ни парадоксально это на первый взгляд звучит – оставаться современным. В ином случае полный разрыв

с традициями вместо современного статуса знаменует собой упадок в некое безвременье, временную неукорененность.

Любой народ отличается своими ценностями, поэтому в каждой стране возможен свой консерватизм. Никакого глобального консерватизма, его универсалистского проекта, быть не может. Следовательно, консерватизм носит не универсалистский, а национальный характер. «Вместо модели “общества потребления” русский консерватизм постулирует модель “общества созидания”» [Кобяков 2015: 98]. По крайней мере, должен его постулировать.

Для существования народа и развития областей его жизнедеятельности нужна гармония устойчивости и подвижности, чтобы новшества не отменяли ценную традиционность, но и чтобы традиции не противостояли разумным требованиям современности, а даже наоборот, становились условием позитивных сдвигов вперед, позволяя экономить силы для освоения новшеств и отвечать вызовам современности. «...В масштабах общества или отдельного человека **благополучие достигается путем баланса между традициями и новациями**» [Шелейкова 2015: 130]. Именно такой баланс позволит преодолеть крайности нравственного догматизма и морального релятивизма в некоей срединной точке реализма.

Преемственность осуществляет коррекцию над инновационностью, особенно над (в некоторых случаях проявляемым) инновационным радикализмом, стремящимся вывести новацию за пределы культурных – нравственных, рациональных и т. д. – границ. Преемственность вписывает революционные сдвиги в культурные реалии. Социально-культурная самоорганизация должна происходить так, чтобы внешние заимствования абсорбировались, «редактировались» и создавался органичный традиционно-инновационный комплекс. Необходимо, чтобы под прессом внешних влияний у общественного сознания сохранилась способность осуществлять полезную гибридизацию «своего» и «чужого», трансформировать внешнее и адаптировать к себе, и приспособление к инновациям и внешним заимствованиям не углублялось, не радикализировалось настолько, чтобы требовало концептуального демонтажа общественного сознания.

Преображение традиций часто связано с их переосмыслением, приданием им новых смыслов. Это можно назвать осовремениванием архаики, при котором старые формы бытования смысла вписываются в современный контекст, что способно «помочь культуре выйти на качественно новый виток развития» [Сергеев 2011: 34], обеспечить преемственность, поддержать культурную идентичность. Однако современная культура строится не на фундаменте прежней, а на ее отрицании, из материала чужой культуры.

Новизна не всегда бывает положительной, что наглядно показал опыт посткоммунистической России, интегрировавшей западную новизну. Россия приняла массу негативных черт западной культуры конюмеризма: эгоизм, индивидуализм, аполитичность сознания, антиэкологизм и т. д. Хотя представители политического неоллиберализма внушали, что при переходе на западный путь развития мы обустроим свою жизнь во всех отношениях, развития не получилось. Культура только обеднела, экономика и производственная сфера ослабели, социальное сознание демонтировалось. Как справедливо заметила В. Г. Федотова, «Россия не переняла западные технологии настолько, чтобы стать постиндустриальной

страной, но переняла многие внешние манеры и стили жизни, пытаясь следовать догоняющей модернизации. Она переняла пороки западной цивилизации еще до того, как освоила ее достижения» [Федотова 2005: 20]. Нередко новые заимствования насаждаются как единственно верные учения, не терпящие никаких альтернатив, – достаточно вспомнить перестроечный лозунг «Иного не дано». Так же и либерализация, и непосредственно связанная с ней консюмеризация насаждались как безальтернативные проекты, без учета вариаций и культурной самобытности страны.

Процессы глобализации должны сближать разные культуры, обеспечивать их диалогичность. Однако продолжает существовать и укореняться западоцентризм. В отдельных областях жизни – науке, философии, религии, в быту, политических, экономических и прочих ценностях – западная модель провозглашает свою приоритетность, невзирая на альтернативные проекты, не желая видеть Других, признавать их, смотреть им в лицо и осознавать значимость их проектов, не стремясь понимать и принимать различия. Модели пресловутой европейской демократии, стихийности рынка, так называемой защиты прав ребенка (крайне вредных идей ювенальной юстиции), толерантности к сексуальным извращениям активно экспортируются в разные регионы мира, а те страны, которые их не принимают (и правильно делают), объявляются Западом тоталитарными, варварскими и недоразвитыми. То есть Запад взял на себя право вершить высший суд, выставляя свой жизненный уклад как априорно образцовый, давать оценки даже тем, кого он не понимает и не желает понимать. Так экономический и политический колониализм дополняется культурным колониализмом. На его смену должно прийти не создание единой метакультуры под чьим-то национальным или региональным знаменем (именно европейское знамя как раз и виднеется повсеместно в мире), а взаимообогащение при сохранении многообразия, богатства и глубины национальных особенностей.

Причем эпоха культурного расцвета Запада давно миновала, и сейчас в нем лоббируются ценностные ориентации, разрушительные для общества и человека: пропаганда сексуальной «раскрепощенности», индивидуализма, потребительского вещизма, разрушающего семью тотального приоритета ребенка над правом родителя его воспитывать и т. д. В итоге мы наблюдаем отчасти трагичную, отчасти комичную ситуацию: Запад активно насаждает свои ценности тогда, когда его культура претерпевает упадок. Цивилизация, в которой угасает культура, в которой на место культуры пришло потребление, которая находится под протекторатом мирового полицейского в лице США, учит мир жизни и диктует правила «хорошего тона».

Для правящей элиты России характерно не только массовое, но и чрезмерно западоцентричное (до необоснованности выраженный западоцентризм) мышление. Поэтому России навязывается догоняющий тип модернизации, и догонять предполагается Запад. Только данный проект игнорирует возможность «модернизационной вариативности», существующего многообразия модернизаций, которое основано на различиях в культурах, проблемах и задачах разных стран. Догонять кого-то – значит использовать некий чужой образец для подражания и придерживаться линейной точки зрения на прогресс. Тем более реализация западного пути

нам уже известна, так как такой реализацией она была только на словах, а на деле привела, наоборот, к разрыву с Западом по многим критериям: зарплата, система производства, промышленность, социальная защита и т. д. (в СССР наблюдался рост по названным показателям, а постсоветская Россия от такого роста отказалась). Ведь в 1990-е гг. осуществленное под лозунгами перехода на западные рельсы реформирование привело к тотальной деиндустриализации, снижению показателей почти во всех сферах жизни страны и сырьевой зависимости от Запада. Промышленность, оборона, сельское хозяйство, народное благосостояние серьезно пострадали от такой «модернизации», которую осуществляли отчасти под диктовку чикагских советников и других американских и проамериканских специалистов. Задача этих специалистов сводилась не к усилению России, а, наоборот, к ее ослаблению, к доведению до упадка своего геополитического конкурента и превращению его в страну, которая станет реализовывать не свои национальные интересы, а интересы тех, в чью зависимость она была брошена. Запад стремился построить в России не такую же экономическую систему, как у себя, а такую, которая будет его устраивать. Но реформирование сопровождалось риторикой и декларациями о построении общества и страны именно по западному образцу.

Приведем отрывок из Валдайской речи В. В. Путина: *«Практика показала, что новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам. Самоустранение государства, общества не сработало, так же как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету – неотъемлемая часть нашего национального характера»* [Платонов 2015: 167]. Хочется верить, что эти слова – не просто очередная политическая декларация. Кстати, трудно полностью согласиться с тезисом, что попытки цивилизовать Россию извне не были приняты большинством. Это вопрос дискуссионный. В годы перестройки, конечно, новые власти без учета мнения большинства выстроили свой «инновационный» курс, но ведь и немало людей рукоплескали реформаторам. Да, они были обмануты лживой пропагандой, но все-таки их насчитывались далеко не единицы. Позже нас ненавязчиво убедили, что конюмеризм – это благо. И продолжают убеждать, о чем свидетельствует медиаконтент в СМИ. А чем в большей степени инновации принимаются в обществе – пусть даже это приятие осуществляется лживо-манипулятивным путем, – тем труднее им противостоять.

Но даже весь совокупный исторический опыт человечества не даст ни нам, ни любой другой национальной культуре готовый рецепт жизни в самом широком смысле этого слова. Поэтому некритичное заимствование (и необдуманная попытка кого-то догнать и перегнать) всегда деструктивно, особенно если оно происходит резко, революционно и перечеркивает ценности уже достигнутого, десакрализирует богатство прошлых времен. Любое заимствование требует осознанности, сознательного отношения к инокультурным явлениям и адаптации их к существующей культуре. Без(д)умное копирование есть негласное признание полного неуважения к себе и смерти национального духа. Безрефлексивное пере-

нимание чужих образцов, тотальная экзогенность разрушают культуру. Народ, идентифицирующий себя с чужой культурой – да еще и с эгоистической, меркантильной и монетарной культурой потребления, обретает риск потери своей духовности, своей истории, наконец, утраты себя как национальной общности и самопревращения в иного, в совокупность номадических, забывших о своем родстве единиц.

Продукты иной культуры необходимо интериоризировать, усваивать, перекодировать так, чтобы они подходили своей культуре и не вступали в противоречие с ее элементами (аксиологическим, этическим, эстетическим и т. д.). Для вхождения в другую культуру чужие смыслы должны стать чем-то иным, преобразиться в матрице базовых смыслов принимающей их культуры. Освоение чужих образцов требуется осуществлять на собственной культурной почве. Успешное заимствование обогащает культуру, повышает ее внутреннюю вариативность. Тогда экзогенность кооперируется с эндогенностью, чужое – со своим. Соответственно, не происходят полное укоренение в чужом, пренебрежение к своему и полная утрата собственной идентичности и самобытности. Но и, с другой стороны, не наблюдается тотальной консервации, абсолютного пропадания в своем, родном, но отрезанном от иного опыта, отдельные образцы которого могут быть крайне полезными. Преemptивность через разрыв, да еще и не критичность по отношению к внешним образцам едва ли несет в себе конструктивизм. Она превращает историю в дискретные куски событийности. Помимо чуждости иной культуры, настораживать должно ее содержание. Культура потребления вредна не потому, что она чужая, а потому, что по своим содержательным характеристикам она отличается принципиальной бездуховностью, индивидуализмом и культом вещиности.

Либеральная ориентация на Запад противоречит усилению России, ее возрождению и облагораживанию российского общества во всех смыслах этого слова. Кроме того, «либерализация современной России превратилась в процесс слома ценностей цивилизационной идентичности России и в ней – исторической и национальной идентичности русской нации. А либерализм, круша все на своем пути, все формы идентичности, не адекватные западным, в идейное оружие ничем не прикрытого цивилизационного разбоя. В этом смысле главная проблема современной исторической модернизации России, осуществляемой от имени и во имя либерализации России – идентификационная» [Козин 2006: 52]. В этих словах заключен не догматизм, а вполне обоснованный подход, определяющий необходимость учитывать культурные особенности народа перед принятием, заимствованием «форм внешней новизны».

Абсолютное принятие чужих (необязательно европейских) ценностей выхлещивает свойскость народа, его инаковость и превращает его в некий псевдонарод или субнарод (по отношению к народу, чьи ценности были приняты и абсолютизированы). Значит, встреча народов, основанная на их всеобщем принятии чуждых для каждого из них систем культурных универсалий, превращается во встречу псевдонародов. Культура не должна быть полностью закрыта, ибо каждой культуре необходимо взаимодействие с другими. Но ей непозволительно быть и совершенно открытой.

Недаром в последнее время участились разговоры о культурном империализме. Русские на протяжении веков относились к труду и жизни в целом как к чему-то, над чем господствует сверхзадача общесоциального порядка, которая давала человеку не индивидуальный, а коллективный смысл. Когда-то сверхзадачей была формула «самодержавие, православие, народность», позже ей стало коммунистическое светлое будущее. В качестве сверхзадач можно воспринимать помощь славянским народам, создание Российской империи и т. д. Сейчас скрепляющей сверхзадачи нет, на ее место пришли разъединяющие индивидуалистические цели. Возможно, широкое развитие аддикций является следствием в том числе исчезновения сверхзадач, которые рождали в душе людей глобальный всечеловеческий смысл и направляли их поведение.

Хотя некоторые западники укоряют Россию в том, что в ней не было ни Возрождения, ни Просвещения, ни Нового времени, вряд ли эти историко-культурные явления выступают некоей сверхценностью, и вряд ли страны, где они не проявились, заведомо стоит воспринимать как пустыни, подобие баумановских не-мест. Целому ряду неевропейских стран такая «историческая лакуна» не мешает развиваться в самых различных аспектах. Впрочем, в данной позиции западников нет ничего удивительного, особенно когда замечаешь, что Запад часто воспринимает признание роли национальных особенностей в формировании той или иной социальной системы как проявление чего-то, подобного расизму, а свой социальный строй – как наилучший и единственно верный для любого народа. Ведь Запад давно требует от других стран переходить на его стандарты, невзирая ни на какие национальные качества и особенности, сложившиеся в ходе многовековой истории народов. Конечно, под лозунгом перехода на эти стандарты Запад стремится ослабить конкурентов, как это было с Советским Союзом, который наши геополитические противники постоянно призывали западнизироваться. Но это уже другой вопрос.

Любое заимствование должно соответствовать традициям и ценностям общества, которые дают социуму обязательную возможность поддерживать связь с прошлым, ощущать его в качестве присутствующего сейчас. Проблема в том, что российский социальный код долгое время претерпевает путь если не разрушения, то трансформации, и сегодня трудно сказать с уверенностью, что он собой представляет. Проблема в том, что Россия заимствует совокупность вредных тенденций потребительства, которые нельзя и не нужно перерабатывать на свой национальный лад, ибо они в корне противоречат любой национальной инаковости. Они просто не нужны.

Особенно актуальна сегодня проблема бездомности и безродности, связанная с антипатриотизмом, манкуртизмом и забвением исторической памяти, когда со стороны прежде всего цивилизованного Запада происходит внедрение в нашу культуру ценностей космополитизма. Под властью этих ценностей теряется как национальная идентичность, так и осознание этой потери, осознание заброшенности в состояние бездомности и исторического сиротства.

Россия останется, сохранит свою идентичность, самодостаточность и национальное самосознание, когда освободится от диктата потребкульта, который приматом экономической целесообразности над духовной дегуманизирует личность

и общество и разрушает традиционные национальные ценности. Российской культуре следует перестроиться так, чтобы межкультурные взаимодействия являлись опорой для самостроительства, а не саморазрушения в без(д)умном потоке чужих заимствований.

Литература

Батчиков С. Путин и хаос глобализации // Путин: в зеркале «Изборского клуба» (Книга вторая). М. : Изборский клуб, Книжный мир, 2015.

Бек У. Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000.

Глухова Т. И. Потребление как фактор изменений в социальной жизни российского общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5(58). С. 66–78.

Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М. : Политиздат, 1987.

Кобяков А. Вперед и вверх // Путин: в зеркале «Изборского клуба» (Книга вторая). М. : Изборский клуб, Книжный мир, 2015.

Козин Н. Г. Искушение либерализмом // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 47–66.

Никитина Э. В. Этнические процессы в глобальном информационном пространстве // Информационное общество. 2014. № 5–6. С. 77–83.

Платонов О. Миссия выполнима // Путин: в зеркале «Изборского клуба» (Книга вторая). М. : Изборский клуб, Книжный мир, 2015.

Сергеев Д. В. Культурно-семантические стратегии преодоления культурного кризиса в общественном сознании // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 28–36.

Стычинский М. С. Массовая культура как фактор унификации общественной жизни // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3(44). С. 298–303.

Федотова В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 3–23.

Шелейкова Н. И. Вечный «старо-новый» мировой порядок. М. : Беловодье, 2015.

Шемякина О. Д. Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 106–116.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР И ЕГО ПРИНЦИПЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Саямов Ю. Н.*

Автор обращается к истории Вестфальского мира, завершившего Тридцатилетнюю войну в Европе и создавшего Вестфальскую систему международных отношений, прослеживая эволюцию последней и анализируя ее принципы и значение применительно к современности. В статье рассматриваются разные точки зрения на возникновение Вестфальской системы международных отношений и ее последующую эволюцию. Отмечается, что в то время как одни продолжают считать принципы Вестфальского мира эталоном отношений между государствами, другие утверждают, что глобализация привела к размыванию суверенитета государств и вместе с этим – к кризису международных отношений на Вестфальских принципах, на смену которым должны прийти некие другие. Однако эти принципы, в частности, принципы национального суверенитета и равноправия государств, получившие с течением времени глобальное распространение, остаются основой международных отношений до настоящего времени.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война, Вестфальский мир, суверенитет, Вестфальская система международных отношений.

The author appeals to the history of the Peace of Westphalia which concluded the Thirty Years War in Europe and established the Westphalian system of international relations while tracing its evolution and analyzing its principles and meaning as applied to the present time. Different views on the emergence of the Westphalian system of international relations and its subsequent evolution are considered in the article. It is shown that while some researchers are regarding the Westphalian principles as a model of relations between states, others are convinced that the globalization has led to a dilution of the states' sovereignty and, at the same time, to the crisis of international relations based on the Westphalian principles which should be replaced by some others. However, the Westphalian principles, in particular, the principles of the national sovereignty and equality of states having been globalized in the course of time and remain to be a foundation of international relations till now.

Keywords: Thirty Years' War, Peace of Westphalia, sovereignty, Westphalian system of international relations.

* Саямов Юрий Николаевич – к. и. н., заведующий кафедрой ЮНЕСКО факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: y.sayamov@yandex.ru.

Триста семьдесят лет назад окончилась Тридцатилетняя война в Европе (1618–1648). Конфликт, которому суждено было продлиться 30 лет и втянуть в свою орбиту практически все европейские страны, вспыхнул в 1618 г. как религиозное столкновение между протестантами и католиками. Ее началом считается знаменитая Пражская дефенестрация (дословно: выбрасывание из окна) 23 мая 1618 г., когда чешские протестанты, восставшие против попыток рекатолизации со стороны чешского короля из дома Габсбургов, выбросили его представителей из высокого окна Пражского града в крепостной ров. Религиозный конфликт перерос в борьбу против доминирования Габсбургов в Европе. Развернувшиеся в Чехии военные действия вскоре распространились по территории Священной Римской империи, которая стала основной ареной борьбы [Алексеев 1961]. На ней Габсбурги с их династическими владениями в Центральной и Восточной Европе в союзе с большинством католических княжеств Германии, Испанией и Португалией, папским престолом и Речью Посполитой противостояли антигабсбургской коалиции в составе Франции, Швеции, Дании, протестантских княжеств Германии, Чехии, Трансильвании, Венеции, Савойи и Республики Соединенных провинций, как тогда назывались Нидерланды. Антигабсбургской коалиции в той или иной мере оказывали поддержку Англия, Шотландия и Россия. Конфликты за пределами Германии выливались в локальные войны: войну Испании с Нидерландами, Русско-польскую войну, Польско-шведскую войну и др. Боевые действия, развернувшиеся в Центральной Европе, главным образом на территории современной Германии, а также сопровождавшие их голод и эпидемии опустошили целые регионы и привели к истощению ресурсов противоборствующих лагерей. Армии обеих сторон, грабя население, передвигались из одного региона в другой в поисках пропитания и добычи. Многие города подвергались разграблению по несколько раз подряд. На юге Германии войну пережила лишь треть населения. Территориям, по которым прошла война, потребовалось больше века, чтобы восстановиться от ее последствий [Веджвуд 2012].

Тридцатилетняя война стала одним из самых тяжелых, разрушительных и кровопролитных конфликтов до мировых войн XX в. Противоборствующие стороны все больше чувствовали усталость от войны и, продолжая военные действия, начали искать пути к всеобщему урегулированию проблем, ставших причиной конфликта. Было件件но, что такая задача по силам только широко представительному общеевропейскому конгрессу высокого уровня, который стороны условились провести на территории Вестфалии – исторической области на северо-западе Германии, в двух соседних городах – католическом Мюнстере и преимущественно лютеранском Оснабрюке. Оба города становились на время конгресса нейтральными и демилитаризованными. Стороны с союзниками распределились по городам: шведские лютеране и представители империи расположились в Оснабрюке, в то время как представители Франции, Испании и Нидерландов заседали в Мюнстере.

4 декабря 1644 г. месса и пышная процессия ознаменовали открытие переговоров, которые заняли больше трех лет. Работу конгресса затрудняло то, что все европейские проблемы подлежали обсуждению, каждый участник при этом пристально следил за изменениями военной ситуации на разных фронтах, влиявших на переговоры и на последующее принятие трудных решений [Arndt 2009].

Первым решением конгресса в январе 1648 г. стало предоставление независимости Соединенным провинциям Нидерландов. Их, наконец, согласилась при-

знать Испания, которая таким образом освободилась от одного из своих противников, возможно, самого непримиримого и упорного. 30 января 1648 г. отдельно был подписан Мюнстерский мир, который прекращал 80-летнюю войну между Испанией и Соединенными провинциями. Республика Соединенных провинций Нидерландов и Швейцарский союз по условиям Вестфальского мира стали независимыми государствами и вышли из состава Священной Римской империи.

Что же касается основного содержания договора о Вестфальском мире, то он состоял из двух текстов на латинском языке, подписанных 24 октября 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюке. Неурегулированным после Вестфальского мира оставался конфликт между Францией и Испанией до заключения Пиренейского мира в 1659 г., который нередко рассматривается как часть общеевропейских договоренностей. К этому времени независимая Каталония, столица которой Барселона в 1651 г. была вновь осаждена королевскими войсками, в следующем (1652) году капитулировала, впрочем, заручившись обязательством короля Филиппа IV подтвердить старинные каталонские привилегии. По Пиренейскому миру французский король Людовик XIV теперь отказывался от притязаний на Барселону. В обмен он получал другую каталонскую землю с французской стороны Пиренейского горного хребта – графство Руссильон, вошедшее в состав французского королевства [Ивонина, Прокопьев 1996].

Помимо перераспределения территорий между участниками конгресса, составившего внушительный список, Вестфальский мир определил новый характер отношений между императором Священной Римской империи и ее субъектами – имперскими сословиями, установив конституционные рамки, которые действовали в империи до прекращения ее существования в 1806 г.

Война серьезно изменила расстановку сил в Европе и мире. Она не привела к краху Габсбургов, но гегемония перешла к Франции. Упадок Испании стал очевиден. Швеция достигла цели превращения Балтики в «шведское озеро» и вступила в полувековой период великодержавия, продлившийся до конца Северной войны. Свыше 300 мелких германских государств получили фактический суверенитет при номинальном подчинении власти императора. Приверженцы крупнейших течений христианства на территории Священной Римской империи – католицизма, лютеранства и кальвинизма – обрели равные права. Итогом Тридцатилетней войны стало резкое ослабление влияния религиозных факторов на жизнь государств Европы. Их внешняя политика стала определяться экономическими, династическими и геополитическими интересами [Семченков 2009].

Важнейшим итогом Вестфальского мира стало формирование системы международных отношений в результате осознания правителями европейских государств необходимости упорядочить правила игры между собой и на европейской и мировой сцене в целом.

Основными принципами Вестфальской системы международных отношений, заложенными в Вестфальском мирном договоре, стали взаимное признание национального государственного суверенитета и равноправия государств. Эти принципы, получившие с течением времени глобальное распространение, остаются основой международных отношений до настоящего времени. Они подразумевают:

- приоритет национального интереса;
- принцип баланса сил;
- приоритет государств-наций;

- обеспечение государственного суверенитета;
- право государств требовать невмешательства в свои дела;
- равенство прав государств;
- обязательство выполнять заключенные договоры;
- признание международного права и применения дипломатии в международных отношениях.

При этом соблюдение договоров, уважение принципов и норм международного права и регулярная дипломатическая практика признаются важнейшими элементами двусторонних и многосторонних международных связей и неотъемлемым атрибутом отношений между государствами.

Вестфальский мир оказал огромное влияние на развитие международного права, определив новую систему его принципов. Вестфальский договор считается переломной точкой в становлении международного права и базовым документом, на основе которого получил свое развитие институт международно-правовых гарантий. На его основе была впервые сформирована декларативная теория международно-правового признания государств, согласно которой достаточно самого факта провозглашения нового государства для возникновения у него международной правосубъектности. Исходя из этого принципа, были признаны получившие независимость Швейцария и Нидерланды. Вышедшее на европейскую и мировую арену Московское государство стало одним из участников Вестфальских договоренностей. Было провозглашено равноправие европейских государств вне зависимости от государственного строя и веры. Страны с республиканской формой правления стали рассматриваться как равные с другими государствами в отличие от существовавшего ранее отношения к ним как к второсортным государственным образованиям. В рамках Вестфальского трактата впервые было сформировано понятие суверенитета государства как «права на территорию и верховенство». Признание принципа «суверенности национальных государств» закрепило за государствами роль основных субъектов международного права.

В Вестфальских соглашениях берут свое начало идеи общеевропейской безопасности и сотрудничества европейских государств в целях поддержания мира в Европе и на всей планете.

Для решений, принятых в рамках Вестфальского мира, использовалось творческое наследие голландского юриста, философа и государственного деятеля Гуго Гроция (1583–1645), который вошел в историю как отец международного права и основатель классической теории международных отношений, заложивший основы новых международно-правовых подходов в своем труде «О праве войны и мира». В отличие от других философов и правоведов Гроций объяснял возникновение права не божественным, а рациональным фактором, полагая, что причиной возникновения государственности и создания законов стала потребность людей в общении. Гроций считал допустимыми справедливые войны, которые по своей природе являются оборонительными и направлены на защиту граждан государства и их имущества. К недопустимым он относил несправедливые войны, в основе которых – агрессия, захват, порабощение, стремление взять чужое, что, по его мнению, противоречит естественному праву и законам мирного сосуществования. Исходя из того, что война должна быть обоснована, а ее средства и методы ограничены, Гроций впервые заявил о необходимости права ведения войн и права народов на основе уважения законов Бога и человека. Верховенство права

должно остановить безумие войны, дающее свободу совершать любые преступления. Право также должно регулировать и отношения между государствами по аналогии с тем, как оно регулирует отношения между людьми, преследуя цель всеобщего блага и справедливости. Идеи международного права, регулирующего отношения между государствами на принципах сотрудничества, равенства и светского начала, высказанные Гуго Гроцием, оказали существенное влияние на последующее развитие политико-правовой мысли и формирование теоретических основ нового светского юридического мировоззрения.

Учение Гуго Гроция и Вестфальский мир привели к созданию классического международного права и его распространению в глобальном измерении [Баскин, Фельдман 1990].

Сегодня существуют разные точки зрения на возникновение Вестфальской системы международных отношений и ее последующую эволюцию. В то время как одни продолжают считать Вестфальские принципы эталоном отношений между государствами, другие утверждают, что глобализация привела к размыванию суверенитета государств и вместе с этим – к кризису международных отношений на Вестфальских принципах, на смену которым должны прийти некие другие. В связи с этим в англоязычной литературе появился даже специальный сложносочиненный термин *Westfailure*, по смыслу обозначающий провал Вестфальских соглашений [Strange 1999: 345–354].

Говоря о проблемах Вестфальских принципов сегодня, отмечают, что:

- объем суверенитета государств предстает ограниченным внутренними и внешними факторами: государственные образования делятся частью своего национального суверенитета, вступая в международные организации и соглашения или принимая на себя международные обязательства в отношении внутренней жизни страны (например, отказ от применения смертной казни);

- Соединенными Штатами Америки проводится политика ограниченного суверенитета, которая подразумевает право США и их союзников на вмешательство во внутренние дела других государств, развязывание против них военных действий и вооруженное вторжение на их территорию, если от них якобы исходит угроза для США и мирового сообщества, как это было заявлено в качестве предлога для вторжения в Ирак в 2003 г., что позже не подтвердилось, или же существует острая необходимость гуманитарной интервенции в целях обеспечения прав человека, что было обоснованием бомбардировок Югославии в 1999 г. и тоже никакой реальной основы под собой не имело;

- действует примат института прав человека над институтом суверенитета, который самым активным образом продвигается США и их союзниками;

- за последние два-три десятилетия сложилось международное гуманитарное право, которое существенно ограничивает власть государства над его гражданами;

- происходит становление сетевого сверхгосударства – Евросоюза, который последовательно и целенаправленно преодолевает синдром национального государства, усматривая в этом суть и основное содержание европейского интеграционного проекта;

- один из основных принципов современного международного права – принцип самоопределения народов и наций – на практике нередко вступает в противоречие с двумя другими основными принципами – суверенного равенства государств и территориальной целостности государств;

– растет количество так называемых несостоявшихся государств, которые, запутавшись в международных долгах, кредитах и обязательствах, практически все более утрачивают возможность возврата к статусу полноценного суверенного государства;

– процессы глобализации размывают национальную идентичность стран, составляющую основу национального суверенитета;

– захлестнувшие многие страны мощные миграционные потоки, которые стали, по существу, новым «великим переселением народов», стремительно разрушают идентичность сложившихся национальных государств [Кортунов 2007].

Вопрос о суверенитете предстает сегодня достаточно сложным. Абсолютной полнотой суверенитета в быстро глобализирующемся мире XXI в., скорее всего, не обладает никто, поскольку вряд ли найдется государство, не состоящее ни в одной международной организации, не участвующее ни в одной международной конвенции и не имеющее никаких международных обязательств по двусторонним или многосторонним соглашениям. Поэтому речь может идти о реальном суверенитете, который остается у государства за пределами его международных обязательств. Государства-лидеры, как правило, придают своему суверенитету и соответственно независимости поведения на мировой арене большое значение, стараясь не связывать себя международными обязательствами и участием в наднациональных структурах за исключением самых необходимых, таких, например, как членство в ООН. В создаваемых ими или под их эгидой международных объединениях и военных блоках они обычно стремятся занять руководящие позиции. Известны случаи, когда ведущая держава пренебрегает своими международными обязательствами, чтобы утвердить свой суверенитет и развязать себе руки для действий в собственных интересах на мировой арене. В их числе – военные предприятия против других государств без мандата и в обход решений ООН, другие нарушения Устава этой всемирной организации, которые выражаются в том числе в экономических и политических санкциях, противоречащих духу и букве международного сотрудничества.

В наднациональных образованиях суверенитет и независимость поведения участников зависят от того, насколько эта организация авторитарна, бюрократизирована и подвержена влиянию государств, занимающих в ней ведущие позиции. Именно в силу этих причин была малоэффективной Лига Наций, оставившая о себе не лучшие воспоминания в истории международных отношений. Теперь, похоже, ее ошибки приумножает Евросоюз, в котором диктат бюрократов под руководящим и направляющим влиянием ведущих держав не пожелала дальше терпеть Великобритания, заявившая о своем выходе.

В то же время немало государств в неизнаваемо изменившемся после Вестфальского конгресса мире не особенно заботятся о своем суверенитете, подчас вполне сознательно уступая его тому или иному полюсу силы, вассалами которого они, по существу, готовы стать добровольно в современном варианте. Оценивая общее положение дел, известный американский политик и дипломат Генри Киссинджер в своем интервью немецкой газете *Die Welt* в мае 2003 г. констатировал, что «Вестфальский порядок находится в состоянии системного кризиса. Невмешательство во внутренние дела других стран отброшено в сторону в пользу концепта всеобщей гуманитарной интервенции или всеобщей юрисдикции. Это осуществили не только США, но и многие западноевропейские страны. Принци-

пы Вестфальского мира, которые базировались на суверенитете государств и рассматривали нарушение международных границ международными структурами как агрессию, уходят в прошлое» [Kissinger 2003]. Однако далеко не все согласились бы с тем, чтобы, уйдя от Вестфальских принципов, оказаться в своего рода новом Средневековье с некоей доминирующей державой типа Священной Римской империи. Неконтролируемый распад международных отношений, основанных на Вестфальских принципах, мог бы иметь своим следствием хаос и суверенитет только для тех, кто готов и имеет достаточно сил, чтобы преступить нормы международного права и законности. О суверенности тех, кто способен пойти на чрезвычайные меры, чтобы обеспечить решение «задачи высшего уровня» для данного государства, размышлял еще немецкий политолог, «коронованный юрист Третьего рейха» Карл Шмитт [2010].

Современная критика принципов Вестфальской системы сводится к утверждениям о примате прав человека по отношению к государственному суверенитету и рассуждениям на тему неспособности национальных государств обеспечить эффективное управление в условиях глобализации [Кортунов 2007]. Альтернативными решениями при этом выступают предложения о тех или иных ограничениях суверенитета государств и введении международного контроля, когда речь идет о правах человека и их массовых нарушениях в особо опасных формах – геноцида и этнических чисток. Для управления предлагается использовать сетевой принцип и построенные на этой основе структуры для решения глобальных проблем.

Действительно, сегодня идея глобального управления продвигается в том, что касается активизации и усиления роли ООН в мировом пространстве, и распространяется на отдельные сферы, в частности, под эгидой ЮНЕСКО обсуждается проект глобального управления наукой, разрабатываются предложения ученых по интерфейсу науки и глобальной политики. Речь идет в том числе о формировании эффективных международных структур и механизмов, способных обеспечивать жизненно важные для человечества задачи развития перед лицом глобальных проблем и возникающих новых угроз и вызовов, бороться с ними, подавляя терроризм, организованную преступность, наркотрафик, торговлю людьми и другие опасные проявления, получившие глобальное распространение. Однако такие структуры и механизмы должны создаваться и действовать на основе легальных международно признанных процедур, соответствующих Уставу и принципам ООН таким образом, чтобы не вызывать подозрений в их необъективности, произволе и двойных стандартах.

«Вестфальский суверенитет», который понимался как политическая система недопущения внешнего влияния на внутреннюю политику независимых государств, видимо, и в самом деле отчасти «размывается» современными процессами, но это отнюдь не означает конец суверенитета, который в новых условиях наполняется новым содержанием [Фельдман, Барабанов 2007].

Суверенитет, как известно, не был однородным и однозначным применительно к международной практике, состоянию и поведению разных государств в разные времена и при разных обстоятельствах на протяжении всего периода после Вестфальского конгресса.

Борьба за суверенитет, его утверждение в мире, выход на мировую арену большого количества новых государств из числа бывших колоний и управляемых

территорий, которые обрели свой суверенитет и независимость, меняющиеся представления о значении суверенности государств – все это позволяет рассматривать распространение принципа суверенитета в мире как глобальный процесс, который имеет особое, основополагающее значение для формирования международных отношений в различные геополитические эпохи.

Обращаясь к итогам и последствиям Вестфальского мира 1648 г., следует отметить, что в наиболее благоприятных условиях после войны оказалась Франция. Принцип политического равновесия, под знаменем которого Франция выступила в Мюнстере и Оснабрюке, обеспечил ей в реальности политическое преобладание. Ее самые опасные противники – Испания и Священная Римская империя – утратили свои позиции, Англия была ослаблена, а соседние Германия и Италия пребывали в состоянии раздробленности. Теперь для Франции, вступавшей в период расцвета абсолютизма и влияния на мировой арене, возникал исторический шанс выдвинуть требования о возврате к своим «естественным границам», ссылаясь на хроники древних франков и галлов, монархий Пипина Короткого и Карла Великого и на другие доказательства французских прав на немецкие и итальянские территории. Были созданы особые «присоединительные палаты», в которых французские юристы занимались выявлением и обоснованием прав короля на ту или иную территорию за пределами Франции. В дальнейшем, развиваясь по французскому шаблону, процесс обоснования прав на территории и их захваты вместе с необходимым информационным обеспечением приобретает глобальный характер [История... 1990].

Однако принцип политического равновесия, который принес успех Франции, обернулся для нее своей противоположностью, как только европейские государства ощутили угрозу от ее усиления и попыток захватов новых территорий; они начали объединяться против Франции, явно недооценившей возможности противодействия Голландии, к тому времени уже могущественной буржуазной республики. Направив свои устремления на захват Бельгии, король Франции Людовик XIV столкнулся с сопротивлением Голландии, на кораблях которой, испытывая нехватку собственных, Франция обеспечивала связь со своими обширными заморскими колониями. В коалиции с Англией и Швецией Голландия остановила продвижение Франции, которая, однако, присоединила к себе по Аахенскому миру (1668) ряд территорий, включая город Лилль. Конфликт был непродолжительным (1667–1668), но он показал, что всякое наступательное действие теперь вызывает противодействие и образование противостоящих коалиций. Тем не менее Людовик XIV вскоре развернул новое военное предприятие в 1672–1679 гг., получившее название Голландской войны. Ему удалось развалить Тройственный союз Англии, Голландии и Швеции и побудить недавних противников (Англию и Швецию) выступить на французской стороне. В результате развернувшихся действий победоносное шествие французов с союзниками чуть не ознаменовалось захватом голландского Амстердама. Отстоять город голландцам удалось, только открыв плотины и затопив страну. Нимвегенский мир на основе серии договоров между участниками Голландской войны, подписанных в 1678–1679 гг. в голландском городе Нимвегене, стал пиком могущества Франции, которой удалось присоединить еще ряд важных территорий, в том числе Лотарингию. Двумя годами позже, в 1681 г., Людовик внезапно захватил Страсбург. Опасаясь турецкой угрозы, которая нависла над Веной, Испания и Священная Римская империя по со-

глашению в Регенсбурге (1684) признали за Францией все произошедшие присоединения.

Столь явное усиление Франции встревожило всю Европу. Вставший во главе Голландской республики выдающийся политический деятель и дипломат принц Вильгельм III Оранский (1672–1702) был человеком действия. В свое время он не остановился перед непростым решением об открытии плотин и затоплении собственной страны, что спасло город Амстердам от захвата французами. Теперь принц развернул широкую кампанию, направленную на изоляцию Франции как самой большой опасности для политического равновесия и стабильности в Европе. Он проявил немалую решимость и дипломатическое искусство для создания тайного антифранцузского союза – Аугсбургской лиги. В намерении привлечь на свою сторону Швецию – союзника Франции он нашел поддержку со стороны руководившего с 1680 г. иностранными делами Швеции графа Бенгта Оксеншерны (1623–1702). Эта фамилия была хорошо известна в Европе, поскольку Аксель Оксеншерна (1583–1654), государственный секретарь Швеции при короле Густаве II Адольфе и его дочери Кристине и, возможно, величайший государственный деятель в истории этой скандинавской страны, явился одной из центральных фигур Тридцатилетней войны и мирного урегулирования в Вестфалии. Для Швеции союз с Голландией оказался весьма дальновидным дипломатическим ходом. После так называемой Славной революции, как принято обозначать государственный переворот в Англии в 1688 г., в результате которого король Яков II Стюарт был отстранен от власти, Вильгельм Оранский стал английским королем. В совместном правлении со своей женой Марией II Стюарт, дочерью свергнутого короля Якова II, он остался на королевском престоле до своей смерти в 1702 г. Переворот встретил широкую поддержку среди самых разных слоев английского общества. Впоследствии Томас Маколей, известный государственный деятель и историк викторианской эпохи, оценит это событие как центральное в английской истории. Не только Маколей, но и другие английские историки разного времени практически единодушно дают Вильгельму III как правителю Англии и Шотландии высокую оценку. Во время его правления были проведены глубокие реформы, заложившие основу политической и хозяйственной системы страны. В эти годы начинается стремительный взлет Англии и ее превращение в могучую мировую державу. Одновременно закладывается традиция, по которой власть монарха ограничивается рядом законоположений, установленных фундаментальным «Биллем о правах английских граждан».

Для России Вестфальский мир стал исходной точкой разворота в сторону Европы. С этого времени стратегия и тактика российской дипломатии начинают определяться не только географическим положением страны, ее возрастающими политическим влиянием, экономической мощью и военной силой, но и востребованностью России в контексте сложившейся в результате заключения Вестфальского мира системы международных отношений [Поршневу 1976].

Однако путь России к Вестфалю был тяжелым. Почти четверть века изнурительной Ливонской войны сменили полоса междуцарствия и вскоре последовавшие за ней годы Смутного времени (1598–1613), которые отсрочили еще на 15 лет вступление России в европейский процесс. Начиная с первых Романовых – Михаила Федоровича (1613–1645) и его сына Алексея Михайловича (1645–1676) – уча-

стие России в европейской политике активизировалось. Несмотря на то что непосредственно в основных событиях Тридцатилетней войны Россия не участвовала, именно к этому периоду относится ее попытка «продать» Польшу как перегородку, отделявшую ее от Западной Европы, и одновременно решить задачу воссоединения Московской и Западной Руси (Литвы).

Под влиянием России «вся система государств в Восточной Европе незаметно трансформировалась. Выступив против универсалистских амбиций Габсбургской империи, исходивших из наследия Первого Рима (Римской империи) и Второго Рима (Византийской империи), Россия после Вестфалья выбрала путь, который помог становлению в Восточной Европе устойчивых геополитических структур – национальных государств. Во многом благодаря России Центральная и Восточная Европа приобрела те очертания, которые она сейчас имеет» [Поршнева 1970].

Как свидетельствует известный французский историк А. Рамбо в своем знаменитом «Сборнике инструкций послам и министрам Франции», шведская королева Кристина повергла в изумление французскую дипломатию, когда настояла на включении в текст Оснабрюкского договора от 24 октября 1648 г. упоминание Московского государства как союзника Швеции по Столбовскому миру 1617 г. [Rembault 1890].

Россия вошла в список 50 европейских государств, которые фигурировали в Мюнстерском и Оснабрюкском договорах и тем самым в числе вершителей судеб Европы, хотя и заняла в этом списке со сложной иерархией предпоследнее (49-е) место, оставив после себя только Трансильванию. Россия, войдя в состав гарантов Вестфальского мира, должна была теперь выстраивать свою внешнюю политику таким образом, чтобы она не вступала в противоречие с нормами и договоренностями, выработанными в Мюнстере и Оснабрюке, и тщательно учитывала постоянно менявшийся контекст европейской и мировой политики и складывавшийся баланс сил на международной арене.

Царствование Алексея Михайловича Романова, взошедшего на российский трон за три года до Вестфальского мира, отнюдь не случайно становится временем, когда Россия начинает все более уверенно заявлять о себе на международной арене. Ее разворот в сторону Европы, занявший почти два столетия, в основном завершился. В ходе Тридцатилетней войны Московское государство уже оказывает свое влияние на ее процессы и завершение посредством набирающих активность внешнеполитических контактов и дипломатии. Геополитические горизонты России расширяются с начавшимся освоением Сибири и продвижением на восток. В 1648 году – году заключения Вестфальского мира – Семен Дежнев открывает пролив между Азией и Америкой и проходит из Северного Ледовитого в Тихий океан. В 1654 г. в Китай направляется первое русское посольство.

Литература

Алексеев В. М. Тридцатилетняя война. Л. : Учпедгиз, 1961.

Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права. М. : Международные отношения, 1990.

Веджвуд С. В. Тридцатилетняя война. М. : АСТ, Астрель; Полиграфиздат, 2012.

Ивонина Л. И., Прокопьев А. Ю. Дипломатия Тридцатилетней войны. Смоленск, 1996.

История средних веков: в 2 т. Т. 1 / под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. М. : Высшая школа, 1990.

Кортунов С. В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // Мировая политика / под ред. С. В. Кортунова. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.

Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция, европейская политика в середине XVII века. М. : Наука, 1970.

Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. : Наука, 1976.

Семченков Я. С. Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. М. : Рейтар, 2009.

Фельдман Д., Барабанов О. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3. С. 104–113.

Шмитт К. Государство и политическая форма. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.

Arndt J. Der Dreißigjährige Krieg 1618–1648. Stuttgart : Reclam, 2009.

Kissinger H. Frieden ist ein relativer Begriff // Die Welt. 2003. Mai 04.

Rembault A. Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministers de France depuis les traits de Westfallie jusqu'a Revolution francaise, v.Russie, livre premier. Paris, 1890. P. X.

Strange S. The Westfailure System // Review of International Studies. 1999. No. 25(3). Pp. 345–354.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КИТАЯ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЗНАЧИМОСТЬ И ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Шевченко В. Н.*

В статье с позиций мир-системного анализа показаны причины больших успехов, которые достигнуты китайским государством-цивилизацией в последние десятилетия. Эти успехи связаны с тем, что Китай вернулся на свой национальный (цивилизационный) путь развития, с которого его заставили сойти внешние условия – экспансия колониальных держав в XIX–XX вв. Модернизационный рывок основывается на широком использовании традиционных институтов китайской цивилизации, которые складывались на протяжении тысячелетий и которые в сегодняшних условиях оказались способными к развитию, соединению с социалистической идеологией и достижениями общества модерна. В статье показана огромная значимость для России китайского опыта использования исторической традиции и в связи с этим сделан ряд выводов.

Ключевые слова: глобализация, однополярный мир, полицентризм, китайская цивилизация, российская (русская) цивилизация, мир-системный анализ, традиция, институциональная матрица цивилизации, национальный путь развития.

From the position of the world-system analysis the article shows the reasons for the great successes achieved by the Chinese 'state-civilization' in the last decades. These successes have been achieved due to the fact that China has returned to its national (civilizational) development path, which it had to leave under pressure of the external conditions, i. e. the expansion of the colonial powers in the 19th – 20th centuries. Modernization breakthrough is based on the widespread use of traditional institutions of Chinese civilization, which have been formed over thousands of years and which currently have been able to develop and to connect with the socialist ideology and the achievements of the modern society. The article shows the tremendous importance of the Chinese experience in the use of the historical tradition for Russia, and a number of conclusions are drawn in this connection.

Keywords: globalization, unipolar world, polycentrism, Chinese civilization, Russian civilization, world-system analysis, tradition, institutional matrix of civilization, national development path.

Старт политике реформ и открытости, которую проводит современный Китай, был дан 40 лет назад – в декабре 1978 г., и на последнем XIX съезде КПК были

* Шевченко Владимир Николаевич – д. ф. н., профессор, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН. E-mail: vladshevchenko@mail.ru.

подведены ее итоги. Они оказались настолько впечатляющими, что китайский лидер Си Цзиньпин в октябре 2017 г. объявил, что Китай вступает в новую эпоху. Предстоящие реформы будут приобретать все более масштабный характер, с тем чтобы к 2021 г. построить в Китае среднезажиточное общество, а к 100-летию КНР в 2049 г. осуществить всестороннее построение модернизированного социалистического государства.

Теоретическое, философское осмысление огромного китайского опыта последних десятилетий, выводов и уроков для российского общества, которые ему еще предстоит усвоить и использовать, – весьма сложная задача. Успешное решение поставленной задачи требует прежде всего особого внимания к вопросам методологического характера.

Обращаться к изучению опыта Китая можно по-разному. Весьма перспективным выступает изучение сходства исторических судеб России и Китая, тех путей, по которым они шли на протяжении последних столетий. А наступление нового этапа глобализации помогает глубже понять объективные причины сближения Китая и России в XXI в.

Первый этап глобализации, как известно, был связан с попыткой интенсивной реализации ее неолиберальной модели в условиях сложившегося в начале 90-х гг. XX в. однополярного мира. В эти годы приобретает огромную популярность ее истолкование как универсализации, становления единых для всех государств структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни. И в западной, и в отечественной литературе энергично обсуждается идея устарелости национальных государств, границ между их территориями, появления «нового» человека, индивидуалиста-кочевника. Немалое количество материалов с обоснованием такой позиции – Родина там, где мне хорошо, – было опубликовано и в российской печати в 90-е гг.

Однако вопреки всем прогнозам глобализация неожиданно столкнулась с одним невидимым препятствием. Вместо постоянного развития, которое прочили процессам универсализации, становятся реальностью не только финансовые и экономические кризисы, но и растущее противодействие ей со стороны национальных культур народов мира. В этой ситуации национальному государству независимо от его политической формы самой жизнью «возвращается» главная функция – быть важнейшим инструментом установления оптимального баланса между внутренними и внешними факторами развития, между включенностью страны в мировые глобальные торгово-экономические, промышленно-технологические, научно-информационные, интернет-связи и стремлением ее народа к сохранению своего суверенитета, идентичности, к реализации целей национального развития, к созданию максимально благоприятных для этого внешних и внутренних условий.

Данное обстоятельство в сочетании с другими столь же важными факторами обозначило в первые десятилетия нынешнего столетия начало практического перехода глобализации к новому этапу – от однополярного мира к полицентричной модели мирового развития. Мировой порядок меняется в связи с изменением баланса сил. Здесь важно различать два аспекта проблемы, на что справедливо обращается внимание в работе Л. Е. Гринина [2016: 4]. Есть конкретный ход со-

бытий и борьбы стран, предугадать который очень сложно. А есть объективные тенденции и причины, которые делают этот процесс неизбежным (гегелевско-марксов «старый крот» истории, который роет медленно, но хорошо). Об этой стороне вопроса и пойдет речь в настоящей статье. Движение мира по пути глобализации продолжается, это объективный процесс, но в последнее время жизнь расставляет другие приоритеты.

Сегодня на всех уровнях говорят о наступлении новой исторической эпохи. Девиз новой современности – двигаться вперед всем вместе, но каждый идет своей дорогой, своим путем. Большие государства цивилизационного типа, или государства-цивилизации (Китай, Иран, Россия, Турция, Индия, Бразилия), становятся или уже стали отдельными центрами силы полицентричного мира, впрочем, как и некоторые межгосударственные образования, например Евросоюз. Но особенности указанных государств-цивилизаций состоят в том, что они возвращаются, каждое по-своему, на утраченный ранее национальный путь развития. В полной мере это относится и к Китаю. Американский политический деятель Г. Киссинджер в своей книге особо отмечает это очень важное обстоятельство: «Китай видит себя не поднимающейся, а возвращающейся на свое законное место державой, доминировавшей в своем регионе в течение двух тысячелетий и, по мнению китайцев, временно смещенной со своего места колониальными эксплуататорами. Китай не рассматривает перспективу сильного Китая как неестественный вызов мировому порядку» [Киссинджер 2014: 584].

Начинается новый, более масштабный этап глобализации, а Россия все еще стоит перед выбором, в каком направлении ей двигаться, и, кажется, никакие доводы пока не смогли примирить две главные противоположные точки зрения. Сторонники одной из них утверждают, что российская цивилизация есть неотъемлемая, хотя и отставшая в своем развитии, часть европейской цивилизации. Согласно второй точке зрения, она есть особая, «неподражательная» цивилизация, впрочем, такими являются и другие названные государства-цивилизации.

Изучение масштабов схожести исторических путей России и Китая в последние столетия позволяет выдвинуть дополнительные доводы в пользу второй из указанных точек зрения. Это сходство носит не только эмпирически наглядный характер, но и глубоко сущностный. Многие в этом отношении может подтвердить обращение к мир-системному анализу, которому не уделяется того внимания, которого он заслуживает как современная методология анализа исторического процесса.

Г. Дерлугьян, один из учеников И. Валлерстайна, общепризнанного лидера школы мир-системного анализа, отметил, что его учитель подверг сомнению результаты исследований всемирной истории, полученные при использовании целого ряда односторонних методологических установок. Главный труд И. Валлерстайна «Мир-система Модерна. I–IV» (The Modern World-System) хотя и носит в основном политэкономический характер, но имеет большое теоретико-методологическое значение. Его «мир-система – это не модернизация, не формация и не цивилизация» [Дерлугьян 2015]. Он синтезирует эти подходы на основе введенного им понимания капитализма как единой экономической мир-системы, как исторического капитализма. Новый взгляд на историю помог на основе огромно-

го эмпирического материала показать реальное воздействие внешних факторов, прежде всего экономических связей и отношений, на общий ход исторического развития отдельного региона или страны в целом. Именно внешний, западный фактор становится тем фактором, который препятствует превращению незападных стран из традиционных обществ в общества современные, формированию в них общества модерна, несмотря на все усилия того же Запада. По мнению И. Валлерстайна, великая иллюзия теории модернизации состояла в обещании сделать всю систему ядром без периферии. Сегодня стало очевидным фактом, что эта цель недостижима.

Отечественный автор Б. Ю. Кагарлицкий в этой связи особо подчеркнул, «что для русской исторической традиции оказалось характерно преувеличение роли внешнеполитических факторов, недооценка внешнеэкономических и крайне слабое понимание связи между первыми и вторыми» [Кагарлицкий 2004: 12]. Он дал собственную интерпретацию мир-системного анализа И. Валлерстайна для изучения истории российского общества. Этот анализ оказался весьма продуктивным, на богатом фактическом материале было показано, как более развитая экономика Запада конкретно воздействует на торможение и отставание российской экономики, как осознание этого обстоятельства влияло на характер политических решений, принимаемых российской верховной властью, и к каким результатам они приводили.

Единая экономика западноевропейских стран (западноцентричная мир-экономика) начинает постепенно расширяться с наступлением эпохи Великих географических открытий до размеров глобальной единой исторической мир-системы, что привело к возникновению в последнем центра (ядра) и периферии^{**}, которые оказываются связанными неравноправными, но все более тесными торгово-финансовыми узами.

Главная особенность возникающего капитализма как мир-системы заключается в том, что внутри него складывается устойчивое, международное (межгосударственное) разделение общественного труда, которое имеет решающее значение для понимания коренных различий в развитии капиталистической Европы и остального мира, в том числе Китая и Российского государства. В хозяйстве стран этих регионов все большее место занимает экспорт сырья и импорт готовых товаров из метрополий. При таком характере экономических отношений центра и периферии они не укладываются в линейную шкалу временных координат «опережение – отставание».

Конечно, в этих периферийных империях, в других обширных регионах западного мира под воздействием экономического давления со стороны западных колониальных империй начинают протекать процессы модернизации. Но это были не догоняющие модернизации (по крайней мере, до середины XIX в.), а точечные модернизации некоторых отраслей хозяйства, имевшие целью удовлетворение потребностей стран Запада в необходимых товарах, то есть вызванные по

^{**} И. Валлерстайн вводит различие между полупериферией и периферией, между теми, кто уже включен в западноцентричную мир-экономику, и кто еще дожидается своего включения (incorporation) в нее. Грань между ними исторически быстро изменялась, некоторые исследователи, в том числе Б. Ю. Кагарлицкий, пользуются одним понятием «периферия» при обобщенном взгляде на процессы становления капитализма как единой мир-системы.

большей части внешними причинами. Более того, отдельные факты такой модернизации не могут изменить общей оценки той устойчивой тенденции развития хозяйства в этих странах, которую И. Валлерстайн называет общим словом «деиндустриализация». Иными словами, происходит упадок и разрушение традиционного аграрного хозяйства, прежде всего мануфактурного производства, которые складывались веками, соответственно, всего жизненного уклада страны. Из четырех регионов, бывших предметом его тщательного изучения (Российская империя, Индийский субконтинент, Османская империя, Западная Африка), только Россия имела «ограниченные способности противостоять деиндустриализации» [Валлерстайн 2016: 188].

Китай не выбивается из этого общего ряда, хотя его история имела некоторые существенные особенности, связанные с его стремлением к закрытости на протяжении многих столетий. Средневековый Китай, как отмечал классик английской политической экономии Адам Смит в своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), являлся образцом страны, шедшей тем путем развития в направлении экономической зрелости, который он называет «естественным путем к изобилию». Напротив, Голландия рассматривалась им как совершенно противоположный образец страны, шедшей к экономической зрелости европейским путем, который А. Смит называет противоестественным и ложным. «При естественном ходе вещей большая часть капитала направляется, прежде всего, в земледелие, затем в мануфактуру и в последнюю очередь во внешнюю торговлю... Но хотя такой естественный порядок вещей должен был в известной степени иметь место в любом обществе, во всех современных европейских государствах он во многих отношениях оказался перевернутым на голову» [Смит 1962: 384]. После поражения Китая в Первой опиумной войне все хозяйство страны приходит в упадок. Блестящая цивилизация Востока постепенно опустилась до уровня полукOLONиального, полуфеодального общества. Страна пережила в первой половине XX в. целую эпоху национально-освободительных революций, гражданских войн и первых попыток индустриализации.

Периферийный тип развития есть прежде всего зависимое (а отсюда и отсталое) развитие, не имеющее устойчивых самостоятельных импульсов к постоянному и целостному развитию всего социального организма. Преодоление одного вида отсталости в результате назревших реформ приводит в скором времени к появлению другого ее вида при сохранении, что важно отметить, зависимого типа развития. Отсюда постоянная череда реформ и контрреформ, не приводящая к преодолению ни отсталости, ни зависимости. Но до определенного времени такое состояние народного хозяйства в некоторых больших государствах-цивилизациях уравнивается военно-политической мощью, укреплением имперской вертикали власти.

Для периферийных стран путь развития оказывается принципиально иным, чем для стран, входящих в центр глобальной капиталистической мир-системы. Неизбежный распад незападных государств-цивилизаций предопределен переходом центра к империалистической стадии развития. Вывоз товаров сменяется вывозом капитала, что быстро создает как экономические, так и политические условия для неизбежных национально-освободительных революций в этих странах.

Общее в их судьбах состояло в том, что насаждаемый сверху капиталистический уклад, рост национальной буржуазии, сохранение традиционного аграрного и ремесленного производства приводили к резкому обострению всех противоречий в обществе. Государства-цивилизации, как и другие большие и малые государства, продолжали оставаться по типу культурной матрицы традиционными обществами. Их распад был предопределен последовавшими на этой стадии экономическими и политическими реформами, ставившими целью разрушение и замену базовых структур традиционного общества. Каждому из этих государств цивилизационного типа была уготована в XX в. своя судьба.

Со второй половины XX в. начинается настоящее возрождение Индии, Ирана, Китая, Турции, других больших стран. Но и тогда они остаются в своей основе традиционными обществами, хотя и испытывавшими самые разнообразные воздействия – экономические, политические, идеологические – со стороны развитых государств и разных идеологий.

К концу XX в. становится очевидным, что незападные государства-цивилизации не только не смогли стать капиталистическими государствами по западному образцу, несмотря на все усилия сторонников теории модернизации, но теперь они уже и не смогут стать таковыми. И потому ядро их культурной матрицы остается прежним, хотя в каких-то местах матрица оказалась поврежденной и измененной. Это главный вывод из обращения к мир-системному анализу.

С начала нового периода истории – перехода к полицентричности, многовариантности в мировом развитии – в продвижении больших государств-цивилизаций по национальному пути развития на первый план все больше выходит сознательное стремление к ускорению, к форсированному развитию с целью преодоления отсталости и зависимости. Приобретает ли мобилизационная модель развития черты обгоняющей модернизации – это большой вопрос. Но дело здесь в другом.

Понятию модернизации постепенно возвращается прежний смысл, которым оно обладало до начала – середины 50-х гг., когда появляется созданная прежде всего в Америке теория модернизации для развивающихся стран. Она теперь, как и раньше, все больше означает модернизацию промышленности, создание современного индустриального производства, современной инфраструктуры, достижение высокого научно-технологического уровня развития, под которым нередко подразумевается вступление в пятый и шестой технологические уклады. Китай говорит о социалистической модернизации, то есть модернизации, направленной на реализацию целей социализма с китайской спецификой. С современной Россией дело обстоит сложнее. Преобразование российского общества в современное общество, в общество модерна, как того потребовала тридцать лет назад навязанная стране теория модернизации, потерпело стратегическую неудачу [Шевченко 2011]. Но вот куда и как двигаться дальше, остается во многом неясным. Опыт Китая помогает здесь многое понять.

Императивом дальнейшего развития по национальному пути становится возвращение к исторической традиции. В последнее время ее все больше начинают трактовать как культурную матрицу (или культурный код) особой локальной цивилизации, которая складывалась на протяжении многих столетий, а нередко, как

в Китае, и тысячелетий. Институциональная теория матриц, развивавшаяся сначала в теории эволюционной экономики, теперь активно вторгается в социальную философию. Применительно к этой сфере речь идет в первую очередь о социальных институтах, выступающих системной основой культурно-исторической матрицы общества. Институциональная теория матриц утверждает, что существует два типа институциональных матриц (незападная и западная) [Кирдина 2014; Кондрашова 2014]. В ходе исторического развития, как показали исследования, они взаимно обогащают друг друга, но тип матрицы, сложившийся в ходе многовекового развития отдельной локальной цивилизации и ставший ее прочной исторической основой, не меняется.

В незападной матрице выделяется по крайней мере три главнейших института – тип государственности как жестко централизованная вертикаль власти, коммуитарная идеология, редистрибутивный тип экономики как прямое распределение накопленного общественного богатства. Все три компонента взаимно связаны и взаимно влияют друг на друга.

В связи с этим обсуждается вопрос о том, что при определении понятия «незападная цивилизация» в его содержание должен включаться также и тот природный ареал, в котором она формируется и развивается и который определяет направленность, канал исторической эволюции цивилизации, а следовательно, ее место и особый путь во всемирно-историческом процессе. Западная цивилизация представляет собой иной, «социологический» культурно-исторический тип общества, который тоже в эпоху Средневековья представлял традиционный тип общества, но затем пережил радикальные перемены. В основе цивилизации традиционного типа лежат аграрный тип производства, естественные производительные силы и природные запасы сырья разного рода, имеет место сращенность непосредственного производителя-крестьянина с землей. Западное общество в ходе индустриальной революции уничтожает аграрный способ производства именно как свою естественную основу и все, что с ней связано в обществе. Это означает не просто смену общественного способа производства, главное, что связь общества, социума с естественной средой обитания носит теперь все менее производственный характер, поскольку сырье ввозится во все больших количествах из колониальных и зависимых стран, а взамен им продают готовые товары.

Западное общество модерна, возникнув на определенной территории, навязывает модель своего устройства другим незападным странам, в которых так и не произошло радикального переворота в способе производства, прежде всего благодаря тем неравноправным экономическим связям, которые складывались между ними в течение последних столетий. Превращение сущности западной цивилизации в характеристику универсальной цивилизации, что имеет большое распространение в литературе, затрудняет понимание перспектив развития отдельного незападного государства-цивилизации и постоянно ставит под сомнение признаки своего особого, национального пути у каждого из них.

Государство есть главный, системообразующий элемент организации общественной жизни во всех незападных странах. В области государственного строительства можно увидеть сходство в том, что все такого рода страны воспроизводят согласно своей культурной матрице институт высокоцентрализованного госу-

дарства. В России на протяжении столетий каждый конкретно-исторический тип государства (Русское централизованное государство, Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация) воспроизводит в главном одну и ту же матрицу государственности. В истории Китая протекали аналогичные процессы. Сменялись правящие династии, но сохранялась имперская форма правления. Л. И. Кондрашова, описывая институциональную матрицу китайской цивилизации, подчеркивает, «что главный итог долгой китайской истории – само государство» [Кондрашова 2014: 48].

В литературе существует устойчивое мнение, что сторонники этой точки зрения являются «имперцами», стоят на позициях возвращения Китая или России к империи. Не так давно дискуссии в отечественной литературе были весьма жаркими [см., например: Ясин 2007; Паин 2003]. Но суть дела здесь в следующем. Если государство-цивилизация не смогло раньше построить общество модерна, которому присуща другая культурная матрица, то сегодня тем более вопрос о радикальной смене матрицы снимается с актуальной повестки дня. Вертикаль власти остается условием существования, воспроизводства и, более того, условием форсированного рывка вперед. Без ее наличия, без мягкой или жесткой авторитарности, в зависимости от обстоятельств, невозможно создание благоприятных внешних условий, тем более мобилизация общества для достижения больших целей стратегического характера. Многие черты империи ушли в прошлое, многое сделано с точки зрения формирования правовых основ отношений между государственной властью и народом, здесь нужен конкретный анализ. Но, пожалуй, остается главное в отношениях между людьми в российском, как, впрочем, и в китайском обществе. Речь идет о принципиально ином типе социальности.

Здесь уместно вспомнить К. Маркса. Известно противопоставление К. Марксом личных отношений непосредственного господства и подчинения между людьми и вещного характера отношений между ними, оно указывает на важность исторического подхода для правильного понимания субординации цивилизаций – добуржуазной (аграрной) и западной (индустриальной, техногенной). Индивиды не могут подчинить себе собственные общественные связи и отношения, пока они их не создали [Маркс, Энгельс 1968]. Личные связи и отношения непосредственного господства и подчинения определяют не только властно-управленческую структуру общества сверху донизу, отношения собственности, но и сам тип до-вещной, то есть личной формы социальности как таковой. Более высокий исторический тип – это вещные отношения между людьми, возникающие только в таком обществе, в котором происходит индустриальная революция и появляется иной тип социально-классовой структуры и в котором в определяющей степени начинают господствовать рыночные отношения между трудом и капиталом. В том случае, когда незападным странам навязывается либеральная модель государства как якобы оптимальная для них модель политического и экономического устройства, принципиальное отличие личных и вещных, опосредствованных вещным миром отношений между людьми нередко преднамеренно игнорируется с весьма негативными для этих стран практическими последствиями. Волевым усилием нельзя преодолеть неразвитость и особость и никаким декретом или указом нельзя преодолеть доминирующие в обществе сверху донизу отношения непосред-

ственного, личного господства-подчинения между людьми и в структуре политической власти, и в сфере социально-экономических отношений, в том числе и в отношениях между властью и общинным (артельным) типом разных производственных объединений.

Институциональная матрица государственности, конечно, не остается неизменной. Она изменяется, и в логике истории это должно происходить по законам собственной эволюции, а не путем насильственного слома. Этому учит современный отечественный и китайский опыт. Государство в современном Китае квалифицируется многими политологами как авторитарное. Поэтому когда говорят, что сохранение авторитаризма является следствием низкой политической культуры в стране, то здесь дело, скорее всего, не в политической культуре людей в смысле их отсталости или приверженности архаике. В обществах незападного типа на современном этапе складывается и развивается уже своя политическая культура, свое понимание демократии, которые напрямую нельзя сравнивать с политическими культурами других цивилизаций, а тем более западной цивилизации. Когда централизованная вертикаль власти считается архаикой, от которой необходимо отказаться, которую нужно радикально сломать, то всякие попытки ее революционного слома ведут к ожесточенным социальным столкновениям (примеры: Тяньаньмэнь, май 1989 г.; Москва, Белый дом, август 1991 г.). За ними вполне возможен и вероятен распад государства и единого природного ареала цивилизации.

Это обстоятельство помогает понять, почему авторитарная власть объективно, с точки зрения логики истории страны, продолжает оставаться стержневой основой организации общественной жизни, тем более в условиях возрастания роли национального государства на новом этапе глобализации. Как отмечает В. Г. Буров, «авторитарный политический строй адекватен нынешним социокультурным условиям Китая. <...> Опыт такой страны, как Китай, убедительно свидетельствует о том, что только сильная власть, если хотите, авторитарная власть может ставить долгосрочные цели, в частности такую, как модернизация» [Буров 2013: 169, 171]. Другими словами, если страна выбрала национальную цель развития на долгие десятилетия, то какую альтернативу может предложить любая другая партия, например, идее возрождения китайской нации как ее великой мечте? Единственное позитивное поле деятельности для других партий заключается в том, что они опираются на определенные социальные слои, выражают их специфические интересы и действуют по принципу дополнительности в нормативных рамках национального согласия, которые устанавливает государство и которые поддерживает и одобряет господствующая в обществе идеология. Современные малые партии (в Китае их восемь) активно участвуют в общественно-политической жизни и государственном управлении.

Известный общественный деятель В. Т. Третьяков много раз говорил о глубоком кризисе партийного представительства в российском обществе. В нем должна быть по-иному построена многопартийность. Необходима реальная, а не словесная конкуренция политических идей и лидеров, поэтому современному парламентаризму надо опираться на реальные политические интересы основных сил общества. А эти основные силы и есть те самые многочисленные социальные слои, из которых состоит общество, как апельсин из долек. «Прямое социально-профес-

сиональное представительство станет реальным народным представительством в российском обществе» [Третьяков 2013: 132]. Такой подход к решению проблемы, на наш взгляд, во многом навеян политическим опытом современного Китая.

В институциональной матрице незападной цивилизации редистрибутивная экономика выступает основным регулятором хозяйственной жизни. Государство выполняет важнейшую функцию планирования и перераспределения общественного богатства, при этом рыночные отношения могут играть важную, но подчиненную роль. Опыт Китая, как многовековой, так и современный, подтверждает это положение. Как отмечают китайские авторы, «государство оставляет за собой контроль над ключевыми отраслями, чтобы тем самым сохранить суверенитет и максимизировать пользу для граждан» [Китайская... 2013: 154–155].

Важно отметить, что рынок, банковская система, частная собственность в современном Китае не остались в наследство от капиталистического прошлого: такого наследства у страны практически не было. Они были созданы социалистическим государством, встроены в общество и используются им как важные и эффективные инструменты государственного управления, способствующие экономическому развитию и процветанию государства. Наличие этих инструментов, однако, не дает оснований считать, что Китай идет по капиталистическому пути, хотя и приносит с собой немалое количество сложных проблем и социальных противоречий ввиду явного несовершенства общества на начальной стадии социализма. Капитализм становится общественным строем лишь тогда, когда идентифицирует себя с государством, когда слой или класс богатых, состоятельных людей «прибирает к рукам» важнейшие рычаги государственного управления.

В Китае есть слой богатых людей, сложился регулируемый государственной властью обширный капиталистический уклад в экономике, но нет капитализма как общественного строя. Власть принадлежит народу в лице социалистического государства. Поэтому сомнительным является утверждение о борьбе капитализма и социализма в современном Китае. Экономика Китая – это социалистическая рыночная экономика. Что касается России, то насильственный слом институциональной матрицы экономики привел ее в состояние глубокого упадка. Для соединения социальной справедливости – вековой мечты русского (российского) народа – и рыночных механизмов экономики российская власть так и не смогла до сих пор найти грамотного решения.

Культурная матрица выступает исторической основой дальнейшего развития страны, но ее не следует понимать упрощенно. Она часто выступает огромным препятствием для модернизации. Отношение к традиции как к консервативной и даже реакционной силе хорошо известно со времен Просвещения. Такое отношение было господствующим в европейской, отечественной и китайской мысли примерно до середины 1950-х гг.

Поворот в развитии человечества от однолинейного развития исторического процесса к многолинейному намечается в 50–60-е гг. XX в. Это были годы выдвижения и апробации теории модернизации для незападных стран в связи с деколонизацией стран Азии, Африки и Латинской Америки. С тех пор вопрос о соединении стремления этих государств к реформам, к модернизации с исторической традицией приобрел огромную практическую актуальность. Как предложить

обществу такую идею модернизации, чтобы она соединяла прошлое и будущее, а не противопоставляла их? Первоначально такое соединение приводило к неудачам в 50–60-е гг. прошлого века независимо от характера этой большой идеи – либеральной, социалистической, национальной (а скорее всего, националистической).

Цивилизационная матрица обладает огромной инерцией. При этом чем более замкнутым и совершенным является средневековое традиционное государство, тем сложнее его направить на путь перемен, особенно радикальных. В этом отношении китайская цивилизация выступает в истории одним из самых характерных примеров. «Всем китайским революциям, – как отмечает известный китаевед А. В. Виноградов, – начиная с Синхайской и кончая “культурной”, свойственны общие черты. <...> Традиционная культура и социальная организация были неспособны эффективно ответить на вызовы времени и внешние угрозы, но были еще достаточно сильны, чтобы сопротивляться внутренним попыткам реформирования» [Виноградов 2014: 128].

Мао Цзэдун дважды поворачивал влево (большой скачок и культурная революция), чтобы раскатить традицию, сломать ее, пока традиционное массовое сознание общества смогло преодолеть устойчивый комплекс закрытости, отторгающий все новые идеи и смыслы. В 50–60-е гг. Мао Цзэдун говорит об идеях Конфуция как о реакционных. И только с третьего раза, уже после его смерти и начала политики реформ и открытости Дэн Сяопина, соединение прошлого и будущего пошло в правильном направлении. Как отмечается в одной из обзорных работ группы китайских авторов, «частичное унаследование и развитие традиционной культуры образуют саму суть и истинный смысл культурной модернизации» [Обзорный... 2011: 211]. Такое понимание пришло не сразу и стоило больших жертв.

Россия испытывала те же трудности, когда верховная императорская власть начинала очередную реформу, направленную на преодоление отсталости. Реформы сталкивались с неготовностью населения традиционных взглядов к переменам, что приводило к остановке реформ, откату назад и контрреформам. Трагические страницы Русской революции 1917 г., Гражданская война были вызваны столкновением революционного нетерпения народных масс и жесткой позиции политических консерваторов, полным неприятием ими друг друга, что и привело к полномасштабному военно-политическому конфликту. Это пример того, когда «традиционность вырождается в охранительство, а затем в реакцию. Новация... отрываясь от национальных корней, также вырождается – в нигилизм и революционаризм» [Кара-Мурза 2010: 33].

Возвращение к национальному пути дает ясный ответ на вопрос о том, что является основой дальнейшего развития – историческая традиция или большая идея, задающая стратегические цели дальнейшего развития страны. Это одна из самых интересных проблем философии истории: как соотносятся основа и уток (перенесенные в философию из ткацкого производства), объективные обстоятельства и субъект истории. Дэн Сяопин, отец китайских реформ, к примеру, говорил, что сначала он китаец, а уже потом – коммунист.

Современный Китай представляет собой гетерогенное, неорганически сложившееся общество, в котором процессы синтеза далеки от своего завершения, причем гетерогенность усиливается наличием многих западных идей, в первую очередь связанных с механизмами функционирования капиталистической экономики. Эта особенность китайского общества позволяет помочь осознать причины широкого распространения самых разных интерпретаций того, чем сегодня является Китай. Среди них – страна возвращается в Средневековье, к феодализму, или страна есть диктатура партийных вождей, или страна есть капитализм, прикрытый красными флагами. И рядом с этими интерпретациями современный Китай – это конфуцианский социализм, а современное новое конфуцианство есть главная основа новой китайской «духовной цивилизации». За каждой интерпретацией стоит своя реальность, каждая из них лишь частично интегрирована в целостность. Но КНР позиционирует себя как социалистическую страну, это наиболее значимая сторона в жизни общества, его интегральная характеристика. «В XXI веке научный социализм приобрел в Китае могучую жизнеспособность и жизненную энергию, и сейчас над миром высоко реет великое знамя социализма с китайской спецификой» [Си Цзиньпин 2017]. С этим следует считаться.

В значительной мере ситуация, сложившаяся в китайском обществе, относится и к современной России. Российское общество с начала 90-х гг. прошлого века – это новая очень сложная социальная реальность. В современных российских социальных науках не имеется, по мнению целого ряда авторов, адекватного понятийного аппарата для ее описания и объяснения. Наличие большой идеи, стратегической цели, определяющей суть политико-практической деятельности государства, выступает философско-методологической основой, императивом формирования понятийного аппарата отечественных социальных наук, изучающих современный российский социум и тенденции его развития. В пользу этого заключения говорит весь опыт современного Китая.

Если говорить о тех выводах, которые следует принять во внимание при анализе современных проблем России, то можно назвать три, как мне представляется, самых главных:

1. Россия продолжает оставаться по своей исторической основе, по своей культурной матрице традиционным обществом, которое обретает новые конкретные формы существования и новые смыслы в соединении с большой идеей, со стратегическими целями и задачами, сформулированными на много десятилетий вперед. От их конкретного содержания будет зависеть, в каком направлении российское общество, устремленное в будущее, будет трансформировать исторические традиции прошлого.

2. При любом выборе большой идеи российское общество долгое время будет сохранять свою гетерогенность, неорганичность, и в таком обществе идеология играет особо важную роль именно как интегральная идеология, направленная на удержание, сохранение национального согласия и территориальной целостности.

3. Россия, как и Китай, должна видеть себя не поднимающимся, а возвращающимся на свое законное место государством-цивилизацией, которое складывалось и развивалось на огромной евразийской территории, по крайней мере с при-

нятием христианства. Наступающий новый этап глобализации открывает новую историческую эпоху – эпоху полицентричности, он принесет с собой и новый мировой порядок, в котором Россия, Китай, Индия, Турция, Бразилия, другие большие государства-цивилизации станут сильными, самостоятельными и весьма влиятельными центрами силы. Но то, как будут складываться отношения на мировой арене между этими отдельными центрами силы, требует отдельного разговора.

Литература

Буров В. Г. Стратегия китайского государства в контексте российского опыта // Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества / под ред. В. Н. Шевченко. М. : ИФ РАН, 2013.

Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики. 1730–1840-е годы. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

Виноградов А. В. Китай и модернизация // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире: в 2 т. Т. 1 / под ред. В. Г. Хороса. М. : ИМЭМО РАН, 2014.

Гринин Л. Е. Возможности и перспективы формирования нового мирового порядка. Ст. 2 // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 3–18.

Дерлугьян Г. О труде Иммануила Валлерстайна «Мир-система Модерна» [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/11/07/derlugian/> (дата обращения: 20.02.2018).

Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. М. : Ультра Культура, 2004.

Кара-Мурза А. А. Соотношение традиции и новации в русской философии истории // Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала. Материалы 4-й Всероссийской конференции. Москва – Белгород. 27–29 мая 2009 г. / под ред. С. А. Никольского. М. : ИФ РАН, 2010.

Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб. : Нестор-История, 2014.

Китайская мечта и мир / под ред. Хуан Хуагуана, Луань Цзяньчжана. Пекин : Изд-во лит-ры на иностранных языках, 2013.

Кондрашова Л. И. Институциональная матрица китайской цивилизации // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире: в 2 т. Т. 1 / под ред. В. Г. Хороса. М. : ИМЭМО РАН, 2014.

Киссинджер Г. О Китае. М. : АСТ, 2015.

Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1857–1859 годов / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1968.

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под общ. ред. Н. И. Лапина. М. : Весь мир, 2011.

Си Цзиньпин. Полный текст доклада на 19-м съезде КПК 2017.11.04 [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/t1507487.htm> (дата обращения: 12.03.2018).

Паин Э. А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М. : Новое изд-во; Фонд «Либеральная миссия», 2003.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Соцэкгиз, 1962.

Третьяков В. Т. Конец партийности и сословная демократия // Перелом. Сборник статей о справедливости традиций / сост. А. В. Щипков. М. : Пробел-2000, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://shchipkov.ru/12605> (дата обращения: 10.02.2018).

Шевченко В. Н. Модернизация или национальный путь развития // *Философские науки*. 2011. № 1. С. 46–59.

Ясин У. Фантомные боли ушедшей империи // *После империи* / под ред. А. М. Клямкина. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2007.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Савченко В. А. *

С течением времени скорость социальных процессов увеличивается, возрастает и частота событий, связанных с массовыми беспорядками. За последние 25 лет на земном шаре произошло не менее 25 революций, итогом которых стала смена действующих правительств, в некоторых случаях сопровождаемая гражданской войной. Механизмы возникновения и развития революционного процесса – одна из самых обсуждаемых тем в научном и журналистском сообществе. Исследователи рассматривают объективные и субъективные стороны этого явления, анализируют ситуацию в стране до революционных событий, в ходе и по окончании их. Обсуждаются основные векторы действий правительства и оппозиционных сил в борьбе за власть, факторы, приближающие революцию и отдаляющие ее. В статье рассмотрены основные механизмы социальных взрывов, способных вызвать быстрые коренные перемены в государстве.

Ключевые слова: революция, социальный взрыв, борьба, гегемония, правительство, смена государственного строя, радикальные социальные движения, депривация.

With the course of time, the rate of social processes accelerates, and the frequency of events associated with mass disorders increases. Over the past 25 years, the world has witnessed at least 25 revolutions, which resulted in the change of existing governments, in some cases accompanied by civil war. The mechanisms for the emergence and development of the revolutionary process – one of the most discussed topics in the scientific and journalistic community. The researchers examine the objective and subjective aspects of this phenomenon, analyze the situation in the country before the revolutionary events, during and after their end. The main vectors of the actions of the government and opposition forces in the struggle for power are discussed, factors that bring the revolution closer and postpone it. The article considers the main mechanisms of social explosions that can cause rapid radical changes in the state.

Keywords: revolution, social explosion, struggle, hegemony, government, change of state system, radical social movements, deprivation.

Революцию подготавливают гении, осуществляют фанатики, а плодами ее пользуются проходимцы.

Отто фон Бисмарк

История термина «революция» насчитывает немногим более четырех столетий, но причины массовых беспорядков и политических переворотов волнуют

* Савченко Виктор Александрович – аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук государственного университета «Дубна». E-mail: moisey.1982@mail.ru.

умы с давних времен. Предметом особенно интенсивного теоретического осмысления они стали в первой половине XIX в. после кровавых событий в Англии, Голландии, Франции и Северной Америке [Скочпол 2008].

Известно множество различных определений революции, но все они, помимо смены правительства, в той или иной мере включают в себя пять компонентов: соотнесение настоящего с будущим; доминирование коллективного начала и идеи социальной справедливости; построение нового общества на основе новой базовой культурной модели; подчеркивание возможности активного участия социальных групп в формировании нового социального и культурного порядка; универсалистская ориентация, отрицающая политические и национальные границы, но в то же время воспроизводящая социальный порядок в определенных границах. По мнению Ш. Эйзенштадта [1999], таков «чистый образ революции». С. Хантингтон [2004] охарактеризовал революцию как насильственное и фундаментальное изменение внутреннего положения страны, ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры и руководства с мобилизацией новых групп в политику и созданием новых политических институтов.

При решении вопроса об определении термина «революция» полезно обратиться к работе основателя теории конкурентной политики Ч. Тилли [2009]. Он решает проблему путем теоретического разделения понятий «революционная ситуация» и «результаты революции». Революционная ситуация начинается тогда, когда государство, ранее подконтрольное одному центру, одной политической системе, становится объектом эффективных, конкурентных и взаимоисключающих требований контроля со стороны двух и более самостоятельных политических систем. Революционная ситуация завершается по восстановлению монопольного контроля над государством одной политической силы. Результатом революции становится смена правящих элит (членов политической системы). Для любой политической революции характерен набор из трех слагаемых: многовластие, борьба за власть, господство одного победителя в результате борьбы. По восстановлению полного контроля над страной после революции команда победителей «поляризуется», самые активные ее участники нередко лишаются жизни. Известная фраза «Революция пожирает своих детей» приписывается разным деятелям Великой французской революции. В оригинале она звучит так: «Революция, как Сатурн, пожирает своих детей» (фр.: *A l'exemple de Saturne, la révolution dévore ses enfants*).

Ч. Тилли предложил оригинальное графическое представление революции (рис. 1). На основе его рисунка возможно оценивать революции количественно и качественно. Крайний вариант развития революционной ситуации – Великая революция, при которой происходят полномасштабная смена членов существующей политической системы, зачастую их физическое уничтожение, и непреодолимый идеологический раскол в обществе с вооруженной борьбой между соперниками. Классическими примерами служат Французская революция 1789 г. и Октябрьская революция 1917 г. в России. Идеологическая несовместимость старого и нового строя служит предпосылкой коренных преобразований в обществе, упразднения старых и создания новых институтов. Общество раскалывается на приверженцев старого и нового уклада.

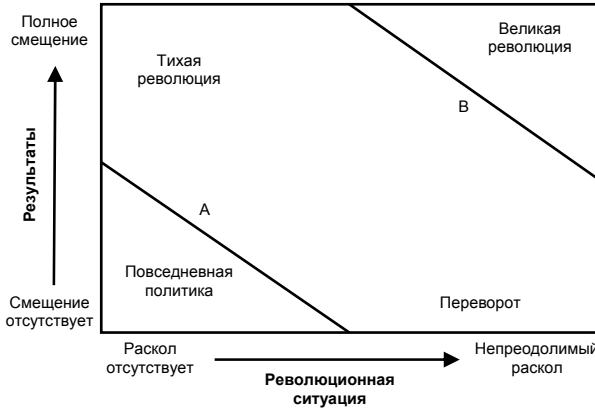

Рис. 1. Матрица «глубины» результатов революции

Источник: Tilly 1978: 7–11.

Революции могут происходить и в благополучных обществах, и в обществах с такими проблемами, как бедность, коррупция, злоупотребления правящей верхушки и т. п. Революция становится ключевым моментом в истории любого государства и во многом определяет характер будущих эволюционных изменений. Она не происходит одновременно, иногда борьба занимает годы. Дату зачастую «назначают» постфактум и превращают ее в национальный праздник.

К середине XIX в. обозначились две конкурирующие концепции, объясняющие причины возникновения революций. Все участники дискуссии признают наличие серьезного недовольства накануне у значительной доли населения. Но в чем причина этого недовольства? По мнению К. Маркса [1959], недовольство главным образом возникает из-за абсолютного и относительного обнищания населения, более не желающего терпеть угнетенного положения. Согласно теории исторического материализма, фундаментальная причина социальных революций кроется в углубляющемся противоречии между развивающимися производительными силами и консервативными производственными отношениями: «Пролетариев всех стран я призываю к революции, потому что им нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» [Маркс, Энгельс 1951: 26]. Основной тезис классиков марксизма состоит в том, что прогрессирующая пролетаризация общества наконец достигнет критической точки, сделав восстание неотвратимым. Предварительное условие беспорядков не в деградации пролетариев, а в их экономическом положении: рабочие не желают пассивно наблюдать растущее благосостояние эксплуататоров, вследствие чего возникает социальная напряженность [Там же: 39]. По мнению большинства социалистов, именно экономический фактор становится определяющим при возникновении недовольства больших масс населения и формировании установки на свержение правительства.

Несколько ранее иную и во многом противоположную версию причин и механизмов революционного взрыва предложил А. де Токвиль: «Таким образом, французы нашли их положение более неподъемным, когда имели тенденции к улучшению. Революции не всегда вызваны постепенным снижением уровня от плохого к худшему. Страны, которые перенесли терпеливо и почти сознательно

самое сильное подавление, восставали против ига в тот момент, когда начинал расти уровень благосостояния и свобод. Режим, который уничтожен революцией, всегда лучше по сравнению с его преемником» [Токвиль 2008: 108]. Токвиль обратил внимание на то, что перед Великой французской революцией уровень жизни французских крестьян и ремесленников был самым высоким в Европе, а Северная Америка накануне первой в истории антиколониальной революции была самой богатой и процветающей колонией мира. Опираясь на такие примеры, он пришел к парадоксальному заключению: не бедность и беспросветное существование (как это кажется логичным и как любят представлять лояльные революции идеологи), а, напротив, экономическое процветание, провоцирующее растущие потребности, становится непосредственной причиной революций.

В 1960-х гг. американский ученый Дж. Дейвис [1967] сопоставил модели Токвиля и Маркса с известными данными о революциях XX в., включая три русские революции, и пришел к выводу, что оба его великих предшественника были по своему правы. Чтобы разобраться в этом противоречии, полезно выделить экономический, демографический, антропологический и культурный аспекты, расположив их в иерархии по убыванию значимости.

Экономический аспект возникновения недовольства

Дж. Дейвис описал и показал графически момент возникновения такого коллективного недовольства большой доли населения страны (аномии), дал пояснение условий возникновения и возможные варианты развития событий. Анализу подверглись Американская революция 1775 г., Французская революция 1789 г., Русская революция 1917 г., египетская революция 1952 г. и ряд революций меньшего масштаба. Было исследовано большое количество протестных выступлений в разное время в различных странах при разных режимах правления, но имеющих главной предпосылкой продолжительный период экономического роста и устойчивое повышение уровня благосостояния граждан. В результате постоянный рост благосостояния становится «трендом», от которого очень трудно отказаться (рис. 2). Когда правящий класс становится неспособным неуклонно удовлетворять растущие потребности и ожидания, у значительной части населения усиливаются настроения недовольства и состояние фрустрации. Все рассматриваемые им революции произошли при экономической стагнации после продолжительного периода экономического подъема, который отражался на уровне благосостояния населения.

Последующие эмпирические исследования (с использованием анкет и фокусированных групповых интервью) обнаружили также парадоксальный психологический эффект, названный *ретроспективной аберрацией*. Поскольку массовое сознание воспринимает динамику экономических и прочих тенденций через призму растущих потребностей и ожиданий, объективно благоприятные процессы часто сопровождаются усиливающейся недовольственностью [Назаретян 2009]. Этот эффект отчасти объясняет возникновение революций в странах, где уровень жизни народа достаточно высок, а показатели угнетения и нищеты сравнительно слабо выражены. Впрочем, практика свидетельствует, что крайняя бедность

(с точки зрения внешнего наблюдателя) не провоцирует массового протеста, скорее, люди принимают ситуацию с тихой безысходностью, весьма смиренно.

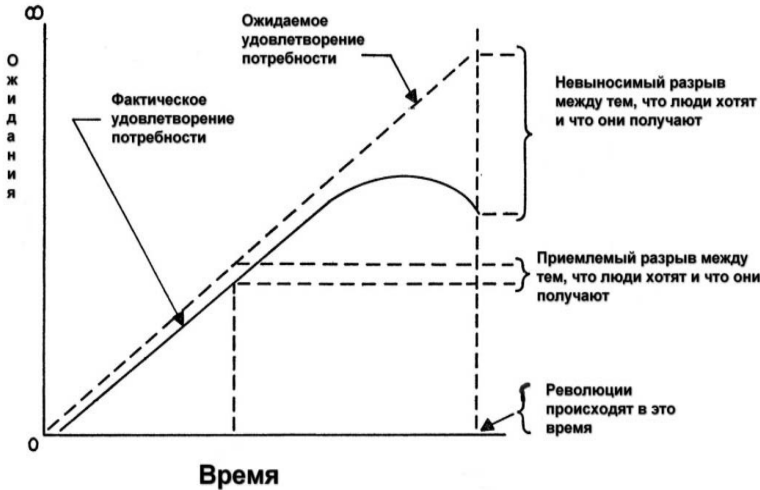

Рис. 2. Возникновение революций при объективном отрыве фактического удовлетворения от ожидаемого (по Дж. Дейвису)

Источник: Дейвис 1967: 12.

Важный вклад в понимание того, как формируется протестный потенциал отдельного индивида, внес Р. Мертон. Революция рассматривалась им как ситуация, когда значительная часть населения страны переживает особое чувство разрыва между целями и способами их достижения, когда поставленные цели либо недостижимы законными средствами, либо вероятность их достижения очень мала. В статье «Социальная структура и аномия» Р. Мертон [1966: 88] писал: «Требования общества, предъявляемые к лицу в подобном случае, несовместимы между собой». Схожая ситуация возникает и в наши дни, когда телевизионная реклама рекомендует сменить автомобиль на более новую модель, а возможности такой нет и не предвидится в ближайшей перспективе. Таким образом, культурная среда служит мощным фактором формирования протестного потенциала («эффект зеркала»). Данная ситуация более характерна для общества потребления наших дней. Опираясь на теорию аномии Э. Дюркгейма, Мертон отчасти объясняет коллективные действия больших групп при невозможности законными средствами удовлетворить все потребности, которые во многом сформированы культурной средой. В обществе, где материальный успех служит мерилом человека, у отдельного индивида очень легко вызвать чувство аномии примером более успешных в этом плане людей. Оппозиционные СМИ (а сегодня без их активного участия не обходится ни одна революция) первым приемом создают «эталон» того, что могло быть при более высокой степени участия правящего класса в жизни простых людей.

Действующему правительству также стоит обратить внимание на культурную среду, которая и при достаточном уровне благосостояния способна создавать чувство аномии [Гарр 2005: 89]. Эту ситуацию Т. Гарр описал, используя термин *де-*

прива́ция вместо аномии. Момент зарождения серьезного недовольства и начало протестных движений на оси времени также можно представить графически (рис. 3). В относительно спокойное и благополучное время СМИ могут вызвать чувство аномии и депривации даже у очень успешных людей, рекламируя недостижимые для них вещи как символ успеха. Уровень благосостояния стабилен, тогда как ожидания (субъективная оценка того, что нужно иметь на данный момент) возрастают. У части индивидов под воздействием потребительской культуры формируется устойчивое стремление постоянно повышать уровень потребления товаров и услуг, но экономическое положение в стране этого не позволяет. Таким образом, революция во многом становится продуктом растущих ожиданий удовлетворения экономических запросов, а идеология общества потребления в значительной степени способствует росту этих ожиданий.

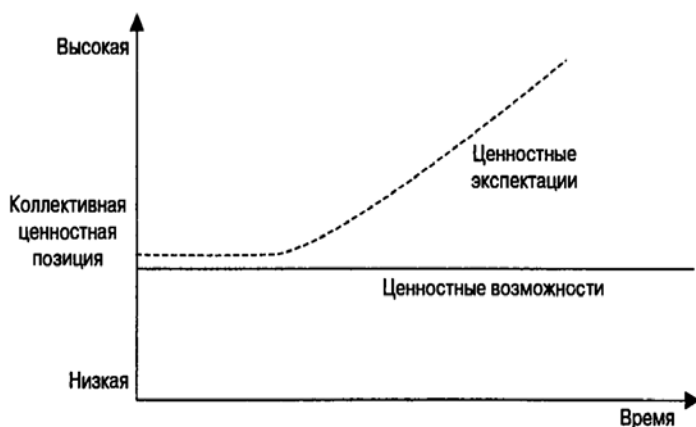

Рис. 3. Возникновение протестного потенциала, который может перерасти в революцию при возрастающих ожиданиях и стабильных возможностях, по Гарру (наиболее характерно для общества потребления)

Источник: Гарр 2005: 89.

Демографический аспект

Для более полного понимания следует проанализировать возникновение и развитие факторов, способствующих революции, в совокупности с динамикой роста населения. Важный момент в теории Дж. Голдстоуна [Goldstone 2003] – так называемый *молодежный бугор*, высокий процент незанятой молодежи на момент начала революции вследствие высокой рождаемости и низкой детской смертности за предыдущие 20–30 лет. Высока доля «пехоты» революции!

Голдстоун рассматривает демографические сдвиги как одну из главных структурных причин революций. Кумулятивный эффект роста населения оказывает негативное влияние на общественные институты как на фундамент общества. Из-за демографических сдвигов нагрузка на экономику растет. Именно молодые люди околостуденческих лет, которые не видят себе достойного применения в сложившихся условиях, принимают самое активное участие в противостоянии органам правопорядка. Особенность данной демографической группы в том, что она сравнительно легко поддается «уравнительным» идеологиям, призывам к

неповиновению и радикальным действиям. Молодежь всегда становилась самой активной частью населения в деле изгнания правителя. Пропаганда и призыв выйти на баррикады формируется специально под уровень сознания 18–25-летних. Именно для них складывается образ революционера как борца с несправедливостью и угнетением, за лучшую жизнь. Так, в последние десятилетия для привлечения в лагерь протестующих молодых людей очень часто используется символика с изображением Эрнесто Че Гевары.

Силы правопорядка часто тоже подвергаются революционной пропаганде, некоторые из силовиков даже испытывают нечто вроде симпатий к протестующим. Процент сочувствующих определяет степень монолитности фронта борьбы с протестом и момент перелома в противостоянии. Еще одним фактором протестного потенциала, и это особо стоит подчеркнуть, становится недовольство элитарных групп. Исследователь революций Э. Э. Шульц [2004] доказывает жесткую взаимосвязь протестного потенциала с приростом населения страны и увеличением всевозможных благ для населения. Прирост населения в последнее время значительно опережает ожидаемое увеличение благ, и с течением времени разрыв только увеличивается. При определенном уровне разрыва возникает протестный потенциал. Революции совершают молодые люди, ожидания которых не оправдались по ряду причин. Свойственные молодежи ожидания увеличения благосостояния играют негативную роль для государства в условиях экономических трудностей.

На протяжении всей истории человечества именно молодежь оказывалась той ключевой силой, которая предопределяла исход противостояния. Так, Египетская революция 2011 г. произошла, по мнению ряда исследователей, из-за высокой доли безработной молодежи с высшим образованием, ожидания которой на лучшую жизнь с дипломом не оправдались [Коротаев, Зинькина 2011]. За все время правления Х. Мубарака динамика роста экономики составляла как минимум 4 % в год, существовало немало программ социальной поддержки населения, включая субсидии на продовольствие, медицину и образование. На момент начала революции Египет находился на передовых позициях по ключевым показателям в своем регионе. Детальное рассмотрение предреволюционной ситуации выявило наличие «эффекта бумеранга» от собственных успехов. Примерно за 20–25 лет до этих событий были предприняты успешные меры по снижению детской смертности и увеличению рождаемости. За 20 с лишним лет население страны увеличилось вдвое, и доля молодежи в 2011 г. составляла около 12 % – очень высокий показатель. Ситуацию усугубил факт наличия высшего образования у 43 % безработной молодежи. Правительство Египта не оценило угрозу от сочетания двух накладывающихся друг на друга «бугров» – процента молодежи и количества дипломов у безработных, – совпавших в один непродолжительный период времени.

Антропологический аспект

Касаясь психологического фактора возникновения революций, элитолог Г. Моска [1994] проводит параллели с животным миром. В природе часто встречаются ситуации деления прежде однородного стада животных на два лагеря

и довольно серьезная вражда впоследствии. Дальнейшие исследования стадных животных подтвердили гипотезу о стремлении к поляризации. Вместе с тем зоопсихологами показано наличие особых зон в головном мозге, отвечающих за агрессию в отношении представителей своего вида [Лоренц 1994]. И чем выше уровень развития индивидуумов, тем эффективнее инструментарий привлечения сторонников в свой лагерь для борьбы с лагерем враждебным.

При этом существует особая эмоциональная связь между членами одной группы, преданность и самоотверженность в борьбе. Антропологи в архаичной культуре охотников-собирателей довольно часто наблюдают эффект переориентации агрессии молодежи на соседнее племя. Пока молодые заняты межплеменными конфликтами, сохраняется относительная стабильность внутри племени [Савчук 2001]. Многочисленные исследования социальной агрессии демонстрируют, что образ общего врага испокон веков служил основным фактором групповой консолидации.

В данной части статьи необходимо коснуться и так называемого палингенетического мифа – глубоко укорененной в человеческой психике потребности качественно нового начала, коренного перерождения после длительного периода упадка [Соловей 2016]. С этих позиций ключевыми моментами революций выступают протестные действия небольшой активной части населения, способной повести за собой на баррикады людские массы. Это активное меньшинство с его смутной неудовлетворенностью и сильным желанием прорваться через покровы обыденности играет решающую роль. Революция для них – единственное средство стать частью истории, вырваться из оков повседневных бытовых забот. На данный момент существует немало исследований идеологической общности, возникшей на основе иррационального консенсуса. Исследованы проблемы возможного спонтанного формирования сообщества веры в условиях общего смыслового кризиса путем проецирования народных чаяний на какое-либо движение, которое ставит текущему кризису всеобъемлющий диагноз и в качестве панацеи от всех бед предлагает совершение революции. В результате возникает «палингенетическое политическое сообщество», характеризующееся мощными коллективными иллюзиями сверхличностного единства цели. При объективном рассмотрении становится очевидно, что единство цели устраняет социальные и идеологические антагонизмы сообщества [Гриффин 2006]. Иррациональным это движение является отчасти из-за понимания, что даже в случае победы в революционном движении победителям невозможно создать уклад, который будет лучше разрушенного. Как говорил А. де Токвиль, «режим, который уничтожен революцией, всегда лучше по сравнению с его преемником» [Токвиль 2008: 85].

Культурный аспект

Важный вклад в общую картину возникновения революций внес итальянский коммунист А. Грамши. К. Маркс [1959] выделял экономический аспект в появлении революционного потенциала – отставание производственных отношений от производительных сил. Поскольку владельцы средств производства оставляют львиную долю прибыли себе, а не вкладывают в социальную сферу, при возникновении значительного финансового отрыва капиталистов от пролетариата неми-

нуемо произойдет революция. А. Грамши [1991], разрабатывая учение о культурной гегемонии, ввел понятие «культурное ядро». Культурной гегемонией, по Грамши, называется ситуация, при которой достигнут некоторый уровень согласия народа и власти (в том числе и относительно приемлемого разрыва между производительными силами и производственными отношениями), граждане активно желают того, что требуется правительству. По Грамши, «государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых» [Там же: 154].

Согласие служит цементирующей основой сильного государства, его добиваются посредством СМИ, образовательных и воспитательных институтов, и это особо следует подчеркнуть в эпоху информационных технологий, когда средства массовой информации не в полной мере принадлежат тому государству, в котором функционируют. Под лозунгами свободы слова ведется подрывная работа по размыванию согласия между властью и народом, что неминуемо повысит вероятность возникновения массовых беспорядков. В предреволюционный период неподконтрольные правительству СМИ говорят словами В. Высоцкого: «Нет, ребята, все не так. Все не так, ребята»^{**}.

Используется весь набор пропагандистских инструментов, в неблагоприятном свете трактуются внешняя и внутренняя политика. Демонстрируя недостижимые материальные блага, оппозиционеры убеждают людей в неспособности обеспечить желаемый уровень благосостояния по причине коррумпированности и слабости, искажают историю в целях демотивировать приверженцев правительства, которому якобы безразлична судьба народа. Одновременно с этим особо акцентируется внимание на лидерах оппозиции, не упускается возможность возвеличить их. Проводится атака на мнения и настроения людей. Большой вопрос, являются ли лидеры оппозиции ставленниками иностранных правительств, или помощь оказывается в расчете на временную дезинтеграцию предреволюционного государства, что обеспечит конкурентные преимущества в борьбе за доминирование. Так, во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. протестные движения вынудили царя признать себя побежденной стороной, когда военная победа была практически обеспечена [Стариков 2006].

В культурном аспекте уровень согласия власти и граждан играет весомую роль. У граждан имеется потребность действовать в одном ключе с правительством, неподконтрольные СМИ действуют в целях укрепления гегемонии власти, неподконтрольные и принадлежащие в какой-то степени иностранному заинтересованному центру прилагают усилия в деле разрушения гегемонии правителя. В ситуации, когда улучшения жизненного уровня не предвидится ввиду экономических трудностей государства, неподконтрольные СМИ продолжительное время могут формировать ситуацию растущих ожиданий, при определенном разрыве ожиданий и возможностей (см. рис. 3) уменьшится уровень согласия между властью и народом и увеличится вероятность революции.

^{**} 15 октября 2015 г. уровень иностранного уставного капитала в российских СМИ ограничен 20 %, что сделано во избежание влияния акционеров на направленность источника. Иностранные информационные агентства назвали эту меру еще одним шагом к тоталитаризму, как бы не замечая противоправных действий властей в западных странах.

Структурный аспект

В совокупности подходов к исследованию революций стоит выделить тот, согласно которому главные предпосылки политических революций заключены в несоответствии социальных институтов потребностям эпохи. Т. Скочпол, работая в марксистской парадигме, создала структуралистскую теорию возникновения революций. Государство, по ее определению, это «совокупность административных, полицейских и военных организаций, возглавляемая и в большей или меньшей степени координируемая исполнительной властью», а революция – быстрые базовые изменения классовых структур, сопровождающиеся и отчасти стимулируемые восстаниями снизу [Скочпол 2008: 87]. Автор отчетливо отделяет социальные революции от бунтов, мятежей, переворотов ввиду отсутствия в них быстрых структурно-социальных изменений, сопряженных с насилием. Рассмотрены социальные отношения в зависимости от экономических отношений, изменение классовых структур и трансформации с наступлением эпохи капитализма и образованием международных институтов под влиянием научно-технического прогресса. Отмечены коренные изменения в обществе при смене общественно-экономической формации.

Революция рассматривается в точках пересечения международных процессов с классово структурированными экономиками и политически организованными интересами. Корни революций – в классовой структуре общества и международно-историческом контексте. При ближайшем рассмотрении все великие революции имеют одну схожую черту: в ключевой момент наблюдается паралич административного и военного аппарата государства, сильные «низовые» движения и необычайная активность той части маргинальных элит, которые до того не претендовали в ближайшей перспективе на власть. Паралич обусловлен длительным и углубляющимся отрывом производительных сил от производственных отношений, при котором существующий строй шаг за шагом теряет легитимность, смещается лояльность как элит, так и простого народа. Потеря легитимности происходит из-за серьезной имущественной, статусной и правовой дифференциации в обществе, когда владельцы средств производства львиную долю прибыли оставляют себе, не заботясь о социальной сфере рабочих.

Еще одним немаловажным фактором служит международное вмешательство: это могут быть не вполне удачные военные кампании, обострение обстановки со срывом планов давно назревших реформ, модернизации ключевых сфер государства. Достаточно случаев с запретом более могущественных государств правительствам, находящимся на острие революционного процесса, применять силу против протестующих под предлогом недемократичности и т. д., что вызывает полный паралич органов правопорядка и дает новые стимулы протестующим [Коротаев, Зинькина 2011].

В аграрных государствах немаловажную роль играют социальные протесты на селе, которые часто провоцируются институциональным отчуждением крестьянства от касты землевладельцев наряду с чисто потребительским характером отношений между ними [Moore 1967]. Т. Скочпол, рассмотрев революции в аграрных странах, приходит к выводу о прямых предпосылках из-за двойной экс-

плуатации земледельцев государством, с одной стороны, и собственником земель – с другой. Причем в среде крестьян есть институты коллективной солидарности, особая сплоченность, свои неформальные лидеры. Со стороны землевладельцев нет прямого контроля над трудовой деятельностью и досугом крестьян, зато имеется централизованный бюрократический аппарат [Skocpol 1979].

В последние десятилетия появился еще один фактор революции – ускоряющийся процесс глобализации. Один из негативных факторов – установление единых поведенческих стереотипов, культурных ценностей и норм, деформация социальных институтов по подобию существующих в наиболее развитых странах – локомотивах глобализации. Исследователь процессов глобализации А. Н. Чумаков указывает, что охват развивающихся стран интеграционными процессами становится структурным фактором противодействия становлению единой цивилизации [Чумаков 2015]. Так, иранская революция 1970-х гг. стала ответной реакцией на слишком быстрые изменения социальных институтов по западному образцу, внедрение системы образования, образа жизни, капиталистических социальных институтов, демократических и либеральных принципов. Фактически влияние глобализации было отторгнуто значительной частью населения. Примерно с этого момента начат отсчет истории исламского фундаментализма и борьбы против насильственного насаждения унифицированных правил. Наиболее могущественными в революционном действии являются шииты, которые представляют подавляющее большинство и наиболее трепетно относятся к соблюдению обычаев предков. Уместно рассматривать эту революцию как процесс сопротивления западной и социалистической глобализации. Для данного явления даже существует специальное понятие «обратная глобализация» – течение снизу вверх, со стороны периферии в центр [Гидденс 1999]. Глобализация сверху, со стороны одного из центров силы, рассматривалась большей частью населения Ирана исключительно как попытка установления полной гегемонии со стороны могущественных соседей, как новая форма неокOLONIALИЗМА и стремление насильственно разрушить веками сложившиеся устои.

Структуралистский подход имеет ценный прогностический потенциал в динамично развивающихся обществах с интенсивным процессом изменения способов и форм хозяйствования, трансформацией структуры общества, преобразования социальных институтов в эпоху технического прогресса. Революции в быстро меняющемся обществе действительно возможны из-за отставания производственных отношений от производительных сил и в противоположном случае – как в Иране. К. Маркс определял отставание производственных отношений от производительных сил как объективный процесс, революции возникают по причине сильного отрыва этих переменных на шкале времени, ситуация принудительного насаждения особых производственных отношений без соответствующих производительных сил никогда не рассматривалась как невозможная на тот момент. Она стала возможна только с переходом на особую ступень глобализации и, как мы видим, имеет некоторые негативные последствия. Страна с нарушением относительной гармонии между производительными силами и эволюционировавшими вслед производственными отношениями разбалансируется. Накануне революции Иран «заимствовал» у капиталистического мира модель построения общества,

пытался переделать социальные институты на иной манер без учета того, что производственные отношения сложились на Западе эволюционным путем, отстаивая и подстраиваясь под объективное производственное и технологическое могущество. В случае опережения производственными отношениями производительных сил вносится дополнительная субъективная компонента, которая может играть негативную роль и вызывать отторжение у значительной части общества [Ильин 2013].

В рамках структурного аспекта следует особо выделить закон техно-гуманитарного баланса, который описывает механизм обострения и временного преодоления антропогенных кризисов. Он отображает зависимость между тремя переменными – технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью социальной системы. Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества [Назаретян 2017]. Насажение извне культурных регуляторов западного мира без соответствующего уровня технологического развития (как это было в Иране перед революцией) «не нашло понимания» у ретроградно настроенной части населения.

Обобщая перечисленные аспекты, приходим к выводу, что вероятность социальной революции максимально высока, когда большая доля молодежи в демографической структуре дополняется несбывшимися ожиданиями увеличения благосостояния без должного контроля государства над СМИ, прямо или косвенно призывающих к протесту. На начальном этапе революции в России октября 1917 г., Французской революции 1789 г., Американской революции 1775 г. имелся ярко выраженный образ будущего социального устройства после изменения политического режима, коренной пересмотр принципов взаимоотношений между людьми, классовыми отношениями, производительными силами и производственными отношениями, расширение круга участвующих в политическом процессе. Идеология коренных преобразований устройства государства в великих революциях играла главенствующую роль. Все последующие революции провозглашали своей целью главным образом более справедливое распределение материальных благ без существенного изменения социальных институтов. Идеологическая компонента приобретает в последнее время ярко выраженный уравнилительный характер, играет второстепенную роль и становится функцией от экономического состояния граждан. Во многих революциях звучат призывы менять форму правления, но только на такую, которая, по мнению революционеров, обеспечит наибольший уровень благосостояния граждан, минимальное имущественное неравенство и вертикальную мобильность. При анализе всего вышесказанного возникает соблазн дать рекомендации недопущения совпадения в один непродолжительный момент всех негативных сторон вышперечисленных аспектов, осторожно стимулировать растущие ожидания, особенно в период реального экономического роста, который рано или поздно сменится относительным спадом: своевременное предупреждение о такой перспективе и объяснение ее причин помогают предотвратить фрустрации, провоцирующие всплеск агрессии.

Литература

- Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб. : Питер, 2005.
- Гидденс Э. Социология. М. : УРСС, 1999.
- Граммши А. Тюремные тетради: в 3 ч. Ч. 1. М. : Политиздат, 1991.
- Гриффин Р. Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 51–63.
- Дейвис Дж. К теории революции // Американское социологическое обозрение. 1967. Вып. 27. № 1. С. 5–12.
- Ильин В. Н. Алгоритмический маятник истории. М. : Менанд, 2013.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 2. С. 5–29.
- Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. М. : Прогресс, 1994.
- Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. 2-е изд. Т. 13. М. : Госполитиздат, 1959.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М. : Госполитиздат, 1951.
- Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / под ред. М. Н. Грецкого. М. : Прогресс, 1966.
- Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 97–117.
- Назаретян А. П. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 2. С. 150–170.
- Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология в глобальном прогнозировании. М. : Аргамак-медиа, 2017.
- Савчук В. В. Насилие и цивилизация комфорта // Антропология насилия / под ред. В. В. Бочарова, В. А. Тишкова. СПб. : Наука, 2001.
- Скочпол Т. О революции. М. : Прогресс, 2008.
- Соловей В. Д. Основы революционной борьбы в современную эпоху. М. : Эксмо, 2016.
- Стариков Н. В. Кто убил Российскую империю? М. : Эксмо, 2006.
- Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. М. : Территория будущего, 2009.
- Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб. : Алетей, 2008.
- Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы современного мира // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–47.
- Хантингтон С. Социальный порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004.
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект-Пресс, 1999.

Шульц Э. Э. Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор) // Вестник МГУ. Серия «Политология». 2004. № 2. С. 98–112.

Goldstone J. A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley : University of California Press, 2003.

Moore B. Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston : Beacon Press, 1967.

Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA : Addison Wesley, 1978.

Skocpol T. *State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia, and China* // *Theory and Society*. 1979. Vol. 7. No. 1. Pp. 189–204.

СИМУЛЯКР КАК ЕДИНИЦА СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Нелюбин Н. И.*

В статье рассматривается тенденция усиления симулятивных форм жизненных отношений, в которые встраивается и которые воспроизводит современный человек в собственном мышлении и коммуникативной практике, уходя тем самым от напряженной работы понимания и самопонимания. Анализируются проявления кризиса смыслообразования в современной образовательной коммуникации, которая все больше начинает строиться по симулятивному принципу, отторгая онтологически присущие ей диалогические и экзистенциальные составляющие. В описываемой тенденции автор усматривает причины нарастающего духовного упадка современного университета.

Ключевые слова: *жизненные отношения, жизнь, симулякр, симуляция, смысл, событие, образование, коммуникация, самопонимание.*

The article considers the tendency of strengthening of simulative forms of life relationship, in which contemporary people are 'embedded' and which they reproduce in their own ideation and communicative practice, evading hard work of understanding and self-understanding. It analyzes the manifestation of the meaning-making crisis in the contemporary educational communication, which becomes more and more based on the simulative principle and rejects its ontologically subsistent dialogical and existential constituents. The author sees the reasons of the growing spiritual decline of the contemporary university in the described tendency.

Keywords: *life relationship, life, simulacrum, simulation, meaning, event, education, communication, self-understanding.*

Проблема имитации современным человеком жизненных отношений относится к категории вечных проблем человеческого существования. Ее постановка и обсуждение стали традиционными пунктами в европейской философско-психологической мысли первой половины – середины XX в. (М. Хайдеггер, К. Ясперс, К. Г. Юнг, Х. Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, Э. Фромм и др.). Сегодня она по-прежнему остается в центре гуманитарного дискурса и все более активно вводится в предметное поле психологической науки в связи с обращением исследователей к психологии человеческого бытия [Субъект... 2005].

Кризис существования современного человека по-прежнему отягощается симуляцией им жизненных отношений и культивированием таких представлений о мире, в упрощающем контексте которых мог бы воспроизводиться его наивный концепт самого себя: «Почти никто не находится на своем месте, не реализует свою подлинную судьбу. Человек живет уловками, которыми обманывает самого

* Нелюбин Николай Иванович – к. псих. н., доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета, г. Омск. E-mail: nelubin2001@yandex.ru.

себя, представляя мир простым и беспорядочным, несмотря на то, что его жизненное сознание буквально кричит о том, что настоящий мир, который соотносится с современностью, невероятно сложен, конкретен и требователен. Но он боится – несмотря на свои грозные телодвижения, средний человек сегодня очень слаб, – боится открыться этому подлинному миру, который многого требует от него, и предпочитает фальсифицировать свою жизнь, оставляя ее заключенной в витом коконе своего фиктивного и упрощенного мирка» [Ортега-и-Гассет 2005: 55].

Вслед за М. К. Мамардашвили жизнь здесь я понимаю как *напряженное «усилие во времени», совершаемое индивидуумом для того, чтобы преодолевать стихийную и натурально данную ситуацию своего развития, сбываться в собственном мышлении и переживаниях в качестве человека (приобщенного к культуре), как открытой возможности самого себя* [Мамардашвили 1995; 1997]. В том случае, если это усилие им не совершается, то жизнь, по мысли автора, складывается по принципу «потерянного времени», хотя внешне она может выглядеть как весьма насыщенная (в социально-психологическом, ролевом срезе) система отношений, в которую встроены и которую воспроизводит человек [Там же]. Ситуация эта осложняется тем, что он намеренно или подспудно *создает в собственном сознании такие модели действительности и упрощающие мир схемы, в силу которых он не замечает и не понимает, что с ним происходит на самом деле на уровне базальных жизненных отношений и глубинных пластов смыслообразования*. Если переформулировать в критической тональности известное высказывание М. Вебера о человеке как единственном существе, которое живет в «паутине смыслов», то следует заключить, что *современный человек живет в паутине самообмана, подражающей жизненным смыслам*. Еще более радикальную версию происходящего иллюстрирует Ж. Бодрийяр, поднимая вопрос господства бес-субъектных симулякров над смысловыми структурами сознания отдельного субъекта: «Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова» [Бодрийяр 2000: 8]. В результате человек все больше погружается в мир кажимостей, имитирующий его жизненный мир, забывая о своем главном задании – превращать повседневность в экзистенциальность.

Реализация этой задачи, в свою очередь, требует выполнения особой рефлексивной практики – осознать самого себя «как событие, а осуществляющееся в нем событие – как другого индивида, как бы привитого к нему» [Делёз 2011: 233–234]. Речь здесь идет о постижении себя перед лицом собственной возможности «быть другим». Если говорить о настоящей практике самопонимания, то она предполагает реализацию именно такой познавательной установки. Первое, с чего она начинается, – это переживание несовпадения с самой собой, разрыва в бытии, обнаружение зазора, из которого проглядывает новый, не выводимый из прежнего познавательного горизонта опыт осмысления себя. Об этом условии самопонимания писали М. М. Бахтин, Ф. Е. Василюк, М. К. Мамардашвили, П. Рикёр и др.

Однако все чаще приходится констатировать, что вместо «трансцендентального другого», выступающего в качестве необходимого условия осмысления себя, в современном человеке все чаще «живет кто-то квазиформальный, который является носителем наших социальных идентификаций. Этот кто-то гарантирует преимущество чужого над своим: там, где, кажется, нахожусь я, уже всегда суще-

ствовали другие, они превращают меня в автомат благодаря обобществлению моей жизни» [Sloterdijk 1983: 156]. Продукты подобной ассимиляции могут приобретать различные формы: авторитарной совести (Э. Фромм); неконгруэнтной Я-концепции (К. Роджерс); интроектов (Ф. Перлз); «полипняка субличностей» (А. Н. Леонтьев) и т. д. По мере расширения сферы влияния такой ложной формы самотождественности современный человек все чаще обнаруживает себя в потоке ложных идентификаций, убегает от себя в направлении чьих-то ожиданий, встраивается в конъюнктуру заданных сценариев жизни. Причем это такая незаметная и привычная форма экзистенциального эскапизма, что она начинает восприниматься как само собой разумеющееся поведение социально преуспевающего индивида. По замечанию М. К. Мамардашвили, такое положение вещей является не чем иным, как свидетельством «смертельной болезни» человека (в метафизическом смысле), свидетельством того, что он не может на экзистенциальном уровне приобщиться к культуре и мышлению, не может «родиться заново» как личность [Мамардашвили 1997].

Подобное положение весьма характерно для современного человека, который все чаще обнаруживает себя на стыке многочисленных коммуникативных актов, втягиваясь в ситуацию глобального информационного обмена и все больше становясь человеком коммуницирующим. Означивание, беглое чтение и переадресация становятся ведущими функциями современной коммуникации. Стремительно обновляющаяся в медиaprостранстве информационная повестка дня побуждает человека к погоне за свежими и интересными фактами, резонансными сообщениями, яркими комментариями и т. п. Сегодняшнее интернет-пространство построено по принципу созависимых и неисчерпаемых гиперссылок, мгновенно обновляющих или отменяющих контекст предыдущего сообщения и не дающих пользователю шансов на рефлексивные остановки.

Многим из моих современников еще знаком феномен чтения «взахлеб», который можно попытаться описать как состояние *тотальной поглощенности сюжетом литературного произведения, сопровождающееся обстоятельным вхождением в его смысловой контекст и максимальным проживанием идентификации с героями произведения, с последующим рефлексивным обращением к собственным жизненным отношениям*. Интернет-серфинг при первичном рассмотрении является современной версией такого чтения. Однако из этого занятия выпадает одна важная составляющая – возможность удерживаться в смысловом поле сообщения, возможность прорабатывать информацию в «вертикальном времени» смысла и понимания [Его же 1996; 1997]. Поэтому «прибавочная ценность» информации, определяемая мерой личностно-смыслового вклада субъекта познания, в современных условиях информационной глобализации становится минимальной. Интернет-серфинг, поступательно вытесняющий практику диалогического чтения, элиминирует важнейшую функцию человеческого сознания, «его первичную и главную цель – создавать осмысленные контексты-содержания» [Молчанов 2007: 107].

Описываемая тенденция принимает сегодня чудовищные масштабы и дискредитирует экзистенциально-феноменологическую сторону повествовательной деятельности, в соответствии с которой «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный)» [Бахтин 1979: 285]. Причем большую ценность в плане выражения психологии

человеческого бытия представляет не сам по себе текст, а «событие жизни текста», которое «есть его подлинная сущность» и «всегда развивается *на рубеже двух сознаний, двух субъектов*» [Бахтин 1979: 285]. Потому сам текст актуализируется в актах его чтения и диалогического осмысления. «Обычно мы считаем, что есть текст и есть акт его чтения, – отмечал М. К. Мамардашвили, – а я вам предлагаю другой вариант: текст, который складывается в качестве текста актом его чтения. Самим актом извлечения смысла» [Мамардашвили 1995: 389]. Более того, сам читатель, включаясь в чтение на уровне субъекта жизни, имеет возможность получить доступ к герменевтике собственного духа: «Только собственный внутренний опыт давал мне возможность понять читаемую книгу. В этом случае то, что в книге написано, есть лишь знаки моего духовного пути» [Бердяев 2011: 327]. Ю. М. Лотман [1999: 108] в качестве главной функции текста выделял его способность инициировать и трансформировать самоосмысление как порождающей, так и читающей тексты личности. П. Рикёр подчеркивал, что «понимание многозначных, или символических, выражений является моментом самопонимания человека» [Рикёр 2002: 49]. Таким образом, *подлинная герменевтика текста с необходимостью смыкается с герменевтикой самобытия субъекта чтения*. Если же возвратиться к интернет-серфингу, то следует отметить, что блуждание по бесконечно обновляющимся страницам представляет собой не что иное, как ежедневное и ставшее уже привычкой «бегство» человека от самопонимания.

Стремление современного человека быть открытым информационному потоку зачастую приобретает крайнюю форму, которую метафорически можно обозначить как «информационная булимия». Это навязчивая потребность субъекта в непрерывно обновляющейся информации, коммуникативном контакте, быстрой обратной связи, сопровождающаяся нетерпеливым ожиданием оценки собственных сообщений. Так современная коммуникативная среда превращается в «пространство симуляции» разговора без определенной интенции говорить: «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают друг друга, общаются, здесь разыгрываются самые тонкие механизмы постановки коммуникации. Контакт ради контакта становится родом пустого самособлазна языка, когда ему уже просто нечего сказать» [Бодрийяр 2013: 282].

Зачастую коммуникативное пространство социальных сетей «прогрессирует» по такому же принципу, становясь в конечном итоге пространством «симуляции разговора», который как будто бы обладает событийным эффектом. В таком разговоре принято «как будто присутствовать», «разделять радость», «выражать симпатии», «демонстрировать заинтересованность», «выражать озабоченность», «давать нравственную оценку», «апеллировать к ценностям высокого порядка», но вместе с тем оставаться в плоскости формальной беседы или болтовни, в которой нет места для риска настоящего откровения. Событие же имеет, по мысли М. К. Мамардашвили, структуру откровения. Внутри описанной выше коммуникативной практики происходит выхолащивание событийного резонанса человеческого общения, что в конечном итоге ведет к размыванию границ нравственной позиции личности.

Информационная повестка дня крупных медийных площадок создается по схожему принципу – имитации несуществующего. Ежедневно человек оказывается в эпицентре глобального вымысла, старательно навязываемого массовой культурой в качестве контекстуального фона его жизненного мира: «Мы входим здесь

в мир псевдо-события, псевдо-истории, псевдо-культуры <...>. То есть события, истории, культуры, идей, произведенных не живым опытом, противоречивым, реальным, а произведенных наподобие артефактов посредством элементов кода и технической манипуляции медиума. Предстоящее потреблению событие отфильтровывается, дробится, перерабатывается целым индустриальным конвейером производства» [Бодрийяр 2013: 13–14]. В конечном итоге мы имеем дело не с событием как таковым, а с его репликой, удобной для восприятия и очищенной от действительности переживаний и жизненных отношений героев этого события. Поданное таким образом событие утрачивает свою бытийную наполненность, его остается принять к сведению или обсудить как случившееся происшествие, не устанавливая с ним личной соотнесенности, в конечном итоге вытеснить его за границы персональной актуальности. «Событие – не то, что происходит (происшествие), оно внутри того, что происходит, – чисто выраженное, подающее нам знаки и ожидающее нас», – писал Ж. Делёз [2011: 196]. В этом плане событие – это не происшествие (пусть даже экстраординарное), очевидцем которого является человек, а то, что ему предстоит понять в качестве его смысла. Событие смыкается с актом его осмысления.

Сегодня в само понятие «коммуникация» по большей мере вкладываются значения, которые описывают акты передачи и восприятия таких сообщений, в которых остается мало чего «собственноличного». Закрепившаяся в социальной психологии модель коммуникативного обмена «коммуникатор – реципиент» существенно обедняет образовательную коммуникацию, формализуя ее до ситуации обмена сообщениями между двумя телеграфистками. В таком обмене становится невозможным момент единства аффекта и интеллекта – момент осмысленного переживания, как внутренний момент всякой подлинной коммуникации, которая есть коммуникация смыслов в диалогическом контексте «возможных» и «выразительных» событий [Там же: 233]. В соотнесении с таким взглядом современную образовательную коммуникацию можно именовать квазикаммуникацией или, другими словами, мнимой коммуникацией, из которой выпадает событийное начало. Вместе с тем именно событие является необходимым атрибутом и предвестником всякого гуманитарного знания, если мы говорим о знании «живом», то есть встроенном в смысловую ткань экзистенциально-феноменологического измерения мышления и понимания. Так, по мысли А. М. Пятигорского, событие знания первично по отношению к содержанию знания [Пятигорский 1996: 31]. Здесь принципиальным моментом является то обстоятельство, что в психологии, равно как и в философии, есть понятия особого рода, которые имеют символическую природу (самость, смысл жизни, идентичность, совесть и др.), к раскрытию сущности которых нельзя прийти только формально-логическим путем, потому как они еще порождают какое-то особое состояние существования в том, кто употребляет данные понятия [Мамардашвили 1997]. Если этого эффекта не происходит, то они превращаются в пустые языковые конструкции или симулякры, в квазисмысловые информационные единицы, которые противоположны «живому» гуманитарному знанию.

Транслирование знаков и значений, установление между ними формально-логических отношений является не чем иным, как «голой сигнификацией», или, выражаясь словами Г. Г. Шпета, «пустым концептированием» [Шпет 1989], – тем, чего в сегодняшнем образовательном дискурсе в избытке. Оперирование концеп-

тами в отрыве от опыта их осмысления в конечном итоге ведет к легализации симулякров и симулятивной формы мышления, *внутри которой формальные акты оперирования значениями осуществляются безотносительно к опыту порождения смысла*. Трансляция, рецепция и ретрансляция быстро захватываемого («удобоваримого», как выражаются некоторые преподаватели) знания для экзамена становятся доминирующими актами образовательной коммуникации, вытесняя ее смыслообразующую составляющую. Если же говорить о лекции как универсальной форме образовательной коммуникации, то уместно вспомнить высказывание К. Ясперса: «Лекции имеют ценность, если становятся значимой жизненной задачей преподавателя, тщательно подготавливаются и к тому же возникают из реальной настоящей духовной жизни, обретая неповторимый характер» [Ясперс 2006: 80].

В соответствии с этой задачей лектор вовсе не должен озвучивать заранее скомпонованное содержание, ему необходимо показывать студентам опыт мышления «здесь и теперь», контекстуально и тематически релевантного как ключевым вопросам изучаемого предмета, так и вопросам собственного бытия. Только в этом случае реализуется подлинная задача образовательной коммуникации: «отсылать учащегося во всех решающих действиях к самому себе, к своей собственной ответственности...» [Там же: 77]. Если данная задача выпадает из образовательной коммуникации, то это является *свидетельством вырождения «духовного беспокойства» и его подмены функционально-ролевыми и бюрократическими по своей сути отношениями между преподавателями и студентами*. «Бюрократизация, доведенная до своего логического конца, означает опасность омертвления свободной духовности, собственной инициативы, личностной готовности рисковать» [Там же: 156]. Обращаясь к своим современникам – преподавателям и студентам, Х. Ортега-и-Гассет предупреждал, что симулятивная форма образовательной коммуникации в конечном итоге приводит университет к глубокому распаду: «Институт, в котором *делают вид*, что дают, и требуют то, чего не могут ни дать, ни потребовать, – фальшивый и разлагающийся институт» [Ортега-и-Гассет 2005: 38].

Настоящая лекция (в том виде, как ее понимал К. Ясперс) сегодня становится редким явлением, а преподаватели, еще способные к такому ежедневному духовному стоянию, воспринимаются и студентами, и коллегами как не от мира сего, как нарушители *негласной договоренности поддерживать удобную для большинства обезличенную коммуникацию*. Она становится настолько распространенным и институализированным явлением, что на ее фоне *редкие «вспышки» диалогического со-бытия преподавателя и студентов уже начинают расцениваться как ненормативные явления*. Нарастающая взаимная отчужденность между участниками образовательного процесса приводит к упадку «духовного беспокойства» как главного, по мысли К. Ясперса, атрибута университета [Ясперс 2006]. «Обмен знаками (знания, культуры) в Университете между “обучающими” и “обучаемыми” является с некоторых пор уже не более чем удвоенной коллизией горечи безразличия (безразличие знаков, влекущее за собой охлаждение социальных и человеческих отношений), удвоенным симулякром психодрамы <...>. В этом смысле Университет остается местом безнадежной инициации в пустую форму ценности, и тем, кто живет в нем уже несколько лет, знакома эта странная работа, настоящая безнадежность не-работы, не-знания. Так как современные поколения еще

грезят о том, чтобы читать, учиться, соперничать, но душа больше туда не вкладывается – в общем, культурная аскетичная ментальность канула в лету» [Бодрийяр 2013: 195–196]. Когда душа больше не вкладывается в чтение и учение, с ней происходит то, что А. Н. Леонтьев метафорически называл ее «обнищанием» при обогащении студента информацией. Хоть и с сожалением, но приходится признать, что в современном образовательном дискурсе воцарился примат симулякра над смыслом.

Хороший преподаватель сегодня – это тот, кто выразительно и доходчиво, в полном соответствии со стандартом и образовательной программой, с нарочито компетентным видом сообщает студентам прописные учебные истины. Возможно, большинство моих коллег (и тем более студентов) одобряют этот показатель профессиональной пригодности современного преподавателя. Однако если хорошенько вдуматься, то получается, что показатель этот скорее элиминирует возможность настоящей образовательной коммуникации. Редкие университетские преподаватели, которые меня действительно чему-то научили, вовсе не сообщали мне определенной суммы знаний (боле того, они никогда не стремились к обеспечению формально-логической понятности), видимо, понимая, что знания – это не то, что передается по коммуникативной дуге. Но они умели всем своим присутствием, своим мышлением создать смыслообразующий контекст, «смысловое поле», внутри которого я мог остро переживать необходимость понимания предмета их «размышлений вслух» и необходимость осуществления самого себя в собственных актах мышления и понимания. Такие мастера могли создавать настоящее событие мышления и погружать студентов в «смысловое поле» этого события, которое обнуляло все наивные установки и ожидания, сложившиеся схематизмы мысли и вместе с тем требовало от слушателей рефлексивного соучастия в этом напряженном событии мышления. О подобном образовательном эффекте писал М. К. Мамардашвили: «То, о чем мы говорим, есть просто описание участия человеческого сознания в некотором дпящемся событии. Если я утверждаю, что понять мысль автора, вступить в контакт с нею значит в точке контакта самому породить мысль, и только породив свою мысль, можно понять мысль другого, а если мы не породили свою мысль, то мы ее не понимаем, – то это означает, что в каком-то смысле мысль относится к такого рода событиям, которые не случились» [Мамардашвили 1995: 389]. О подобной герменевтической установке как об условии активного (конструктивного) понимания текстов культуры говорит сегодня И. Т. Касавин: «...осмысленно только то, что осмысленно заново; восприятие смысла – всегда интерпретация, творчество, конструирование, создание нового, осмысление мира на свой лад; всякое смыслообразование есть иносказание» [Касавин 2013: 53].

Если придерживаться намеченного М. Мамардашвили взгляда на процесс приобщения к гуманитарному знанию, то следует вызывать у студентов внутреннюю убежденность, что, к примеру, не существует никакой психологии до акта ее понимания, хотя критики этой идеи могут сказать, что все же она (психология) существует в многочисленных текстах соответствующего жанра. Но текст складывается в качестве текста, как было указано выше, лишь актами его чтения и понимания, актами персонификации его содержания. Так, размышляя о позиции педагога, В. П. Зинченко писал: «Плохой педагог – всего лишь транслятор учеб-

ника, программы, стандарта образования. Хороший педагог подобен актеру, он разыгрывает институционализированное знание, персонифицирует его, вводит в жизненный контекст, обращает внимание на его недосказанность. Это способствует узнаванию учащимся своего знания и самого себя, своей мысли в институционализированном знании. Педагог заражает учащихся интересом к миру вообще и к миру знания в частности. Образование, учебная деятельность, как и любая другая, включает в свой состав не только когнитивные и оперативно-технические аспекты деятельности, но и такую человеческую ценность, как живую коммуникацию («роскошь человеческого общения»), порождающую эмоции, чувства, переживания, аффекты, – коммуникацию, являющуюся неперенным условием личностного и будущего профессионального роста...» [Зинченко 2002: 28]. Только внутри живых коммуникативных актов возможно порождение «живого знания» – как знания, встроенного в контекст значимых жизненных отношений человека. Всякая образовательная практика, не отсылающая студента к самому себе, является практикой воспроизводящей, а следовательно, квазиобразовательной практикой, но не развивающей.

Укорененный в своем профессиональном призвании преподаватель все еще способен пошатнуть ролевую «вплетенность» студента в ситуацию образовательной коммуникации и перевести ее в режим событийно наполненного диалога, в ценностно-смысловом контексте которого отменяются все формально-ролевые игры, поддерживающие воспроизводство информации, «обнуляются» внешние, прагматичные мотивы учения и соответствующие им познавательные установки. Такая экзистенциально-ориентированная образовательная практика всегда предполагает: а) *«пробрасывание» преподавателем новых смысловых горизонтов понимания (как поступательное расширение границ ближайшего, еще не установленного, а только устанавливающегося смыслового поля совместного понимания); б) помощь студенту в преодолении сложившихся схематизмов мышления и прагматичных смысловых установок, элиминирующих личностный компонент знания* [Полани 1985]. В современном образовательном дискурсе (тем более если вести речь о психологическом образовании) противопоставить симулякру можно лишь то, что человек, по замечанию М. К. Мамардашвили, «из себя и на себе, оплачивая собой, может иметь или производить» [Мамардашвили 1991: 45], то есть только то знание, которое «проработалось во времени смысла и понимания» [Его же 1996: 342]. Лишь в таком случае *студент в актах собственного мышления и переживания начинает сбываться в качестве действительного субъекта профессионального пути, действительно укорененного в профессиональном бытии.*

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; под ред. Г. С. Бернштейна, Л. В. Дерюгина. М. : Искусство, 1979.

Бердяев Н. А. Самопознание. Русская идея. М. : АСТ: Астрель; ВКТ, 2011.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013.

Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академический проект, 2011.

Зинченко В. П. Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова): учеб. пособие. М. : Гардарики, 2002.

Касавин И. Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 46–57.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1999.

Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении // Мысль изреченная...: сб. ст. М. : ИФАН, 1991.

Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М. : Ad Marginem, 1995.

Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М. : Лабиринт, 1996.

Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 1997.

Молчанов В. И. Исследования по феноменологии сознания. М. : Территория будущего, 2007.

Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск : БГУ, 2005.

Полани М. Личностное знание. М. : Прогресс, 1985.

Пятигорский А. М. Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. М. : Языки русской культуры, 1996.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М. : Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002.

Субъект, личность и психология человеческого бытия. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2005.

Шпет Г. Г. Сочинения. М. : Правда, 1989.

Ясперс К. Идея университета. Минск : БГУ, 2006.

Sloterdijk P. Kritik der zynischen Vernunft. F. am. M., 1983.

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Ursul Arkadiy D. V. I. Vernadsky and Global Studies (On the Occasion of the 155th Anniversary of the Scientist) (pp. 3–14).

Spiridonova Valeriya I. Globalization in the 21st Century: Involution and New Perspectives? (pp. 15–25).

Punchenko Oleg P. Frontiers of Euro-Asian Globalization: Synergetic Analysis (pp. 26–38).

Processes of Globalization

Azimov Pulod Kh. The Role of International Transport Corridors in the Process of Globalization of Economies of Central Asia (pp. 39–46).

Rakitov Anatoliy I. Culture, Civilization, and Modern Technologies in the Perspective of Global Transformations (pp. 47–57).

Glushenkova Elena I. N. N. Moiseyev: Social Philosophy and Political Ideas (pp. 58–71).

Global Issues

Sarval Anil. The Role of English Language in Global World (pp. 72–80).

Ilyin Alexey N. The Globalization of Consumerism and its Associated Social and Cultural Problems (pp. 81–94).

Nature, Society, and Humans

Sayamov Yuri N. Peace of Westphalia and its Principles in the Past and Present (pp. 95–105).

Shevchenko Vladimir N. The Return of China to the National Development Path in the Age of Globalization: The Significance and Conclusions for Russia (pp. 106–119).

Savchenko Viktor A. The Premises for Political Revolutions (pp. 120–133).

Nelyubin Nikolai I. Simulacrum as a Unit of Modern Educational Communication (pp. 134–142).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2a/Bek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 3(27), 2018. – 144 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Технический редактор *К. Р. Ташланова*

Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*

Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

Е-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 03.08.2018. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,61.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»

Полиграфкомбинат «Офсет»

400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10